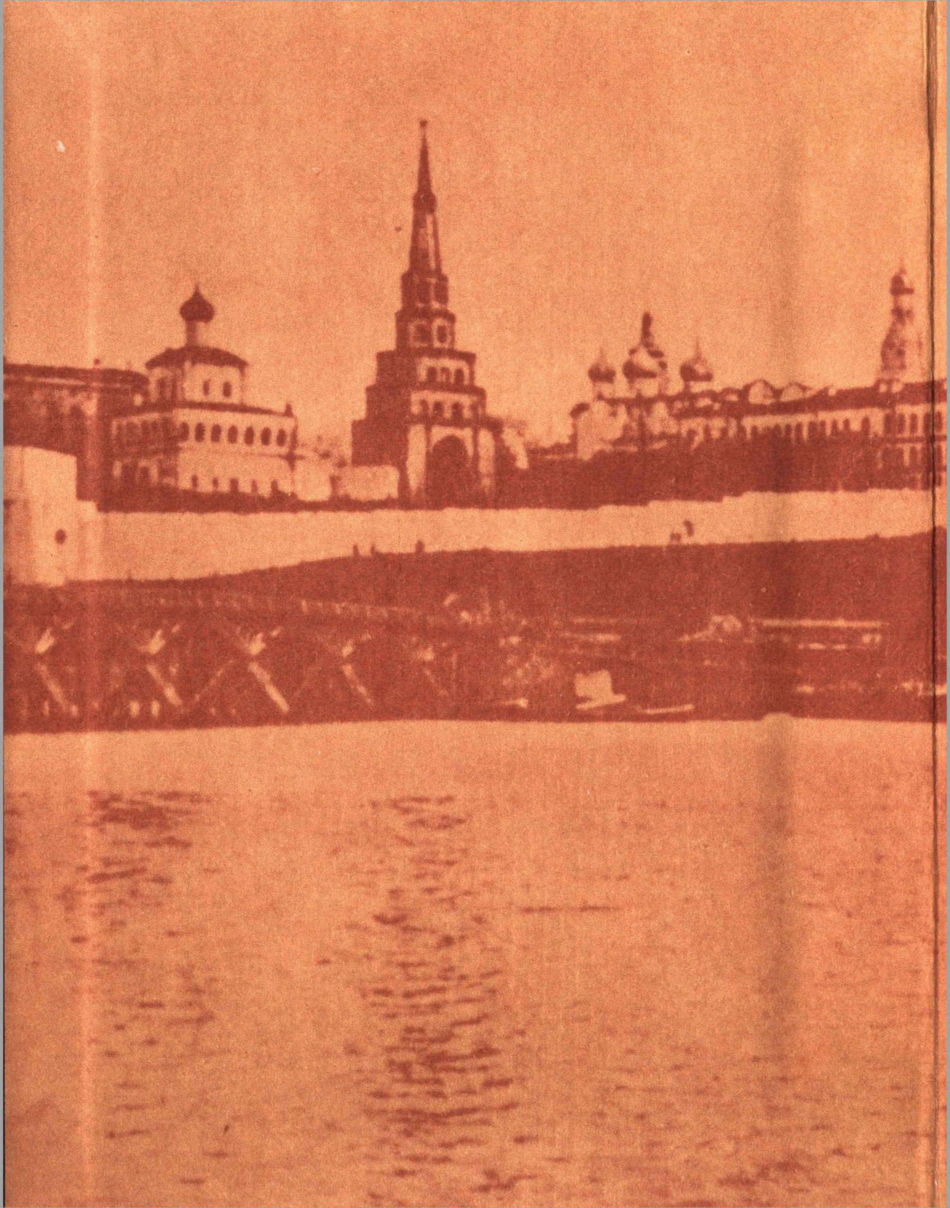
МОЛОДОГВАРДЕЙСКАЯ ЛЕНИНИАНА

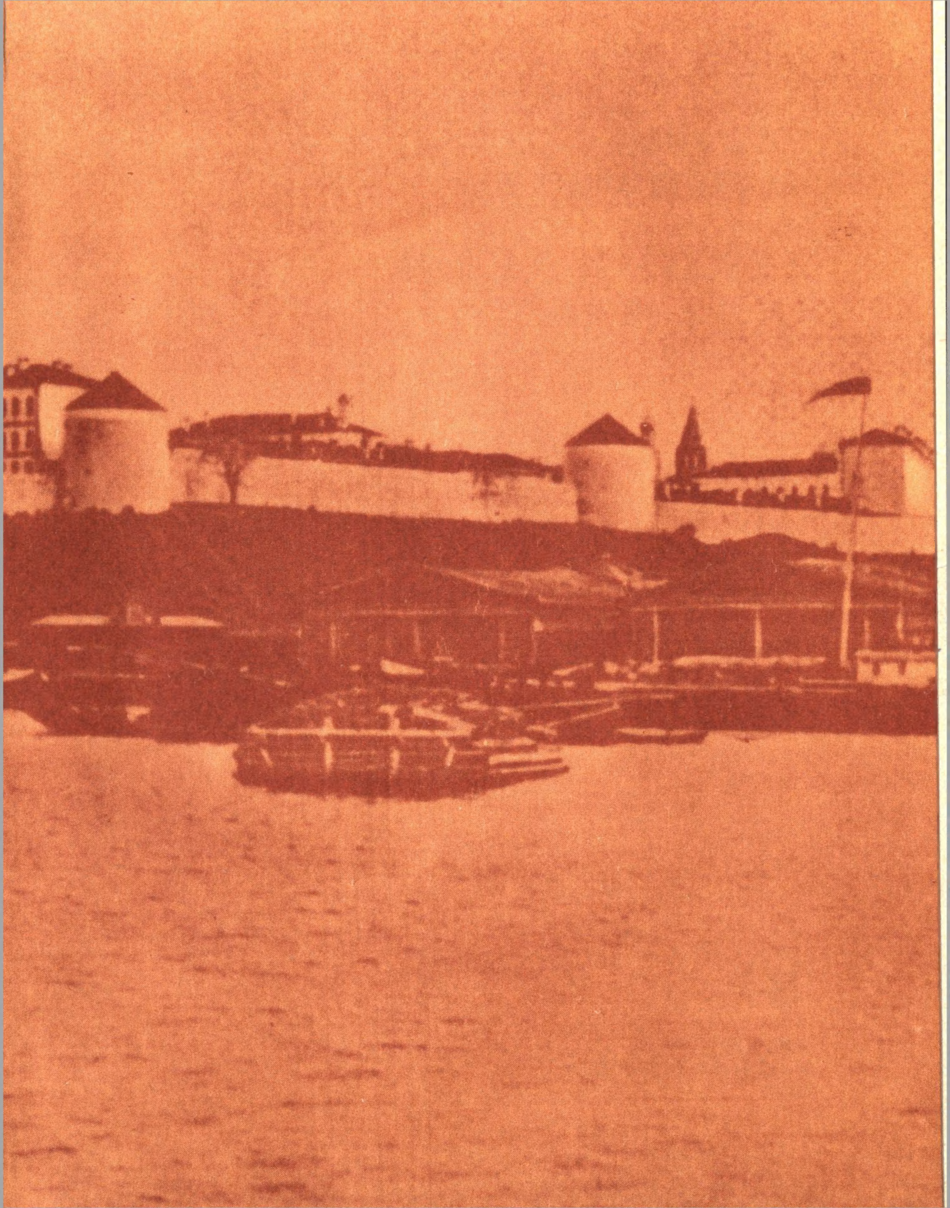
В декабре 1887 г. я был первый раз арестован и исключен из Казанского университета по студенческим волнениям; затем выслан из Казани.

ЖОРЕС ТРОФИМОВ

КАЗАНСКАЯ СХОДКА

ЖОРЕС
ТРОФИМОВ

КАЗАНСКАЯ СХОДКА

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1986

13.50
Т 76

Трофимов Ж. А.

Т 76 Казанская сходка. — М.: Мол. гвардия, 1986. — 208 с., ил. — (Молодогвардейская Лениниана).

70 коп. 65 000 экз.

Собранные автором материалы с документальной точностью восстанавливают события далеких студенческих лет жизни Владимира Ильича Ленина. Читатель узнает о Казанском университете, где учился молодой Ульянов, круге его знакомств, участии в знаменитой студенческой сходке, первой ссылке и первых шагах революционной деятельности. Книга адресуется молодежи.

Т $\frac{0103020000-116}{078(02)-86}$ 004—86

ББК 13.50
3К26

ОТ АВТОРА

В 1979 году в серии «Молодогвардейская Лениниана» вышла моя книга «Великое начало», посвященная детским и школьным годам Владимира Ульянова. «Казанская сходка» — документальное повествование об учебе Владимира Ильича в Казанском университете и начале его революционной деятельности.

Казанский период по сравнению с симбирским, где прошли первые 17 с лишним лет жизни Владимира Ильича, невелик — всего 22 с небольшим месяца. Но он насыщен весьма важными событиями: начало университетского учения, активное участие в знаменитой сходке-демонстрации студенчества 4 (16) декабря 1887 года, первое пребывание в тюрьме, последующие за ним 309 дней ссылки в Кокушкине и, наконец, членство в одном из федосеевских марксистских кружков, едва не закончившееся новым тюремным заключением. И все это время — огромная умственная работа в «своих университетах», закалка воли и характера, накопление конспиративных навыков революционной борьбы, изучение противоречий окружающей действительности, овладение «Капиталом» и распространение марксистских идей.

Книга строго документальна: в ней нет вымышленных эпизодов или лиц. Однако, к великому сожалению, собственноручно написанных ленинских документов о казанской поре до нас дошло очень мало: прошения о поступлении и выходе из университета, перечень курсов, которые он изучал в первом семестре 1887/88 учебного года, обязательство не состоять без разрешения начальства в каких-либо обществах, прошения о желании продолжить образование в Казанском университете или выехать за пределы России для поступления в какой-либо заграничный университет. В известных скупых автобиографических строчках, оставленных нам Владимиром Ильичем, он отметил только, что в декабре 1887 года был «первый раз арестован и исключен из Казанского университета за студенческие волнения; затем выслан из

Казани» *. Наконец, в статье «Несколько слов о Н. Е. Федосееве» Владимир Ильич подтвердил свое участие в одном из федосеевских кружков в Казани, дал очень высокую оценку роли, которую сыграл Н. Е. Федосеев в распространении марксизма в Поволжье и некоторых других местностях Центральной России, и отметил, что если бы в 1889 году не уехал в Самарскую губернию, то и сам «легко мог также быть арестован, если бы остался тем летом в Казани» **.

К числу важнейших источников относятся письма Анны Ильиничны и Ольги Ильиничны, посланные в 1887—188 годах своим подругам из Казани и Кокушкина, прошения Марии Александровны о смягчении участи подвергшихся репрессиям своих старших детей и принятии в гимназии младших, воспоминания и статьи А. И. Ульяновой-Елизаровой, Д. И. Ульянова, М. И. Ульяновой и Н. К. Крупской, а также двоюродного брата Владимира Ильича Н. И. Веретенникова.

Есть еще одна группа документов, которая представляет интерес для исследователя. Это официальные отзывы инспектора студентов Казанского университета, донесения полицейско-жандармских чинов, заключения попечителя Казанского учебного округа и казанского губернатора о студенте Владимире Ульянове и его участии в землячестве, сходке и революционных кружках, их возражения против восстановления Владимира Ильича в правах студента. Анна Ильинична полагала, что власть имущие в Казани смотрели на Владимира Ильича прежде всего как на брата Александра Ульянова, казненного за попытку покушения на царя, и поэтому преувеличивали его роль в подготовке и проведении сходки-демонстрации 4 декабря 1887 года. Отчасти так оно и было. Но трудами советских историков еще в 20—30-х годах установлено, что Владимир Ильич, искусно конспирируя, безусловно являлся одним из организаторов выступления казанского студенчества ***.

В 1955 году вышла в свет монография профессора Б. Волина «Ленин в Поволжье», в которой освещался и казанский период жизни и деятельности Владимира Ильича. Определенный вклад в дальнейшую разработку этой темы внес И. Кондратьев своей книгой «Ленин в Казани», вышедшей в 1957 году.

Работа по изучению начала революционной деятельности Владимира Ильича продолжается. Особенно плодотворны исследова-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 21.

** Там же, т. 45, с. 324—325.

*** См.: Корбут М. К. Студенческое движение в Казани в восьмидесятые годы и В. И. Ленин. — Каторга и ссылка. 1929, № 7 (56); Архивные документы и биографии В. И. Ленина. — Красный архив, 1934, № 1 (62).

ния группы ученых кафедры истории КПСС Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина под руководством профессора Р. И. Нафигова * и старшего научного сотрудника Казанского филиала Академии наук СССР М. А. Сайдашевой **. Им удалось ввести в научный оборот ряд новых документов и материалов о В. И. Ленине и семье Ульяновых; проследить преемственность революционных традиций в студенческом движении Казани 80-х годов, его связи со своими единомышленниками; выявить новые нелегальные издания, связанные со сходкой 4 декабря 1887 года, и уточнить состав студентов, участвовавших в ней; наметить составы кружка «вредного направления» и федосеевского кружка, в которых состоял Владимир Ильич.

С первой публикацией о Казанской сходке я выступил в печати в 1963 году ***. Но понадобилось еще два десятилетия архивных разысканий и изучения всех других источников, чтобы накопился материал для предлагаемой книги. Это не монография, а последовательное повествование о казанских страницах биографии В. И. Ленина. Начало революционной деятельности Владимира Ильича показывается в тесной связи с его жизнью в семье. Хотелось не упустить здесь ни одной детали (насколько позволял объем книги) и воссоздать как можно точнее обстановку, окружавшую молодого Ленина, чтобы читатель яснее мог понять и представить особенности формирования революционного мировоззрения Ильича.

В книге нет сенсационных открытий, но внимательный читатель найдет для себя как новые подробности, так и новую трактовку давно известных документов.

Так, в литературе утвердилось мнение, что при поступлении Владимира Ильича в университет ректор якобы запросил на него (и только на него) характеристику из Симбирской гимназии. В действительности в 1887 году без выпускной характеристики уже никого не принимали в высшее учебное заведение. Анализируя характеристику Владимира Ульянова, подписанную Ф. М. Керенским, многие полагают, что директор гимназии блестяще ат-

---

* См.: Нафигов Р. И. Первый шаг в революцию. В. И. Ленин и казанское студенчество 80-х годов XIX века. Казань, 1970; он же. Тайны революционного подполья. Архивные поиски и находки. Казань, 1981.

** См.: В. И. Ленин и Татария. Сборник документов, материалов и воспоминаний /Сост. М. А. Сайдашева, Ю. В. Бурнашева. Казань, 1970.

*** См.: Революционная сходка-демонстрация студентов Казанского университета 4 (16) декабря 1887 г. и симбирское землячество. — Уч. записки Ульяновского пед. ин-та имени И. Н. Ульянова. Ульяновск, 1963, т. 18, вып. 3.

тестовал родного брата казненного революционера. В это трудно было поверить. Сличение всех 27 характеристик выпускников Симбирской гимназии 1887 года показало, что Керенский, восхищаясь благоговейными чувствами к церкви и отрицательным отношением к «превратным учениям» ряда воспитанников, уклонился от обязательного ответа, религиозен ли Владимир Ульянов и как он относится к «социальным вопросам». Зато выпятил его «излишнюю замкнутость», «нелюдимость», что в тех условиях воспринималось властями как подозрительная скрытность, как намек на необходимость пристального наблюдения за поведением молодого человека.

Далее. В книге впервые указывается, какому именно «товарищу по гимназии» написал Владимир Ильич в Кокушкине письмо с откровенным рассказом о сходке 4 декабря 1887 года — Борису Фармаковскому, своему давнему адресату. Расшифровывается, что это за подруга «Надя», которой Анна Ильинична регулярно посылала письма из Кокушкина в Петербург. Обосновывается новая дата отъезда семьи Ульяновых из Казани в Алакаевку — не 3 мая, как это считалось, а 2-е.

Этот перечень находок можно продолжить. Но следует признать, что автору не удалось заполнить все «белые пятна» казанской поры в жизни Ленина. Так, подметив, что Владимир Ильич подписал «Обязательство» не состоять в землячествах и даже в дозволенных обществах без разрешения начальства не как все другие — за неделю до начала учебного года, а через неделю после первых лекций (2 сентября), он затруднялся дать этому факту исчерпывающее объяснение. По-прежнему остается загадкой, на чем основывалось мнение начальника Казанского губернского жандармского управления, что Владимир Ульянов, находясь даже в кокушкинской ссылке, «продолжает принимать деятельное участие в организации революционных кружков среди казанской учащейся молодежи...». Требуются дальнейшие исследования о федосеевском кружке, в котором состоял Владимир Ильич, и по некоторым другим проблемам. И все же можно надеяться, что книга позволит читателю глубже и конкретнее представить себе, как произошло революционное крещение вождя.

Выражаю глубокую признательность сотрудникам Казанского дома-музея В. И. Ленина и Дома-музея В. И. Ленина в Ленино—Кокушкине за помощь в сборе материалов для этой книги.

ПОКИДАЯ СИМБИРСК

В субботу 27 июня 1887 года теплым летним вечером двухпалубный товаро-пассажирский пароход общества «Кавказ и Меркурий» отчалил от Симбирской пристани и взял курс вверх по Волге на Казань. На палубе среди пассажиров второго класса была невысокого роста хрупкая пожилая темноглазая женщина в скромном траурном платье и с черной наколкой на седых волосах. Это Мария Александровна — вдова директора народных училищ Симбирской губернии Ильи Николаевича Ульянова и мать казненного полтора месяца назад за подготовку покушения на самого царя студента Петербургского университета Александра Ульянова.

Рядом с Марией Александровной — ее дети: Владимир — среднего роста, крепкий 17-летний юноша с волевым лицом, волнистыми рыжеватыми волосами над высоким лбом и слегка прищуренными карими глазами — и Ольга — серьезная девушка с темной косой. Ей шестнадцатый год. Эта всегда и во всем дружная пара только что закончила гимназии с золотыми медалями. Но из-за тяжелых событий последнего времени радости они не испытывали. Чувствовалось лишь удовлетворение от сознания выполненного долга перед своей совестью, памятью отца и старшего брата, перед измученной горем матерью.

Смерть отца и гибель старшего брата сделали Владимира, теперь старшего мужчину в семье, взрослым чело-

веком, опорой матери, ответственным за сестер и младшего брата. Неделю назад он проводил в ссылку в село Кокушкино старшую сестру Анну: она отправилась на таком же пароходе вместе с младшими — тринадцатилетним Митей и девятилетней Маняшей — до Казани. И вот теперь, последними, они покидают Симбирск. Покидают навсегда.

Тяжело было расставаться с родным городом, где прошли 17 лет его жизни и с которым были связаны все воспоминания и думы. Глубокие корни связывали с Симбирском и всю семью Владимира. Отец и мать с пятилетней Аней и трехлетним Сашей переехали из Нижнего Новгорода в Симбирск осенью 1869 года. Здесь, на Стрелецкой улице, протянувшейся вдоль бровки крутого и высокого коренного волжского берега, остался стоять полукаменный флигель, принадлежавший вдове дьякона Прибыловской, в котором он родился 10 апреля 1870 года — первый симбирянин в их семье... Девять лет Ульяновы кочевали по шести частным квартирам Симбирска, а семья росла: за Владимиром родились Оля, Митя, Маняша. И когда их у родителей стало шестеро — три брата и три сестры, они веселой ватагой перебрались наконец в собственный дом, на Московской, с двором и садом. Это было в августе 1878 года. Жизнь их большого семейства тогда, казалось, приобрела покой и стабильность. И детство было безоблачным и счастливым, хорошо и уютно устроенным умными, добрыми и заботливыми родителями. И мир раскрывался через радостное общение с матерью, всегда чуткой, приветливой, терпеливой и требовательной. Она первая ввела его в чудесный мир сказки, поэзии, музыки, раскрыла перед ним волшебную силу грамоты. Постоянную радость приносили заботы жизнерадостного и доброго отца, проявлявшего редкую для мужчины предусмотрительность к детям, обладавшего тонким умом и целой сокровищницей самых разнообразных знаний. С ним всегда было интересно: и на лоне природы, и во время прогулки на пароходе по

Волге, и в его притягивающем, как магнит, кабинете, наполненном всякими загадочными вещами: приборами, моделями, интересными книгами, таблицами и коллекциями. Обширными знаниями он щедро делился со своими и чужими детьми, пробуждая в них неиссякаемую любознательность.

Теперь Владимир понимал, что не одну радость приносило общение с матерью и отцом: их глазами он стал постигать смысл самой жизни, их душой чувствовать сущность добра и зла. Благодаря им он приобрел внутреннюю потребность делать добро и бороться со злом, стал понимать, что прожить жизнь надо с наибольшей пользой для людей труда. Эта высокая нравственная цель была делом жизни Ильи Николаевича. Ради нее он оставил в Нижнем Новгороде преподавательскую работу среди детей привилегированного общества и приехал в Симбирск на должность инспектора народных училищ губернии. Для растущей семьи этот переезд был сопряжен с большими трудностями. Но родители не тяготились выпавшими испытаниями, и особенно мать — ведь все хлопоты о доме и детях легли на ее плечи. Напротив, она поддерживала просветительскую деятельность мужа, вместе с ним радовалась его успехам. А успехи эти, стоившие огромных трудов, изнурительной борьбы с реакционерами разных чинов и инстанций, были с каждым годом все более ощутимыми. Здесь и новые школы в селах, и открытие в Симбирске первой чувашской школы и первого женского приходского училища, наконец, организация Порецкой учительской семинарии — кузницы кадров учителей нового типа, носителей идей Ушинского, Добролюбова...

Это неугасимое стремление к добру, желание помочь обездоленным передались детям. А та преданность и трудолюбие, с которыми отец отдавался этой деятельности, всегда были наглядным и ярким примером, как надо служить благородной идее, полезному делу.

Первым его, Володи, серьезным делом было поступ-

ление в классическую гимназию, которое прошло блестяще, несмотря на «недобор» восьми месяцев до положенных первокласснику 10 лет. Учился он вдумчиво, как любимый старший брат Саша, и всегда был первым учеником, переходя из класса в класс с похвальными листами и наградными книгами. Но любознательность, жажда живых, полезных знаний постоянно сталкивалась с массой ненужного, отвлеченного от жизни, почти целиком направленного на изучение древностей материала, который требовали зазубривать. Содержание «классического» образования нередко угнетало, рождало чувство неудовлетворенности. Тяготила и сама полуказарменная обстановка гимназии, унижающая достоинство личности, убивающая творческую инициативу, насаждающая беспрекословное подчинение деспотизму и тупое богопочитание. Ненавистно было само существование кондуитов, штрафных журналов, карцеров. Как трудно было терпеть все это ему, Владимиру, воспитанному в здоровой, разумной, свободной среде. И если он со своим живым, бойким и веселым характером находил разрядку в шумных играх с Олей и младшими, то как тяжело было тянуть гимназическую лямку Саше, всегда серьезному, сдержанному и немногословному! Выдавали внутренний протест и обиду только его грустные глаза, а сам он уходил в себя со своими нелегкими думами.

Настоящее же отдохновение и удовлетворение они находили в чтении! Читали много и с упоением. Если бы собрать все прочитанное в Симбирске, то не хватило бы места книгам даже в доме на Московской. Сначала это были русские народные сказки, волшебные сказки Пушкина (особая любовь к которому так и осталась навсегда), книги Толстого, Ушинского. Прекрасная подборка свободолюбивых стихов была в хрестоматии «Русские поэты в биографиях и образцах», составленной известным поэтом и переводчиком Гербелем, человеком, причастным к тайному революционному обществу «Земля и воля». Их читали и перечитывали, заучивали наизусть.

А какое наслаждение Ильич испытывал от книг Гоголя и Бичер-Стоу. Такие книги вызывали горячий отклик в его душе. Но за примерами несправедливостей не надо было ехать в Америку. С ними приходилось сталкиваться везде и повсюду, стоило только шагнуть за порог своего дома. Куда ни кинешь взгляд — нищета и роскошь, скудно оплачиваемый изнурительный труд рабочих и крестьян и барская расточительность бездельников, деспотизм и рабское подчинение, обласканные богом привилегированные сословия и вопиющая несправедливость всевышнего к голодному и оборванному люду, тщетно бьющему лбы о полы сверкавших золотом десятков симбирских церквей... Недаром Саша перестал ходить в храм божий. И хотя отец не был атеистом, богослужения посещал (да и не имел права не посещать), однако Сашу не неволил. А значит, уважал самостоятельность его мышления и свободу духа.

Все это закономерно, и не могло быть иначе. Отец не был революционером, но был проникнут вольнолюбивыми стремлениями. С какой задушевной искренностью он пел на приволье в Кокушкине, где никто, кроме своих, не мог слышать его любимую песню на слова петрашевца Плещеева:

По духу братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба.
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

Чувства отца не оставляли равнодушными детей. Вольнолюбивые настроения проявлялись в пристрастии к произведениям Некрасова, которые Аня с Сашей нередко просто напевали.

А ведь с такими волнующими душу некрасовскими стихами, как «Песня Еремушке» и «Размышления у парадного подъезда», Сашу познакомил отец. Анна помнила, что у старшего брата чуть ли не с девятилетнего возраста возникали вопросы на общественные темы, и отец

обстоятельно отвечал на них, формируя гражданские идеалы сына. Возвращаясь из своих длительных поездок по губернии, отец рассказывал о жизни села, и дети хорошо знали о горькой нищете, забитости и темноте симбирского крестьянства. Под впечатлением бесед с отцом и он, Володя, стал с детства внимательно присматриваться к крестьянской судьбе.

А 1 марта 1881 года в Петербурге произошло потрясающее событие: убили императора Александра II. В Симбирске, как раз во время ярмарки, на которую съехалась масса народа, царило небывалое возбуждение. Листки с правительственным сообщением были расклеены на столбах, продавались в киосках. В гимназиях установили порядок проведения панихид по покойному монарху: в девятый, двадцатый, сороковой, полугодичный дни после его кончины. На этих панихидах законоучители предавали проклятию революционеров, убивших царя, и сетовали на религиозное неверие, равнодушие к книгам «религиозно-нравственного содержания», интерес к «изучению и усвоению всевозможных... модных теорий». Убийство царя на многих нагнало страху, однако вне стен гимназии кое-кто отваживался шепотом произносить имена Гриневицкого, Рысакова, Желябова, Перовской... Организаторы покушения поплатились жизнью, но их самоотверженный поступок побуждал молодежь задуматься над причинами и целями их смертельной схватки с царизмом, заставлял преклониться перед мужеством и героизмом молодых борцов. Владимиру тогда было всего 11 лет. Однако именно после этих памятных, трагических событий он стал внимательно вслушиваться во все политические разговоры, постепенно осознавая, что кровопролитная борьба революционеров-народовольцев с царизмом — это попытка улучшить положение трудового народа, в первую очередь крестьян, ограбленных при своем «освобождении» в 1861 году. Крестьяне и сами пытались восстановить справедливость: захватывали земли, совершали самовольные потравы на помещичь-

их полях и порубки в их лесах, поджигали господские усадьбы. Обо всем этом не только говорили — писали в газетах. Но находились люди, которые не просто сочувствовали, а поддерживали протесты крестьян. Этих людей называли в печати и на богослужениях «злонамеренными пропагандистами», распространяющими «вредные социалистические учения», от которых старательно пытались оттолкнуть молодежь.

Вглядываясь в жизнь, Владимир не мог не замечать, что противоречиями и борьбой пронизаны все ее сферы, в том числе и народное образование — область деятельности его отца. Со временем он стал понимать, почему «охранители порядка» так рьяно искали «крамолу» в жизни народной школы. Воспользовавшись случаями политической неблагонадежности преподавателей и воспитанников Порецкой учительской семинарии, реакционеры чернили как семинарию, так и земскую школу вообще. Даже на страницах «Симбирской земской газеты» и «Волжского вестника» с возмущением отмечали снижение уровня религиозности в начальных училищах (подведомственных его отцу) и шаткость «религиозно-нравственного направления» учителей-поречан (выпускников семинарии, организованной и направляемой его отцом), подверженность народных учителей влиянию революционных идей и требовали возвратить священникам былую главенствующую роль в школе. Постановку же преподавания в народных училищах в духе Ушинского они подвергали резким нападкам и утверждали, что серьезным изъяном является то, что в них «развивают ум разъяснением разных предметов чтения, относящихся к естествознанию, географии, истории, общественной жизни» (!), но ничего не говорят о «великих реформах» Александра II и других «деяниях царя-освободителя». В печати упрекали деятелей народного образования и в том, что они по-настоящему не ведут борьбы «с появившимся злом» и «лжеучителями», то есть с пропагандистами-революционерами; публично сетовали, что если раньше

обучение в начальных школах «шло рука об руку с религией», то ныне «благодаря людям, посвятившим себя народному образованию», этот союз ослабел.

В газетах раздавались упреки в адрес Ульянова и его помощников за пристрастие к «отвлеченным педагогическим приемам», насаждение на уроках «слишком формального, школьного характера изучения закона божьего» и сокращение учебных часов по этому предмету. Духовенство и реакционеры лживо утверждали, что дирекция народных училищ не понимает истинных потребностей народа, который желает лишь того, чтобы крестьянские дети научились читать, писать, считать, знали молитвы, могли прочесть богослужебную книгу на церковнославянском языке да петь в церковном хоре.

Таким образом, несмотря на то, что народная школа под руководством отца шла в гору (это неоднократно отмечалось в прогрессивных статьях не только симбирской, казанской, но и столичной печати) и официально правительство было вынуждено награждать директора народных училищ Симбирской губернии чинами и орденами, в действительности же в его деятельности усматривался «опасный для судеб отечества» подрыв государственной линии на ограничение образования народа. Поэтому отец неоднократно оказывался под угрозой отставки.

Все это не могло не отразиться на его душевном состоянии. Однако он оставался непреклонным в своей просветительской деятельности.

Истоки этой силы крылись не только в обостренном понимании своего долга перед народом. И мать и отец были сотнями нитей связаны с простыми тружениками, восприняли их лучшие черты. Илье Николаевичу и Марии Александровне были свойственны упорство, трудолюбие. Все, чего они достигли, они достигли своими руками, своим талантом и прилежанием. Это роднило их с народом, заставляло презирать праздную публику дворянского Симбирска.

Мать, воспитанная на глухом хуторке Кокушкино, в

40 верстах от Казани, где не было никакой школы, под руководством родных самостоятельно овладела всеми школьными предметами, в том числе иностранными языками, и сдала экстерном экзамены на звание учительницы. Отец, сын бывшего крепостного крестьянина, впоследствии бедного портного (которого он лишился в пятилетнем возрасте), и неграмотной матери, сумел закончить гимназию с серебряной медалью, будучи единственным, удостоенным такой награды за 40 лет ее существования! Он один из всей Астраханской губернии поступил в Казанский университет и, учась без стипендии — выходцу из «податного сословия» она не полагалась, — закончил физико-математический факультет со званием кандидата математических наук. Такие родители сумели развить у детей твердый характер, волю, трудолюбие. И Анна, и Александр, и Владимир, и Ольга — все учились прекрасно, хотя были самыми младшими среди своих одноклассников.

Первой повторила успех отца Анна: в 1880 году она закончила Симбирскую мариинскую гимназию с большой серебряной медалью.

Семейную традицию упрочил Александр: в 1883 году он удостоился золотой медали. Награда была очень весомой, так как его знания выходили далеко за пределы гимназической программы. Недовольный схоластическим содержанием большинства изучавшихся в гимназии предметов, он повседневно и самым серьезным образом занимался самообразованием: штудировал дома книги по естественным наукам, особенно химию по Менделееву. А чтобы приобрести нужные приборы, реактивы, руководства, не обременяя бюджет родителей, Саша давал частные уроки и на вырученные деньги оборудовал домашнюю лабораторию, позволявшую заниматься гальванопластикой, плавлением металлов, препарированием лягушек, червей и другими опытами.

Отлично успевали и Владимир с Ольгой. Чтение стало настоящим домашним университетом. Горизонты зна-

ния постоянно раздвигались с помощью книг по самым разнообразным областям науки: от «Жизни европейских народов» Водовозовой и «Истории цивилизации в Англии» Дрэпера до «Небесных светил» Фламмариона и «Математических софизмов» Обреимова.

В художественной литературе следом за детскими сказками, рассказами и стихами пришло время для серьезных произведений. Всех русских классиков дети прочли в средних классах гимназии. Отец рано давал их в руки, и это раннее приобщение к лучшим образцам воспитывало литературный вкус. Стали казаться неинтересными пустые романы, которыми зачитывались одноклассники. 4

В доме на Московской отец собирал сочинения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Д. И. Писарева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. В. Гоголя, Г. И. Успенского, Д. Д. Минаева, С. Я. Надсона, Н. Г. Помяловского, И. В. Омулевского, В. М. Гаршина... Была и зарубежная классика: Г. Гейне, И. Гёте, В. Гюго, Э. Золя, Г. Мопассан, А. Доде...

Много книг брали в Карамзинской библиотеке, одной из лучших провинциальных общественных библиотек России. Отец несколько лет состоял членом ее комитета и знал о поступлениях интересных новинок. Владимир любил ходить и в небольшой читальный зал этой библиотеки, ютившейся в левом крыле нижнего этажа великолепного белого здания дворянского собрания. Тяга молодежи в симбирскую «публичку» была велика, потому что в ученической библиотеке классической гимназии подбор книг был очень строг, а литературные новинки, затрагивающие злободневные общественные вопросы, туда вообще не поступали. Увы, в 1884—1885 годах и Карамзинская библиотека обеднела: на основании циркуляра министра внутренних дел были изъяты из общественного пользования «Капитал» К. Маркса, сочинения русских революционных демократов. В число «вредных»

произведений даже попали «Основы химии» Д. И. Менделеева и «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова. Однако эта полицейская мера только подлила масла в огонь, опальные авторы возросли в глазах молодежи, а запрещение их было истолковано как солидная рекомендация.

Запрещенные книги можно было достать у врача-демократа И. С. Покровского: Анна и Александр приносили от него Писарева. Брали книги у других знакомых. А когда Владимир приходил к товарищу по гимназии Аполлону Коринфскому, у которого была богатейшая библиотека, то так и зачитывался, стоя на табурете у какой-нибудь полки. У Коринфского наряду с классиками русской и мировой литературы были лучшие журналы России 60—80-х годов — «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Русская мысль»; сочинения В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Т. Г. Шевченко, Н. Е. Каронина-Петропавловского и даже нелегально изданные томики П. А. Кропоткина и С. М. Степняка-Кравчинского...

Значение прочитанного в Симбирске для формирования общественных взглядов Владимира Ульянова трудно переоценить. Сильной стороной русских классиков была «критика действительности, яркий показ людей и жизни», слабой — «пессимизм, свойственный им как представителям умирающего класса». «Но от их пессимизма, — писала Н. К. Крупская, — Ленина рано предохранили критики-публицисты, разбиравшие... беллетристов и приоткрывавшие завесу — поскольку это позволяли цензурные условия — над тем, куда пойдет общественное развитие» [1].

Обращением к демократической публицистике и Владимир, и старшие дети были обязаны опять же отцу: Илья Николаевич со студенческой скамьи увлекался статьями великих критиков. «Герцен, Белинский, Добролюбов и особенно Чернышевский.., — отмечала Н. К. Крупская, — давали определенное направление мысли, дава-

ли руководство к действию, хотя в самых общих чертах, полунамеками, толкали на искание путей и сил, могущих изменить действительность» [2].

У Александра, по его признанию, еще в ранней молодости возникло «смутное чувство недовольства общим строем», существующим в стране. Оно крепло, но Александр старался открыто не проявлять его. С отцом же откровенно беседовал на общественные темы. И тот предостерегал сына от порицания существующих порядков в гимназии и тем более критики государственного строя. Саша сдерживался, но как трудно было ему не обнаружить своих политических взглядов. Они нет-нет да прорывались даже в школьных сочинениях. Например, в таком смелом и глубоком по содержанию сочинении, как «Письма из-за границы Фонвизина и Карамзина». Опираясь на письма драматурга-сатирика, Александр так сформулировал свое понимание причин Великой французской революции XVIII века: «Бессодержательность и пустота жизни высших классов, страшная нищета низшего сословия, монополия всякого ремесла и других занятий и крайнее развращение нравов — вот главные явления тогдашней общественной жизни Западной Европы и в особенности Франции, и письма Д. И. Фонвизина из Парижа представляют из себя резкую и горячую сатиру на французское общество и его нравы». С большой симпатией Саша отозвался о Фонвизине, который «всегда горячо любил свою Родину» и «верил в ее большое будущее». И с сожалением отметил враждебное отношение Н. М. Карамзина к французской революции: «...он смотрит на нее только как на бунт невежественного народа, приписывает ее незначительной части французского общества и не только не видит от нее никакой пользы для французской нации, но даже прямой вред». Какие же политические настроения были у брата, если в сочинении он не смог удержаться от подобных высказываний!

Однако Саша нашел в себе силы, чтобы сосредоточиться на ближайшей цели: прежде всего получить выс-

шее образование, найти серьезное применение своим знаниям и способностям в науке, к которой действительно питал глубокий интерес.

После окончания гимназии он выбрал естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Анна же мечтала сразу после окончания гимназии стать народной учительницей, но из-за юного возраста только через год после выпуска сумела занять место помощницы учительницы в одной из начальных школ Симбирска. Два года она преподавала (не получая жалованья!), а когда Саша поехал в Петербург, отправилась туда же, на единственные в стране высшие женские курсы — Бестужевские.

С приездом в столицу Александр прямо-таки набросился на науку. Анна тоже серьезно занималась самообразованием, но ее поразило, когда он тоном глубокого сожаления заявил: «Больше 16 часов в сутки я работать не могу!»

В Петербурге старшие брат и сестра еще более обостренно почувствовали подлинную сущность российской монархии. Их потрясло посещение Петропавловской крепости, вид ее мрачных тюремных стен, фигура часового, неотступно следовавшего за ними. Казалось, они сами стали узниками одного из бастионов самодержавия. Так запечатлелось это посещение в памяти старшей сестры.

Гнетущие чувства вызвали у них похороны привезенного из-за границы тела И. С. Тургенева, когда вся погребальная процессия была сжата кольцом казаков. Александр писал домой тогда же, в сентябре 1883 года, что на Волково кладбище «пройти было нельзя»... Было ясно: правительство всячески препятствовало общественности в выражении глубоких симпатий к писателю-гражданину.

Поводы для размышлений давали и другие письма брата из Петербурга, в которых он сожалел об уходе профессора В. И. Семевского, а затем и попечителя учебного округа Ф. М. Дмитриева, знакомого отца, из-за не-

согласия с новым университетским уставом 1884 года, о закрытии по распоряжению градоначальника студенческой кухмистерской...

А уж когда в 1884 году Александр и Анна приехали после окончания 1-го курса на летние каникулы, Владимиру было о чем послушать. Горячо обсуждались животрепещущие проблемы, волновавшие всех в связи с усилением реакции в стране: закрытие в апреле «Отечественных записок», руководимых любимым Салтыковым-Щедриным, злополучный циркуляр министерства внутренних дел об изъятии из библиотек книг 125 прогрессивных авторов, студенческие протесты против нового университетского устава, намерения закрыть Бестужевские курсы и вообще преградить женщинам доступ к высшему образованию.

В Симбирске же Александр и Анна воочию убедились, насколько острый характер приобрела здесь борьба вокруг начального образования после обнародования 13 июня 1884 года столь желанных для крепостников «Правил о церковноприходских школах». Внешне это узаконение выглядело почти безобидно: в тех местностях империи, где не имелось министерских и земских школ, духовенству настоятельно рекомендовалось открывать свои элементарные учебные заведения. В действительности же «Правила» призывали и к тому, чтобы все местные органы власти обеспечивали главенствующее положение священников в светской системе народного образования. Насаждение церковноприходских школ — это путь «для осуществления золотой мечты деспотизма — всеобщей неграмотности» [3]. Так справедливо заметил писатель-революционер С. М. Степняк-Кравчинский.

Наступили самые трудные дни работы директора народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянова. Отец был убежденным противником церковноприходских школ, и весной 1884 года вновь заговорили о скором его удалении со службы. Александр и Анна, находившиеся в эти дни дома на каникулах, были в курсе этих собы-

тий. И Владимиру было больно за отца и его дело. Ему шел пятнадцатый год. Недовольство реакционной политикой крепло.

К летним каникулам 1885 года обстановка в стране еще более ухудшилась: реакционное дворянство перешло к практическому насаждению «религиозно-нравственного элемента» в начальной школе. Число церковноприходских школ за год в Симбирской губернии возросло с 22 до 59. А о земской школе крепостники публично, в печати заявляли, что в ней «под флагом просвещения провозится неприятельский груз», что крестьянские дети, прошедшие народную школу, дают «обильный приток свежих сил в... вредную среду», нападали на дирекцию народных училищ за недооценку церковного пения во вверенных ей школах и сокращение программ по церковнославянскому чтению. Нетрудно представить, с каким негодованием читали старшие в семье эти реакционные статьи в «Симбирской земской газете».

Не случайно, продолжая увлеченно заниматься естествознанием, на эти каникулы старший брат привез себе книги исключительно по общественным наукам: истории, истории политической экономии и социализма на русском, французском, немецком и английском языках, Видное место среди них занял «Капитал» К. Маркса.

Беседы отца с Сашей были серьезными. Дмитрий, которому было одиннадцать лет, запомнил, что однажды, когда в доме никого не было, кроме их троих, «отец с братом гуляли по средней аллее сада. Гуляли очень долго и говорили о чем-то тихо и чрезвычайно сосредоточенно. Лица их были как-то особенно серьезны...». Потом уже он понял, что говорили они на политические темы. А когда старшие уезжали в Петербург, отец попросил Аню: «Скажи Саше, чтобы он поберег себя хоть для нас».

О чем конкретно могли так серьезно беседовать отец с Сашей? Если учесть события тех дней, то нельзя обойти тему народного образования. Ведь как раз в августе в

«Симбирской земской газете» печатался отчет отца о состоянии народных училищ губернии за 1884 год, тот самый, в котором он мужественно ответил на все выпады реакционеров и выразил непоколебимую убежденность в правильности пути, намеченного еще К. Д. Ушинским. Мог ли отец не советоваться дома, выступить ли с этим документом в газете или нет? Ведь ясно было, что обнародование отчета в печати вызовет ярость противников «новейшей педагогии», а следовательно, и опасность его увольнения в отставку. И недаром потом, в ноябре, возмущение Александра выльется в революционной прокламации: «Только невежество порождало темное царство, оно составляло его силу, давало ему возможность подчинить своему гнету лучшие элементы русского народа. И это темное царство гнетет нас и теперь, но мы уже не сомневаемся, что дни его сочтены: распространение просвещения должно быть той путеводной звездой, которая выведет русский народ на его истинную дорогу».

Памятными были дни, когда незадолго до отъезда Александра и Анны в Петербург чуть ли не весь Симбирск был взбудоражен обысками и арестами по делу тайного гимназического кружка и его библиотек. Организатором же его был Валентин Аверьянов, бывший одноклассник Александра. Да и другие активные члены этого кружка были раньше его соучениками по гимназии. Знал их и Владимир.

Кружок имел две библиотеки. Одна состояла из легально изданной демократической литературы, но изъятой из общественных книгохранилищ. Другая — целиком из революционных брошюр и листовок и предназначалась только для надежных людей. Жандармы напали на след библиотеки и арестовали руководителей кружка. Жаль было библиотеку и пострадавших за это полезное дело.

После отъезда Саши и Ани осенью 1885 года Владимир много читал. Серьезные размышления вызывал Писарев. Под влиянием этого чтения он становится убеж-

денным атеистом вопреки многолетним стараниям руководства гимназии и духовенства, которые ежедневно вдалбливали тупое, благоговейное преклонение перед богом. День, когда Владимир сорвал с шеи крест и бросил его на землю, он не забудет никогда. Теперь стало легче дышать и свободнее мыслить.

Освобождение от религиозных пут позволяет теперь по-иному оценить и неумеренные поборы с крестьян, и пьянство, и гонения на народных учителей, и другие неблаговидные поступки симбирского духовенства. Очевиднее стала тесная связь церковников с господствующими классами и нелепость побасенки о том, что самодержец — «помазанник божий».

В эту очень важную пору жизни Владимира семью постигло непоправимое горе: 12 января 1886 года, на пятьдесят пятом году жизни, умер от кровоизлияния в мозг Илья Николаевич. Напряженная работа и сильные переживания рано оборвали его жизнь. Незадолго до смерти он ездил по делам в Сызрань. Поездка его очень расстроила. Анна, с которой Илья Николаевич возвращался вместе в Симбирск — она ехала домой на рождественские каникулы, — с болью смотрела на постаревшего отца. Настроение у него было подавленное, он жаловался на стремление правительства повсеместно открывать церковноприходские школы. За них высказалось только что и земское собрание в Сызрани. В эти дни до Симбирска дошла и удручающая весть, что министр народного просвещения Делянов оставил Ульянова на службе не на пятилетие, как он просил (еще два месяца назад!), а лишь до 1 июля 1887 года. Все это и свело отца преждевременно в могилу. Это не было секретом и для общественности. Люди знали, что гонения и травля, которым многие годы подвергался директор народных училищ, были главными причинами его кончины.

Навсегда остались в памяти многолюдные похороны отца, так ярко показавшие всеобщее уважение и благодарность к нему народа. Огромное число людей — учи-

телей, учащихся народных училищ и других «чтителей» его памяти — наполнило дом и Московскую улицу. Для Владимира еще не было в жизни тяжелее переживаний, чем эта смерть...

Передовая общественность достойно почтила память Ульянова в печати. Некрологи появились в «Симбирских губернских ведомостях», «Симбирской земской газете», «Циркуляре по Казанскому учебному округу» и в отдельной брошюре. О заслугах Ильи Николаевича в петербургском журнале «Новь» было сказано, что он наладил народное образование «как в Симбирске, так и в губернии едва ли не лучше, чем оно поставлено в других местностях России» [4].

Скоропостижная смерть отца потрясла всю семью. Особенно было жаль мать и младших брата и сестер. Но вместе с горьким чувством тяжелой и безвременной утраты Владимир испытывал негодование против тех людей, которые из года в год травили отца. Хорошо, что Аня задержалась на два месяца дома и было с кем поговорить (Саша на зимние каникулы не приезжал, а на похороны его не вызвали — не успел бы добраться). В эту зиму Владимир много гулял и беседовал со старшей сестрой. Настроен он был очень оппозиционно, и к гимназическому начальству, и к гимназической учебе, и к религии, одним словом, был «в периоде сбрасывания авторитетов» [5].

Смерть отца заставила пересмотреть все планы. С приездом в мае на каникулы Саши и Ани было решено жить всем одной семьей. Выдающиеся успехи Александра, получившего на 3-м курсе свою вторую золотую медаль — за победу в научном студенческом конкурсе, не оставляли сомнений в том, что он после окончания учебы останется в университете для подготовки к профессорскому званию. Мечта Владимира и Ольги — тоже получить высшее образование в Петербурге. И оставаться матери в Симбирске с Митей и Маняшей уже не будет смысла. В мае четырежды повторяли объявление в «Симбирских

губернских ведомостях» о продаже дома, но покупателя сразу не нашлось. А позже из-за дороговизны жилья и питания в Петербурге решили повременить с отъездом до окончания гимназий Владимиром и Ольгой. Тем более что материальное положение семьи сильно пошатнулось.

Уже на второй день после кончины отца мать подала прошение о назначении ей с младшими детьми пенсии. Безденежье вынудило мать сдать внаем квартирантам половину дома, а 17 апреля — обратиться к попечителю Казанского учебного округа с напоминанием, что она осталась «без всяких средств с четверыми малолетними детьми, воспитывающимися в гимназиях, и двоими взрослыми, но обучающимися в высших учебных заведениях». Прошение заканчивалось просьбой выдать ей с детьми единовременное пособие. Через неделю Мария Александровна еще раз обращается к попечителю с просьбой о «возможно скорой помощи осиротелой семье»: ведь «нужно жить, уплачивать деньги, занятые на погребение мужа, воспитывать детей, содержать в Петербурге дочь на педагогических курсах и старшего сына, который окончил курс в Симбирской гимназии, получил золотую медаль и теперь находится в Петербургском университете, на 3-м курсе факультета естественных наук, занимается успешно и удостоен золотой медали за представленное им сочинение» [6]. И только в июне стало известно, что министерство просвещения назначило матери пенсию в 600 рублей в год и такую же сумму на четверых детей. Что касается единовременного пособия, то его выделили лишь в январе 1887 года, и не 1200, как вначале было обещано, а лишь 150 рублей.

Тяжело пришлось в первые полгода, когда не было ни пенсии, ни пособия. К тому же непристойная возня вокруг имени отца в городской думе наносила душевные травмы. Сразу же после его кончины председатель училищной комиссии А. И. Алатырцев, выражая мнение передовой общественности, выступил на заседании городской управы с заявлением: «Педагогическая деятель-

ность Ильи Николаевича Ульянова известна всей России, а тем более городу Симбирску». Ввиду его больших заслуг Алатырцев предложил обсудить меры по увековечению памяти выдающегося деятеля. Было предложено учредить в лучшем народном училище Симбирска «три стипендии имени Ильи Николаевича Ульянова, для чего из средств города должно быть ассигновано единовременно 400 рублей». Почти полтора месяца в думе шел спор. Реакционное большинство гласных, знавших о недовольстве влиятельных лиц деятельностью Ульянова, решило ограничиться «письменным вдове покойного соболезнованием».

Думская дискуссия, не говоря уже об оскорбительных нападках в печати, которым подвергался в годы реакции отец, причиняла боль всей семье, усугубляя горе и омрачая жизнь в Симбирске.

Владимиру тяжело было смотреть на мать в годовщину смерти отца. Но в феврале она стала бодрее: приближалась долгожданная весна, когда Саша и Аня завершат высшее образование, а они с Олей — среднее.

И вдруг 5 марта 1887 года в Симбирск поступило ошеломляющее известие: на Невском проспекте задержаны трое студентов с «разрывными снарядами»! Хотя и не было сказано, на кого они покушались, почти все горожане догадались, что речь идет о новой попытке цареубийства. В таких случаях власти совершали массовые облавы и аресты, поэтому сразу же возникло беспокойство: как бы волна арестов не коснулась Саши и Ани. Опасения подтвердились уже через три дня. Двоюродная сестра Владимира Екатерина Песковская (дочь тети Анны Александровны Веретенниковой) через знакомую симбирскую учительницу Веру Васильевну Кашкадамову сообщила об аресте в Петербурге Саши и Ани.

В тот памятный для Владимира день, когда Вера Васильевна, вызвав его из гимназии, показала это письмо, он уже почувствовал — дело серьезное и может плохо кончиться. Нелегко было ему сказать о письме матери.

Но, прочитав его, она проявила изумительную выдержку и твердо сказала: «Я сегодня уеду». В тот же день она выехала на лошадях в Сызрань, чтобы оттуда на поезде добраться до Петербурга. В это время няня Варвара Григорьевна гостила у родных в Пензенской губернии, поэтому пришлось срочно вызвать телеграммой в Симбирск тетю Аню Веретенникову.

Тогда, провожая в далекий путь мать, Владимир знал только об аресте брата и сестры, но об их отношении к заговору ничего не было известно. Ко дню отъезда матери никто из должностных лиц Симбирска не получал из Петербурга каких-либо сведений об Александре и Анне Ульяновых. Молчала о ходе следствия и пресса.

Почти целый месяц Владимир терялся в догадках, за что были арестованы Саша и Аня. В письмах матери не могло быть подробностей. И вдруг в начале апреля приехала она сама. Единственным человеком, кому она могла, не таясь, рассказать обо всем, что узнала в Петербурге, и с кем могла посоветоваться, был он, Владимир, теперь главная ее опора.

Мать пересказала протоколы допросов Александра, которые ей дали прочесть. Брат подтвердил свою принадлежность к «Народной воле», не отрицал, что приготовлял некоторые части снарядов, знал, кто и когда должен был совершить покушение, но отказался назвать лиц, которые должны были это сделать. Опасения за судьбу Александра теперь уже приобрели реальную почву. Судя по его показаниям, брат старался взять на себя всю ответственность, заявив о своем полном «нравственном и интеллектуальном участии в этом деле», то есть таком, которое «дозволяли его способности, сила знаний и убеждений». А трогательная до боли встреча матери и Саши 1 апреля в Петропавловской крепости уже не оставляла сомнений в том, что он отдаст всю свою жизнь без остатка борьбе за свободу и справедливость. Когда мать пришла к нему на первое свидание, он плакал и обнимал ее колени, прося простить за причиняемое ей горе. Он гово-

рил, что у него есть долг не только перед семьей, и, рисуя бесправное, задавленное положение родины, указывал, что долг каждого честного человека — бороться за освобождение ее.

«— Да, но эти средства так ужасны, — возразила мать.

— Что же делать, если других нет, мама, — ответил он»[7].

Саша даже был намерен отказаться от защитника ради того, чтобы иметь возможность самому отстаивать свои революционные убеждения.

Узнав, что больше свиданий с Сашей ей до суда не дадут, мать решилась вырваться на несколько дней в Симбирск. Было ясно, что жизнь Саши висит на волоске. И мать мечтала как о счастье, чтобы дело закончилось для него пожизненной каторгой. Она говорила Кашкадамовой: «Я тогда бы уехала к нему, старшие дети уже большие, а меньших я возьму с собой»[8]. Через несколько дней Владимир вновь проводил мать в Петербург (это было 10 апреля, в день его 17-летия) — 15-го числа начинались заседания особого присутствия правительствующего сената по делу 1 марта.

Трудным был для Владимира, Ольги и Дмитрия понедельник 13 апреля, когда после двухнедельных пасхальных каникул возобновились занятия в гимназиях. Теперь многие уже прослышали о причастности их брата и сестры к покушению на жизнь царя и испытующе глазели на родственников государственных преступников. Надо было в любую минуту суметь достойно встретить любой выпад против брата и сестры.

С какой тревогой ждал Владимир 15 апреля — начало суда над Александром и его товарищами! И надо ж было так случиться, что именно в этот день Ф. М. Керенский устроил восьмиклассникам контрольное сочинение, да еще на такую злободневную тему — «Причины благосостояния народной жизни». Трудно было Владимиру сдержать кипевшую ненависть к деспотически-эксплуа-

таторскому строю и чисто по-ученически, избегая, как этого требовал директор-учитель, самостоятельных суждений, повествовать о причинах «благосостояния» народа.

Об этом Владимир размышлял давно и прекрасно представлял, по чьей вине громадное большинство тружеников работает непомерно много, а живет впроголодь, в бесправии, темноте и невежестве. Понятно, что нельзя было резко осудить в сочинении все остатки крепостничества и пороки развивающегося капитализма, но он все-таки вскользь коснулся этих вопросов. Это заметил Керенский и, раздавая после проверки работы, предостерегающе сказал ему, первому ученику класса: «О каких это угнетенных классах вы тут пишете, при чем это тут?» [9]

Верховный суд империи приговорил Александра Ульянова и других четырнадцать подсудимых к смертной казни, но газеты по-прежнему хранили молчание о процессе. Если мать что-то и сообщала домой о судилище, то так, что можно еще было питать какую-то надежду, что Саша останется в живых.

С этой слабо теплившейся надеждой первой начала сдавать экзамены Оля, затем 5 мая с сочинения по русской словесности «Царь Борис по произведению А. С. Пушкина «Борис Годунов» приступил к сдаче «испытаний зрелости» и Владимир. А утром 10 мая «Объявления», расклеенные во всех людных местах Симбирска, известили о казни через повешение Александра Ульянова и четырех его товарищей...

Владимиру никогда не забыть этого черного дня. Страшная весть потрясла его. Оле, несмотря на ее поразительное самообладание, сделалось дурно в гимназии. Каково же было матери там, в Петербурге!

...А она, уже зная, что Сашу повесили, нашла в себе силы в тот же день пойти на свидание к Ане и скрыть от нее страшную весть.

Наконец, измученные горем и мытарствами, приехали

из Петербурга мать и сестра. «Государственное преступление» Анны состояло, оказывается, в том, что она «укрывала в своей квартире Анну Лейбович, находившуюся в сношениях с некоторыми соучастниками замысла» на жизнь императора. За это Анна получила пять лет ссылки на хутор Кокушкино Казанской губернии.

Владимир избегал травмировать мать и сестру расспросами, старался быть максимально предупредительным. Но мать сама рассказывала о блестящей защитительной речи Саши и последних его просьбах: принести томик стихов Гейне, найти у товарищей «Французско-немецкий ежегодник» со статьями К. Маркса и возвратить его владельцу. Нельзя было без боли слушать ее рассказ о хождениях по приемным сановников уже после казни Саши с прошениями о разрешении Анне отбывать ссылку не в Сибири, а в Кокушкине.

Согласно «Маршруту», выданному канцелярией петербургского градоначальника, Анне разрешено было пробыть дома только до 20 июня. Поэтому нужно было безотлагательно готовиться к отъезду из Симбирска. Вопрос о Петербурге теперь естественно отпал. В связи с назначением сестре местом ссылки Кокушкина было решено всем переехать в Казань, чтобы быть рядом с ней.

30 мая в «Симбирских губернских ведомостях» появилось объявление: «По случаю отъезда продается дом с садом, рояль, мебель, Московская улица, дом Ульяновой». Повторялось оно еще 3 и 10 июня. К этому времени закончился учебный год в гимназиях. Митя перешел в 4-й класс. Ольга сдала все выпускные экзамены блестяще и решением педагогической конференции мариинской гимназии была представлена к награждению золотой медалью. А через несколько дней, 10 июня, педагогический совет классической гимназии наградил золотой медалью и его, Владимира, сдавшего все испытания зрелости на пятерки. Это была шестая медаль в семье. Правда, ни ему, ни Оле до отъезда из Симбирска сами медали получить не удалось.

Наконец нашелся покупатель дома. Пока оформляли купчую, распродавали имущество, срок пребывания Анны в Симбирске истек. Отпускать ее одну после тяжелого нервного потрясения было нельзя. Решили отправить вместе с ней меньших — Митю и Маняшу. Заботы о них и общение с ними все-таки будут отвлекать сестру от горестных мыслей. Вечером 20 июня их проводили в Казань.

Отъезд остальных задерживали и хлопоты по получению сбережений семьи, положенных отцом несколько лет назад в симбирский городской банк. 18 июня мать подала заявление в местную дворянскую опеку с просьбой разрешить ей получить всю сумму вклада в 2 тысячи рублей в связи с переездом в Казань и другими расходами. Но губернскому правлению показалось это объяснение недостаточным, и к прежним пояснениям пришлось добавить: «Кроме того, из получаемой пенсии на малолетних будет удерживаться казне долг в 60 руб. за полученный покойным... мужем орден Св. Станислава I степени». Орден... Документы о награждении прибыли в Симбирск уже после смерти отца, и хотя мать, по словам местных властей, «не пожелала» получить его, капитул орденов все-таки настоял на взыскании из пенсии Ульяновых полагавшиеся за орден Станислава 150 рублей... В результате вклад не выдали до отъезда.

Владимир старался беречь мать и Анну и, конечно, основные заботы в связи с отъездом взял на себя. Наконец все хлопоты были позади: оформлены документы по продаже дома; распродано все, что было возможно, из мебели; получены в гимназии «Свидетельство» об успехах и поведении Дмитрия за 3-й класс и его метрическое свидетельство, а в канцелярии дирекции народных училищ — рукописный, на стандартном листе писчей бумаги паспорт матери; упакованы и перевезены на пристань вещи, в том числе и рояль, который все-таки взяли с собой; куплены билеты на пароход.

Вплоть до последнего часа перед отъездом в дом Уль-

яновых приходили люди. Одни из них — чтобы что-то приобрести, узнав из газетных объявлений о распродаже имущества; другие, досужие кумушки, под предлогом покупки или с видом сочувствия являлись поглазеть, как ведут себя Ульяновы, чтобы потом было о чем посудачить «со знанием дела». Таких любопытных быстро выпроваживали. Но заходили и желанные знакомые, которые выражали готовность чем-то помочь. Приходили проститься или проводить.

Владимир с удовлетворением мог отметить, что большинство близких им людей в дни тяжких испытаний не отшатнулись от Ульяновых. В этом, конечно, была заслуга родителей, которые умели выбирать знакомых и товарищей и научили этому детей. (Недаром младшая сестра потом, когда станет взрослой, напишет об отце: «Идейность Ильи Николаевича проявлялась и в том круге знакомых, которых он имел, с которыми поддерживал более близкие отношения» [10].) Отрадно было по-прежнему видеть в числе друзей семьи чувашского просветителя Ивана Яковлевича Яковлева и народную учительницу Веру Васильевну Кашкадамову, акушерку Анну Дмитриевну Ильину, принимавшую его и всех других детей матери, родившихся в Симбирске, и учителя чувашской школы Никифора Михайловича Охотникова (которого он, Владимир, готовил последние два года к сдаче экстерном экзаменов на аттестат зрелости), врачей-демократов Александра Александровича Кадьяна и Ивана Сидоровича Покровского, лечивших всю их семью, делопроизводителя дирекции народных училищ, многие годы работавшего с отцом, Александра Васильевича Константинова и гимназических подруг Ольги Александру Щербо, Нину Супротивную, Варвару Половцеву.

...Теперь Симбирск остался далеко позади. Глядя на широкие просторы Волги, Владимир думал о погибшем брате и его товарищах, об их смертельной схватке с царизмом. Ему уже тогда отчетливо было ясно, что их подвиг не просто смелый вызов самодержавию, но и при-

зыв к беспощадной борьбе с ним, обращение к живым. Владимир сделал выбор. Выбор, который обрекал его на гонения, аресты, тюрьмы, быть может, на смерть. Путь революционера. Не одиночки-террориста. Молодой Ульянов уже тогда ощущал несостоятельность индивидуального террора. «Мы пойдем не таким путем». Это он сказал уже вскоре после гибели Александра.

Так, строя планы на будущее, Владимир мечтал об университете и революционной работе. А пока — в Кокушкино, где он проведет с родными оставшееся до занятий время.

В КОКУШКИНО

Всего лишь два года назад поездка в Кокушкино была для Ульяновых, особенно для ребят, огромным праздником. После «стен нелюбимых» гимназий и «майской маеты с экзаменами» они с нетерпением считали дни, оставшиеся до путешествия по любимой Волге и встречи с деревенским привольем. Рассказывая как-то в школьном сочинении об одной из таких поездок по Волге, Ольга с восторгом писала о живописных берегах, необозримой речной глади, немыслимой тишине... «Воспоминание об этих счастливых днях не покинет меня никогда».

С удовольствием Ольга делится и приятными дорожными впечатлениями от поездки на лошадях в «плетенке» от Казани до Кокушкина: «Дорога большею частью шла между хлебными полями; рожь уже колосилась; она была очень густа и высока, так что весело было на нее смотреть. Иногда дорога шла лесом, и вместо яркого солнечного света, трещания кузнечиков, пения птиц внезапно наступали мрак и тишина... На меня, — продолжала сестра Владимира свое описание, — как на городскую жительницу, привыкшую к тесным и пыльным улицам, грохоту экипажей и маленьким городским садикам, эти картины природы произвели такое отрадное впечатление, которое навсегда останется мне памятно. В деревню мы

приехали вечером, через $3^1/_2$ часа после выезда из Казани. Деревня эта невелика, но она лежит в очень красивой местности: вокруг нее много деревень и сел, много лесов и рощ; а возле нее протекает небольшая, но глубокая и быстрая река. Мы прожили в деревне только три дня, но в эти дни я пользовалась всеми удовольствиями, какие только были возможны. Погода все время стояла хорошая, и мы много гуляли по полям и лесам. Грустно мне было после трех дней, проведенных так весело, ехать в город!» [1]

Эта «поездка на вакат» (каникулы. — *Ж. Т.*) — так называлось сочинение Ольги — происходила в ту счастливую пору, когда рядом были и отец, и брат Саша...

Стояла прекрасная июньская пора, но путешествие в Кокушкино летом 1887 года уже не вызывало у Владимира и Ольги прежнего чувства безмятежной радости. Так свежа была рана от потери Саши, так много тяжелых дум теснилось в голове. И поскорее хотелось в деревню, где их ждали Аня, Митя и Маняша.

От Симбирска до Казани плыли 21 час (этот же путь, только вниз по течению, занимал всего 14 часов). Прибыли в шесть вечера и пока добрались до Веретенниковых, квартировавших в доме Завьяловой в Профессорском переулке, наступил вечер. Утром выехали на лошадях по хорошо знакомому Зюрейскому тракту в Кокушкино, и уже к обеду 29 июня вся семья собралась за одним столом. В этот же день пристав второго стана Лаишевского уезда доложил своему начальству о прибытии матери, брата Владимира и сестры Ольги к ссыльной Анне Ульяновой.

Через день пристав снова появился в Кокушкине, отобрал у Анны Ильиничны «Маршрут» и «Проходное свидетельство», выданные ей в Петербурге для следования в ссылку, ознакомил с правилами поведения ссыльного, вручил «свидетельство за № 30 на проживание в д. Кокушкино» и взял расписку, что никаких других документов она при себе не имеет. Третьего июля, по требо-

ванию пристава, сестра Марии Александровны дала следующую подписку: «...Я, нижеподписавшаяся землевладелица при с. Кокушкино Черемышевской волости Лаишевского уезда Любовь Александровна Пономарева *, даю сие ручательство о том, что племянница моя, дочь действительного статского советника Анна Ильинична Ульянова, будет проживать у меня в имении» [2].

Что касается «имения», то за этим громким словом стояло следующее. После смерти доктора Александра Дмитриевича Бланка имение было разделено между его пятью дочерьми, которые теперь почти все уже были вдовами, имея по шесть-восемь детей. Трое из сестер постоянно проживали вдалеке от Кокушкина: Мария Александровна — в Симбирске, Софья — в Ставрополе (на Волге), Екатерина — в Перми. Свои доли (каждая стоимостью около трех тысяч рублей **) они передали в распоряжение сестер — Анны Веретенниковой и Любови Пономаревой, которые и считались владелицами имения. Фактически же больше всех в Кокушкине жила Любовь Александровна или один из ее старших сыновей. Они-то и вели хозяйство. В урожайный год бывал какой-то доход, и тогда часть его получали остальные сестры. В засушливые годы, а они бывали часто, имение приносило только убытки. И неудивительно, что оно уже давно было заложено и перезаложено в банке.

Любовь Александровна Пономарева со своей большой семьей месяцами жила в Казани, где снимала квартиру в частном доме. Поэтому фактическими поручителями Анны Ильиничны были ее мать, собственная семья, а не тетка. Владимир твердо усвоил все ограничения, налагаемые правительством на сестру, как лицо, состоящее под гласным надзором полиции: контроль за ее корреспонденцией, запрещение отлучаться из Кокушкина, заниматься

* Любовь Александровна по первому браку была Ардашевой, по второму — Пономаревой.

** Это менее годового оклада директора Симбирской гимназии Ф. М. Керенского.

педагогической деятельностью, поступать на государственную службу и многое другое.

Погода в июле стояла жаркая, и меньшие во главе с Ольгой, как и в прошлые приезды в деревню, резвились на воздухе, часами купались в речке, ходили в лес за ягодами и грибами. Иногда делали вылазки на природу Мария Александровна, Анна и Владимир. Но тяжелые воспоминания не покидали их. 20 июля Мария Александровна письмом в департамент полиции напомнила: «...было обещано... выдать некоторые вещи сына моего, Александра Ульянова, главным образом портрет его отца, серебряные часы и плед...» [3].

В памяти Владимира одна за другой проходили страницы жизни брата — от первых лет, когда он во всем стремился подражать Александру, и до последнего дня этой в высшей степени честной, цельной и героической жизни. Интересовало и последнее пребывание Саши в Казани. Ведь после летних каникул 1886 года он был здесь проездом из Симбирска в Петербург и даже сфотографировался на память, для двоюродной сестры Марии Веретенниковой *, дружба с которой стала принимать в то время, по словам Анны Ильиничны, «оттенок первой любви, что-то вроде поэтической дружбы Герцена к его кузине...» [4].

Теперь неожиданно выяснилось, что Мария Веретенникова получила в конце января 1887 года от Саши письмо и обещанную ей очень большую «Характеристику NN...». Хотя и было понятно, что под NN Саша подразумевает ее и наряду с положительными чертами отмечает и ряд отрицательных, с его точки зрения, сторон ее личности, Мария не могла не показать этого доверительного послания Сашиной семье.

«Я нисколько не скрываю от себя того влияния, которое должно оказать это письмо на наши отношения», —

* Мария Ивановна Веретенникова — дочь Анны Александровны, крестница Марии Александровны Ульяновой.

писал Александр, и в этих строчках раскрывалась вся глубина смелой и благородной Сашиной натуры.

В общем-то «Характеристика» не была обидной. Саша отметил «сильный ум и вообще, очень большие способности» кузины, решительно подчеркнул, что она «принадлежит к числу очень умных, очень способных людей» и в отличие от многих женщин умеет критически относиться к окружающим людям, разгадывать их и далеко рассчитывать свои и чужие поступки. Ему импонировали самобытность и оригинальность ее суждений, большая сила воли, необыкновенная твердость и настойчивость характера. Однако с неумолимой прямотой он перечислил недостатки NN: у нее «глохнет потребность выработать себе определенные убеждения и не только личные, но и общественные, т. е. ясные представления об общественной жизни и об участии в ней личностей.

...Самовоспитательная критическая работа, начавшаяся в ранней молодости, скоро приостановилась, книга из воспитательного средства (сознательного или бессознательного) обратилась в источник удовольствия» [5].

Отметив «главные пробелы в умственно-нравственной личности NN», Александр, по существу, высказал свое кредо: «Оценивая человека, я держусь всегда такой мерки: насколько он выработал себе определенные общественные идеалы, идеал иного, лучшего порядка вещей, насколько основательны и прогрессивны его убеждения и насколько энергично и самоотверженно он идет к их осуществлению. Таким образом, недостаток сознательности выражается прежде всего в излишней индивидуализации; человек забывает об окружающей его массе, о своем долге перед ней; живя своей частной, семейной или даже личной жизнью, он не замечает ее страданий или как-то свыкается с ними; он приближается, другими словами, к понятию эгоиста, хотя при известном нравственном и умственном уровне эгоизм его никогда не опускается до грубых, материальных форм и притом остается все время только отрицательным, т. е. человек не принимает актив-

ного участия в улучшении участи других, хотя сам никогда не купит своего счастья ценой чужого несчастья (по крайней мере, сознательно)»[6].

Четко выраженная в письме мысль Александра о том, что честный человек не должен ограничивать себя только неустанной умственной работой над своим усовершенствованием и выработкой личного нравственного идеала, эгоистично забывая при этом о долге перед «окружающей его массой», о необходимости «активного участия в улучшении участи других», в принципе была всегда свойственна Ульяновым. Перед Владимиром вставал светлый образ отца, который всей своей жизнью показал, что «нравственность», «долг» и «честь» — понятия общественные, то есть находятся в неразрывной связи с борьбой человека с неправдой и злом во имя народного блага. И вот теперь — Саша. В борьбе за благородные идеалы он отдал все, саму жизнь; отдал, чтобы подтолкнуть к активной общественной деятельности сотни других мыслящих личностей.

После знакомства с «Характеристикой NN» Анна заключила, что она еще более, чем ее объект, характеризует ее автора[7].

А ведь Саша всегда был таким. С детства он личное подчинял общественным интересам. Это впечатляюще действовало на многих из его гимназического окружения. Теперь, после его героического самопожертвования в схватке с царизмом, благородные идеи, пронизавшие «Характеристику», приобрели неизмеримо большее звучание: они стали для Владимира, Ольги и младших своеобразным завещанием.

Близко воспринимала последнее послание любимого брата Анна, которая и в Петербурге была рядом с ним. Вспоминала, как в последних классах гимназии, будучи первым учеником, лично не пострадавшим от придирок и грубых выходок латиниста, Саша поддержал борьбу соучеников против ненавистного учителя, пока тот не был удален из Симбирска в другой город. Да и всегда

в делах такого рода товарищи опирались на Сашу. Ведь ложь и трусость он считал худшими пороками человека.

В Петербурге он стал душой сначала симбирского, а затем и всего поволжского землячества. В январе 1886 года вместе с другими руководителями Саша создал Союз землячеств, объединивший почти полторы тысячи учащейся молодежи столицы.

Когда правительство уволило профессора В. И. Семевского со службы, Саша в числе 309 студентов подписал адрес с выражением опальному ученому «глубокого и непреклонного сочувствия, как честному русскому историку крестьян, для которого народное благо было самым заветным идеалом».

19 февраля 1886 года исполнилось 25 лет отмены крепостного права, но правительство запретило прессе даже откликаться на этот юбилей статьями. Саша отметил 19 февраля тем, что вместе с товарищами возложил венки на могилы Н. А. Добролюбова и других писателей-демократов. С Волкова кладбища они ушли благополучно — полиция прозевала эту демонстрацию.

Саше удалось привлечь к общественной деятельности и Анну. Она вместе с братом устраивала землячеcкие вечера, проводила сбор средств в пользу политического Красного Креста. Дважды в составе студенческих делегаций, в 1885 и 1886 годах, они посещали опального великого сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина в день его именин 8 ноября. А 17 ноября 1886 года участвовали в демонстрации, посвященной 25-летию со дня кончины Н. А. Добролюбова. Это была дань памяти, как сказал Саша, «своим учителям, которые завещали нам бороться с неправдой и со злом русской жизни» [8]. Правительство жестоко расправилось с манифестантами. Тогда Саша пишет и размножает на гектографе прокламацию «17 ноября в Петербурге», в которой гневно заклеймил насилие над мирным шествием и призвал передовую общественность «грубой силе правительства противопоставить то-

же силу, но силу организованную и объединенную сознанием духовной солидарности».

Если этого требовали общественные интересы, он жертвовал всем, что имел. Так было, когда нависла угроза ареста одного из руководителей террористической группы Ореста Говорухина: Саша заложил в ломбард свою университетскую золотую медаль и полученные сто рублей отдал товарищу по борьбе. На эти деньги О. М. Говорухин скрылся за границу. И вторую, гимназическую золотую медаль он тоже заложил, чтобы... купить азотную кислоту для приготовления бомб.

Анна, находясь в ссылке, по-прежнему жаждала активной общественной деятельности и в письме от 5 августа 1887 года из Кокушкина подруге по Бестужевским курсам пожаловалась: «Жить так, по инерции часто слишком тяжело!» И была очень рада, когда удавалось получить разрешение местного начальства хотя бы на денек съездить в Казань.

Последнее послание Саши, безусловно, нашло горячий отклик в душе Оли. Ее первым сознательным стремлением, по примеру Анны, было стать народной учительницей. Но юный возраст пока был помехой — ей не было еще и шестнадцати. Кроме того, ей страстно хотелось учиться дальше, в университеты же и институты девушек не принимали вообще, а прием на высшие женские курсы в Казани был недавно прекращен.

Но не для красного словца она говорила, что под счастьем понимает способность человека «забывать о несчастьях — своих и чужих (и то только отчасти), — исполняя свой долг». И как это созвучно с понятиями старшего брата. Прекрасным подтверждением ее выдержки и силы воли служат строки из писем в Симбирск гимназической подруге Александре Щербо: «Сожалений я не принимаю, это не из гордости, а просто не в моем характере». «В душу человека вложено стремление к истине, к идеалу, — продолжает она изложение своих взглядов на жизнь, — человек всегда должен верить в людей,

в возможность лучшего на земле, несмотря на личные разочарования... Шиллер сказал: «а смертный все ищет, все лучшего ждет» [9]. Деятельная по натуре Ольга не может сидеть без дела. Она решает поступить в Казанскую музыкальную школу А. А. Орлова-Соколовского и одновременно заниматься самообразованием по довольно обширной программе. А пока, не теряя времени, еще в Кокушкине, «вдруг начала заниматься английским языком и читать по-французски...» [10] (так писала сама Ольга подруге). Думается, что не «вдруг», а по примеру старших братьев Саши и Володи, которые при поступлении в университеты отказывались от соблазна продолжать совершенствоваться в уже знакомых немецком и французском и приступали к овладению новым для себя языком — английским.

Между тем жизнь настойчиво требовала устройства самых различных дел, и на первое место среди них выдвигалась необходимость переезда в Казань, где Владимиру предстояло поступление в университет, а Мите — в четвертый класс гимназии. На семейном совете было решено, что с ними будут жить мать и Ольга, а чтобы Анне не так тягостно было одной отбывать ссылку в глуши, с ней останутся Маняша и няня Варвара Григорьевна. Само собой подразумевалось, что кто-то из семьи, в первую очередь Мария Александровна, время от времени будут наведываться в Кокушкино.

КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Еще перед выпуском из Симбирской классической гимназии Владимир Ильич письменно заявил о своем желании поступить на юридический факультет Казанского университета. Но это была, так сказать, предварительная наметка, которая отнюдь не являлась обязательной. За лето некоторые выпускники изменили свои желания не только относительно факультета, но даже и

университета. Более того, по университетскому уставу довольно свободно осуществлялся переход студентов с одного факультета на другой в течение первого месяца учения. И этим правом воспользуются несколько выпускников Симбирской гимназии 1887 года.

Владимир Ильич, находясь в Кокушкине, несомненно, всесторонне взвешивал правильность принятого еще в Симбирске решения. Директор гимназии Ф. М. Керенский полагал, что ему с отличными познаниями в древних языках лучше всего было бы поступить на историко-филологический факультет. Но Владимир Ильич уже давно охладел к латыни и древнегреческому, поэтому этот факультет, особенно после тех реакционных изменений, которые произошли там в 1885/86 учебном году, его не устраивал. «Русские ведомости» писали 11 сентября 1885 года, что на историко-филологических факультетах «главное значение и место получили классические языки и древности. Изучение этих предметов теперь становилось обязательным в равной мере для всех филологов... Из 18 лекций в неделю... 14 должны быть посвящены предметам классической филологии». Следовательно, если студент избрал бы своей специальностью отечественную историю или русскую словесность, ему все равно пришлось бы более трех четвертей учебного времени отдавать изучению языков, литературы, истории и философии Древнего Рима и древней Эллады. Такая перспектива была не по душе большинству абитуриентов (из 27 выпускников Симбирской гимназии 1887 года только двое поступили на историко-филологический факультет). Тем более она была неприемлема для Владимира Ильича, имевшего особые стремления и планы на будущее.

Как-то в качестве гостя Веретенниковых в Кокушкино приехал доцент Г. Н. Шебуев, читавший лекции по математической физике в Казанском университете. Отметив у Владимира Ильича «определенно математический склад ума», он стал усиленно советовать ему поступать на физико-математический факультет [1]. Однако Влади-

мир Ильич остановился на юридическом. На вопрос двоюродного брата и сверстника Николая Веретенникова, почему он выбрал этот факультет, последовал ответ: «Теперь такое время, нужно изучать науки права и политическую экономию. Может быть, в другое время я избрал бы другие науки...» [2]

Само собой разумеется, что Владимир Ильич прекрасно представлял «благонамеренную» сущность университетских курсов, составленных для подготовки чиновников, верных пресловутым принципам «самодержавия, православия и народности». Тем более что за последний год и в содержании юридического образования произошли реакционные изменения: совершенно исключалось преподавание истории политических учений, а программа по истории философии права ограничивалась изучением сочинений Платона, Аристотеля и Цицерона. Не повезло в новых программах и «наукам государственным»: отменялось преподавание «Истории главнейших иностранных законодательств» и «Государственного права европейских держав». На практике это означало, что студенты-юристы теперь освобождались от знакомства «с понятиями о государстве, о власти, о формах государственного устройства» и, в частности, от изучения «конституционализма» — основного принципа западноевропейского государственного права.

Новая программа юридических факультетов исключила изучение студентами судебной медицины, психологии, логики. Зато, как подметил обозреватель «Русских ведомостей», на первый план «было выставлено изучение догмы права действующего русского и лишь отчасти — иностранного законодательства и юридической казуистики. Философский же и политический элемент, насколько можно, сокращены и даже совершенно устранены из предметов обязательного преподавания».

И все-таки почти половина восьмиклассников — тринадцать юношей — перед выпуском избрали своей специальностью юриспруденцию. Многие из них надеялись,

и не без оснований, что диплом юриста поможет им в продвижении по чиновничьей лестнице или даст солидный заработок на адвокатском поприще.

Выбор же факультета Владимиром Ильичем был сделан в соответствии с уже сложившимися революционными убеждениями. Если уж он шел на один из самых реакционных факультетов, то главным образом потому, что, как указывал Дмитрий Ильич, поставил «перед собой задачу изучения буржуазного общества, его экономической структуры, изучения его права; изучение всего в целом современного общества», борьба с которым стала целью жизни. «Как известно, — продолжал Дмитрий Ильич, — и Карл Маркс избрал юридический факультет; и это не случайность, что как тот, так и Владимир Ильич, поступая в университет, остановились оба на одном факультете»[3]. Разумеется, Владимир Ильич намеревался бóльшую часть знаний, необходимых для труда и борьбы, черпать из жизни и литературы, и не только той, которую ему будет рекомендовать буржуазная профессура...

Определенное значение в выборе Владимиром Ильичем будущей специальности имело и понимание того, что государственные должности, в том числе и педагогическая служба, для него, как брата «государственного преступника», будут закрыты. И он наметил для себя, по выражению Анны Ильиничны, более свободную профессию — адвокатскую. Работа в частной конторе присяжного поверенного освобождала от подневольного проведения в жизнь антинародных правительственных декретов, унизительного соблюдения чинопочитания в соответствии с «табелью о рангах», давала возможность публично сражаться с государственными прокурорами во время судебной защиты жертв узаконенного беззакония, и в том числе политических обвиняемых. Юридическая практика являлась законным предлогом для глубокого и всестороннего знакомства со всеми сторонами жизни всех слоев населения города и деревни, а следовательно, и с производственными, торговыми, финансовыми, семейными, ре-

лигиозными и иными отношениями. Именно потому, что юридические вопросы так же разнообразны и сложны, как сама жизнь, Владимир Ильич вправе был рассчитывать и на то, что адвокатская служба явится удобным прикрытием для установления и поддержания связей с деятелями революционного подполья.

Побыв около месяца с родными в Кокушкине, Владимир Ильич выехал в Казань для оформления поступления на юридический факультет университета. Остановился он у тетушки Анны Александровны Веретенниковой, снимавшей квартиру в доме Завьяловой по Профессорскому переулку.

Владимир Ильич, бывая с отцом и старшим братом в Казани, и раньше видел величественное белокаменное двухэтажное здание, протянувшееся по Воскресенской улице фасадом длиной в сто шестьдесят метров, над центральным входом которого еще издали читалась выложенная выпуклыми золотистыми буквами надпись: «Императорский университет». Неповторимую красоту зданию придавали воздвигнутый в центре ионический портик из двенадцати стройных колонн, а по обоим концам фасада — шестиколонные порталы.

Илья Николаевич, естественно, показывал сыновьям расположенные в университетском дворе астрономическую и метеорологическую обсерватории, где в студенческие годы вел научные наблюдения, и библиотеку, в которой готовил свою кандидатскую диссертацию «Способ Ольберса и его применение к определению орбиты кометы Клинкерфюса 1853 года». Ему было что рассказать и о профессорах, вписавших бессмертные страницы в историю русской научной мысли: о гениальных «Новых началах геометрии» Н. И. Лобачевского, знаменитой «реакции Н. Н. Зинина», положившей начало органическому синтезу, теории химического строения органических веществ, разработанной А. М. Бутлеровым и сыгравшей в органической химии ту же роль, что периодическая система Д. И. Менделеева в неорганической, математиче-

ских идеях астронома М. А. Ковальского о закономерностях движения Галактики, создавших ему славу одного из величайших астрономов мира. Выдающимся астрономом был преемник Лобачевского на посту ректора И. М. Симонов — участник знаменитой экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, открывшей Антарктиду.

Университет по праву гордился и известными свободолюбивыми выступлениями профессора-юриста Д. И. Мейера, который еще в 1849 году, обращаясь с кафедры к студентам, заявил: «Каждый, в ком есть человеческое сердце, невольно сознает нелепость крепостного права... Для вас должно быть ясно, что крепостным надо дать свободу». Многие выпускники университета до сих пор помнили знаменитые слова из речи историка-демократа А. П. Щапова перед студентами по поводу расстрела войсками крестьян села Бездна, восставших против кабальных условий своего «освобождения» от крепостного права: «Земля воззовет народ к восстанию и к свободе... Да здравствует демократическая конституция!» Не забывалось и то, что бывший студент Казанского университета Каракозов, которого Илья Николаевич знал еще в Пензе гимназистом, 4 апреля 1866 года стрелял в Александра II.

Прекрасную память в Казани оставил о себе выдающийся профессор П. Ф. Лесгафт, который в 1871 году вопреки категорическому повелению царя «о недопущении лиц женского пола к слушанию лекций совместно со студентами», широко распахнул двери аудитории для талантливых девушек, увлекшихся медициной [4]. О прочности демократических традиций напоминали и нашумевшие студенческие волнения, происходившие в 1880, 1881 и особенно осенью 1882 года, когда Казанский университет очутился на осадном положении, а ректор Н. О. Ковалевский и попечитель округа П. Д. Шестаков за недостаточно решительные меры по пресечению «беспорядков» были вынуждены уйти в отставку. И уже совершенно

определенно Владимир Ильич знал, что юрист-третьекурсник Василий Осипанов, являвшийся активным участником студенческих сходок в Казани, только осенью 1886 года перевелся из здешнего университета в Петербургский, где вскоре возглавил группу метальщиков для покушения на царя, за что и был казнен 8 мая 1887 года вместе с братом Александром, П. Шевыревым, В. Андреюшкиным и В. Генераловым.

Что представлял собой Казанский университет на 83-м году своего существования, когда в него поступил Владимир Ильич?

Как и все другие в России — Петербургский, Московский, Дерптский, Харьковский, Киевский и Новороссийский (в Одессе), — он именовался «императорским». Но указание на столь высокое покровительство на практике не означало ничего иного, как то, что университет — привилегированное высшее учебное заведение, предназначенное главным образом для выпускников классических гимназий.

Казанский университет в 1887 году по-прежнему оставался единственным университетом для огромной территории, раскинувшейся восточнее Москвы до Тихого океана. Былая его научная слава к этому времени заметно потускнела. Из преподавателей физико-математического факультета известность имел только ученик и последователь А. М. Бутлерова член-корреспондент Петербургской академии наук (с 1885 года) профессор-химик А. М. Зайцев [5], а на медицинском — молодой профессор В. М. Бехтерев. Историко-филологический факультет мог гордиться профессором-латинистом Д. И. Нагуевским, а юридический имел лишь одного профессора, чьи труды изучались и в других высших учебных заведениях, — Н. П. Загоскина.

Начавшееся с 70-х годов понижение уровня развития науки в Казанском университете, связанное с отъездом в столицы А. М. Бутлерова, Н. П. Вагнера, П. Ф. Лесгафта и других известных профессоров, отрицательно сказа-

лось и на притоке сюда одаренной молодежи. Не случайно Александр Ульянов и другие юноши, страстно увлекавшиеся наукой, предпочитали поступать в Петербургский или Московский университеты. Несмотря на длительный застой в строительстве учебных зданий и лабораторий, Казанский университет формально принимал всех абитуриентов с аттестатами зрелости, пожелавших учиться в его стенах. Но число студентов в нем снижалось, что было результатом министерских циркуляров по ограничению приема детей «из недостаточных семей». В результате в 1887/88 учебном году в университете занималось 914 студентов * — на 56 меньше, чем в предыдущем: на медицинском — 456, на юридическом — 265, на физико-математических — 136 (по разряду математических наук — 82 и 54 — по разряду естественных) и на историко-филологическом — 57 человек [6].

314 студентов, то есть более трети общего числа, были выпускниками 1, 2 и 3-й гимназии Казани; 68 получили аттестаты зрелости в Самарской, 60 — в Симбирской гимназии. Остальные студенты являлись выходцами из других губерний Поволжья, Урала, Сибири, Кубани, Дона и Средней Азии.

Добрая половина студентов — это дети мещан, крестьян, мелких чиновников и низшего духовенства, то есть материально плохо обеспеченная молодежь, перебивавшаяся частными уроками и пособиями благотворительного «Общества вспомоществования недостаточным студентам». Общежитий в университете не было. Кухмистерские, которые создавались самими студентами, были запрещены. Плата за обучение летом 1887 года была увеличена с 10 до 50 рублей, не считая гонорара в пользу профессоров. Университет выдавал стипендии и пособия не более чем 15 процентам общего числа студентов, а от платы за обучение освобождал только третью их часть.

---

* В Московском университете числилось в 1887 году 3259 студентов.

29 июля Владимир Ильич подал прошение на имя ректора о принятии на первый курс юридического факультета и приложил к нему требуемые уставом документы (вместе с копиями): аттестат зрелости, метрическое свидетельство о времени рождения и крещения, формулярный список о службе отца, свидетельство о приписке к призывному участку по отбыванию воинской повинности и две фотографические карточки в гимназической форме [7]. Кроме того, пользуясь правом золотого медалиста, он подал и прошение «об освобождении от платы за слушание лекций в осеннем полугодии 1887 года» [8]. О стипендии пока не могло быть речи: она выдавалась только со второго курса.

Через несколько дней в левом углу прошения о принятии в университет появилась резолюция, по-видимому, исполняющего обязанности ректора профессора А. Я. Щербакова: «Отсрочить до получения характеристики» [9]. Подобные резолюции были наложены на прошениях и всех других выпускников, как Симбирской, так и прочих гимназий, из которых характеристики еще не поступили в канцелярию университета ко дню подачи прошений абитуриентами *. Отсрочка с зачислением в студенты по такой причине была новым явлением в практике высших учебных заведений. Ведь только в мае 1887 года министерство народного просвещения, ужесточая после дела 1 марта требования к отбору молодежи в высшие учебные заведения, предложило попечителям учебных округов принять все меры, чтобы директора гимназий представили в университеты и институты характеристики на каждого своего питомца.

Попечитель Казанского учебного округа 29 мая в конфиденциальном письме к директорам строго указал, что каждая характеристика на юношу должна «по возможности способствовать основательному знакомству с

* Утвердившаяся в литературе точка зрения, что университет запросил характеристику только на одного В. Ульянова, неправомерна.

особенностями его ума и характера, с качеством и степенью его прилежания и любви к наукам, с характером его обычных отношений к начальству гимназии, преподавателям и товарищам, причем *должно быть обращено внимание к тем социальным вопросам, которые так или иначе затрагивают воспитанника* старших классов гимназии» (выделено мной. — *Ж. Т.*). Кроме того, попечитель потребовал представить ему список «на тех молодых людей, получивших аттестат зрелости, за которых начальство гимназии на основании близкого знакомства с ними может вполне поручиться, что они своею гимназическою жизнью не подают никакого повода сомневаться в их нравственной зрелости и политической благонадежности» [10].

Директор Симбирской классической гимназии Ф. М. Керенский, всегда отличавшийся служебным рвением, на сей раз запоздал с выполнением столь важного указания начальства и выслал характеристики Владимира Ульянова и еще нескольких выпускников только 10 августа, а в университете их получили 13-го. На первый взгляд характеристика Владимира Ульянова, подписанная Керенским, выглядит вполне добронравной:

«Весьма талантливый, постоянно усердный и аккуратный, Ульянов во всех классах был первым учеником и при окончании курса награжден золотой медалью, как самый достойнейший по успехам, развитию и поведению. Ни в гимназии, ни вне ее не было замечено за Ульяновым ни одного случая, когда бы он словом или делом вызвал в начальствующих и преподавателях гимназии непохвальное о себе мнение.

За обучением и правильным развитием Ульянова всегда тщательно наблюдали родители, а с 1886 года, после смерти отца, одна мать, сосредоточившая все заботы и попечения свои на воспитании детей. В основе воспитания лежала религия и разумная дисциплина. Добрые плоды домашнего воспитания были очевидны в отличном поведении Ульянова. Присматриваясь ближе к домаш-

ней жизни и характеру Ульянова, я не мог не заметить в нем излишней замкнутости, чуждаемости от общения даже с знакомыми людьми, а вне гимназии и с товарищами, и, вообще, нелюдимости. Мать Ульянова не намерена оставлять сына без себя во все время обучения его в университете» [11].

Почти половину характеристики, как видим, директор посвятил показу роли семьи в развитии и воспитании Владимира. И вполне понятно почему. «Покойный Илья Николаевич, — поясняла Анна Ильинична, — был очень популярной, любимой и уважаемой личностью в Симбирске, и семья его пользовалась вследствие этого большой симпатией. Владимир Ильич был красой гимназии. В этом характеристика Керенского совершенно верна. Правильно также указывает он, что это происходило не только вследствие талантливости, но и вследствие усердия и аккуратности Владимира Ильича в исполнении требуемого, качеств, воспитанных той разумной дисциплиной, которая была положена в основу домашнего воспитания.

Керенский, конечно, с целью подчеркивает, что в основе воспитания лежала религия, так же как старается подчеркнуть «излишнюю замкнутость», «нелюдимость» * Владимира Ильича. Говоря, что «не было ни одного случая, когда Ульянов словом или делом вызвал бы непохвальное о себе мнение», Керенский «грешит немного против истины. Всегда смелый и шаловливый, метко подмечавший смешные стороны в людях, брат часто подсмеивался и над товарищами и над некоторыми преподавателями» [12].

Анализируя эту характеристику, Анна Ильинична пришла к выводу, что директор гимназии «желал помочь талантливому ученику обойти... препятствия» и поступить в университет. Разделяя в общем это мнение

* «Больших приятелей у него в гимназические годы не было, но, конечно, нелюдимым его никак нельзя было назвать», — писала в своих воспоминаниях А. И. Ульянова-Елизарова.

сестры Ильича, вместе с тем нельзя не видеть, что Керенский дал первому ученику не лучшую и весьма осторожную характеристику. Говоря об успехах выпускника гимназии, он ничего существенного не добавлял — все это уже давно было известно руководству учебного округа из прежних сообщений Керенского. Не мог директор не отметить выдающихся результатов В. Ульянова еще и потому, что составлял характеристику после решения педагогического совета о награждении Владимира золотой медалью. И наконец, Керенский аттестовал его в соответствии с теми очень благоприятными письменными отзывами, которые представлял классный наставник А. Ф. Федотченко.

Когда же дело доходило до главного, ради чего, собственно, и требовались развернутые аттестации, директор уходил от прямого ответа. Он не сказал даже о том, религиозен ли Владимир, хотя, не жалея красок, подчеркивал это качество у других выпускников. Вот как, например, он писал в характеристике соученика Владимира во всех восьми классах гимназии: «Как на симпатичную черту в характере Кузнецова (Михаила. — *Ж. Т.*), нельзя не указать на его религиозность, которая выражалась, между прочим, в усердии к храму божию и в благоговейном предстоянии в нем. С уверенностью можно сказать, что никакие социальные вопросы не интересовали Кузнецова...» Весьма красноречива аттестация другого выпускника 1887 года — С. Сахарова: «Всегдашняя скромность, прямодушие, почтительность и деликатность, украшаемые искренним религиозным настроением, — выдающиеся черты характера Сахарова. Никакие легкомысленные или превратные учения не могли коснуться его понятия...» [13] Здесь, как видим, четко даются ответы на вопросы об отношении учеников не только к религии, но и к «социальным вопросам» и «превратным учениям», тогда как в характеристике брата Александра Ульянова они даже не упомянуты. То обстоятельство, что Керенский обошел в характеристике все «острые уг-

лы», придали ей отрицательный оттенок. И это не могло быть не замечено в Казани, сыграло определенную роль в том, что Владимира Ульянова с самого начала имели «в виду» как инспектор студентов, так и полиция.

К середине августа, когда стало известно, что Владимир Ильич наконец-то принят в число студентов, в город переехала Мария Александровна с Ольгой и Дмитрием. Вначале Ульяновы сняли квартиру на Первой горе, невдалеке от Арского поля, на нижнем этаже дома Ростовой (ул. Ульяновых, 24), где на втором этаже жила со своей семьей сестра Марии Александровны Любовь Александровна Пономарева.

Выполняя установленные правила, Владимир Ильич на типографски отпечатанном бланке «Заявления» сообщил инспектору студентов университета, что в первое полугодие записался на лекции профессора Н. П. Загоскина «История русского права» (6 часов в неделю) и «Энциклопедия права» (2 часа в неделю), профессора Г. Ф. Дормидонтова — «История римского права» (5 часов в неделю) и профессора-протоиерея Н. К. Миловидова — «Богословие» (4 часа в неделю).

Кроме этих обязательных для всех курсов лекций, Владимир Ильич изъявил желание посещать три раза в неделю не предусмотренные программой часовые занятия по английскому языку, которые проводил лектор С. П. Орлов [14]. Далеко не все первокурсники поступили так же. Во-первых, за посещение занятий по иностранному языку надо было платить по рублю, а во-вторых, его изучение — это добровольно взятая на себя дополнительная нагрузка. В-третьих, если кто-то и решался на затраты денег и времени, то обычно продолжал совершенствоваться в том языке, который изучал на гимназической скамье.

Наконец настало время, когда самый молодой студент Казанского университета мог примерить и установленную уставом 1884 года форменную одежду: двубортный сюр-

тук, шаровары, пальто и фуражку — все из темно-зеленого сукна. Только стоячий воротник, околыш фуражки и петлицы на пальто были темно-синего цвета. Форму дополняла белая рубашка и галстук. С приобретением парадной формы можно было повременить до торжественного акта в ноябре. 19 августа Владимир Ильич указал в «Алфавитной книге квартирных адресов» свое местожительство: Первая гора, дом Ростовой — и получил входной билет за № 197.

На доске объявлений он узнал о порядке начала учебного года. 20 августа по этому случаю будет совершено молебствие; первые лекции начнутся на историко-филологическом факультете 21 августа, на физико-математическом и юридическом — 25-го и на медицинском — 1 сентября [15].

На общеуниверситетский молебен Владимир Ильич, конечно, не пошел, и у него до начала занятий осталось еще шесть свободных дней.

КАЗАНЬ

После Симбирска Казань для Владимира Ильича и всей его семьи была самым близким во всех отношениях городом. В здешнем университете в 1850—1855 годах учился и получил диплом кандидата математических наук отец. Мать в годы юности частенько наведывалась сюда из Кокушкина. С 70-х годов в Казани жили ее сестры Анна Александровна Веретенникова и Любовь Александровна Ардашева (Пономарева) со своими большими семьями, и Владимир Ильич не раз бывал здесь у своих родственников проездом в Кокушкино во время летних каникул. Внимательно следил он за общественной и культурной жизнью Казани по газетам, особенно с весны 1887 года, когда выяснилось, что ему придется учиться именно в Казанском университете. Но настоящее знакомство с городом началось только теперь, когда вместе с матерью пришлось просматривать улицу за улицей в по-

исках подходящего частного жилья, и в начальную пору студенчества.

Казань для Владимира Ильича была вторым после Симбирска городом, который он увидел. Невольно возникали сравнения. Казань производила впечатление крупного города. Если в Симбирске насчитывалось около 40 тысяч жителей, то здесь — 141 тысяча, в 3,5 раза больше. По численности населения она занимала седьмое место в России после Петербуга, Москвы, Варшавы, Одессы, Риги и Харькова, и ее величали даже столицей Поволжья.

Экономическая жизнь в Казани была значительно оживленнее. Здесь уже действовали капиталистические предприятия, подобных которым не было в Симбирске. Так, на правом берегу озера Кабан раскинулся целый городок стеаринового и мыловаренного завода братьев Крестовниковых. Из сырья, привозимого сюда из различных губерний Поволжья, Урала и даже из Австралии и Южной Америки, вырабатывались сотни тысяч пудов свечей, мыла, олеиновой и серной кислот, глицерина. Около двух тысяч трудившихся здесь рабочих производили продукции на 4—5 миллионов рублей в год. За Адмиралтейской слободой находился знаменитый пороховой завод, снабжавший своей продукцией все Поволжье, Сибирь, Среднюю Азию и Кавказ. Невдалеке от него, в Ягодной слободе, раскинулись огромные корпуса кожевенного завода, льнопрядильной и ткацкой фабрик наследников Алафузова. Остальные перерабатывающие сельскохозяйственное сырье фабрики и заводы вроде винно-водочных, мукомольных, пивных, канатных и солодовенных были незначительных размеров, с примитивной техникой и мало чем отличались от своих собратьев в Симбирске и других городах; металлообрабатывающие же заводы в Казани были даже меньше, чем симбирский завод Андреева.

Обороты казанских ярмарок также оказывались ниже, чем обороты Сборной ярмарки в Симбирске, но в целом

торговая жизнь в Казани выглядела оживленней: здесь больше было постоянно работающих магазинов, лавок и складов, богаче выбор товаров.

Железной дороги не было в обоих городах. Зато были волжские неудобно расположенные пристани: в Симбирске к Волге шел четырехверстный крутой и извилистый Петропавловский спуск, а в Казани центр города отстоял от пристани на семь верст. Правда, во время весеннего половодья суда входили в устье Казанки, и расстояние для перевозки грузов и пассажиров сокращалось. Но, пожалуй, не менее важное значение для ускорения их доставки с 1875 года стала играть конно-железная дорога — новый для многих приезжих вид транспорта.

По внешнему виду центральная часть Казани производила более выгодное впечатление, чем центр Симбирска. Недаром у волжан была поговорка: «Казань-городок — Москвы уголок». Кстати, эту поговорку Тарас Шевченко услышал впервые в 1847 году в Симбирске, во время краткой остановки на пути в оренбургскую ссылку. Десять лет спустя, возвращаясь из нее, великий кобзарь невольно припомнил эту поговорку, когда пароход причалил к казанской пристани. «Как издали, так и вблизи, так и внутри, — записал он в дневнике, — Казань чрезвычайно живо напоминает собою уголок Москвы: начиная с церквей, колоколен до саек и калачей, везде, на каждому шагу видишь влияние белокаменной Москвы. Даже башня Сумбеки, несомненный памятник времен татарских, показалась мне единоутробною сестрой Сухаревой башни» [1].

С тех пор как были написаны эти строки, прошло 30 лет, но и теперь никого не мог оставить равнодушным своим несомненным сходством с Московским Казанский кремль. Окруженный мощными двухъярусными стенами, с взметнувшейся на пятидесятиметровую высоту башней Сююмбеки, с разместившимися в нем внушительными зданиями зодчих и строителей московской школы — юнкерского училища, губернаторского дворца, архиерейского

дома, кафедрального Благовещенского собора. У главных крепостных ворот с примкнувшей к ним белокаменной двухъярусной Спасской башней раскинулась Ивановская площадь, дававшая начало идущей на юго-восток Воскресенской улице (ныне ул. Ленина), напоминавшей своей чопорностью уже петербургский Невский проспект. Здесь находились солидные и оригинальные по архитектуре здания городской думы с публичной библиотекой, городского банка, гостиного двора, духовной семинарии, гостиниц «Европейская» и «Франция», военного клуба, городского пассажа с множеством магазинов и номеров для приезжающих, военно-окружного суда, окружного суда, «Волжско-Камских номеров», а также Воскресенская церковь и первая полицейская часть. Завершали улицу величественные корпуса университета.

Севернее и выше Воскресенской, на восток от кремля, шла самая красивая и широкая в городе — Черноозерская улица (ныне ул. Дзержинского), в середине которой находился общественный сад, где летом по вечерам играл военный оркестр, а зимой на пруду устраивался каток. Наиболее же аристократической, застроенной богатыми особняками с большими садами, считалась следующая, параллельная ей, Грузинская улица (ныне ул. К. Маркса), упиравшаяся в Театральную площадь (ныне площадь Свободы) с прекрасными зданиями городского театра, дворянского собрания и изящным памятником знаменитому поэту-земляку Г. Р. Державину.

Эти и пересекающие их улицы и переулки составляли нагорную и вместе с тем, по выражению самих жителей, «богатую» часть Казани, где проживали помещики, преуспевающие купцы и высокопоставленные чиновники. Здесь воздух был чище, улицы вымощены камнем, имелись деревянные тротуары, в ночное время светились керосиновые или газовые фонари.

Южной границей между нагорной и низменной частями города являлась Большая Проломная улица (ныне ул. Баумана), начинавшаяся у подножия кремля и за-

канчивавшаяся Рыбнорядской площадью (ныне площадь Куйбышева). Проломная — центр торговой жизни. Здесь находились биржа, купеческий клуб, гостиницы, рестораны, магазины, чайные, трактиры и другие «заведения». С утра и до позднего вечера улица была забита колясками, тарантасами, подводами, извозчиками, лотошниками.

Продолжением на восток, за Рыбнорядской площадью, были Кирпичная и Георгиевская улицы (ныне ул. Свердлова), где хозяйничали средние купцы. Вся местность, располагающаяся южнее этих улиц, по обеим сторонам канала Булак и озера Кабан, была заселена мелкими торговцами, ремесленниками и рабочими. Большинство населения этой низменной части города составляли татары. Местные богатые купцы, не желая отставать от русской знати, строили особняки в стиле русского барокко, но с обработкой архитектурных деталей по мотивам национального орнамента. Особый колорит татарской слободе придавали высокие каменные мечети со стройными минаретами и богатой художественной отделкой: соборная Марджани, Апанаевская, Азимовская и другие. Здесь же находились самые многолюдные в городе шумные базары, с множеством лабазов, постоялых дворов, ашхане, лавок, различных мастерских, стоянок «барабусов» (от татарского слова «барабыз» — поедем) — самого дешевого вида транспорта.

Далее начиналось царство окраинных приземистых деревянных построек с кривыми стенами и перекошенными окнами, без каких-либо следов благоустройства. Естественно, что в ненастное время года в этих местах была непролазная грязь, а летом поднимались тучи пыли. Особенно тяжко приходилось ютившемуся здесь бедному люду весной и в начале лета: в половодье жилища и подворья затоплялись, а после спада воды многочисленные застойные болотца становились источниками лихорадки и других болезней.

Знакомясь с Казанью, Владимир Ильич, несомненно, побывал и в той части города, которая начиналась во-

сточнее Театральной площади и оканчивалась Арским полем (ныне ул. Ершова). На Большой Лядской улице (ныне ул. Горького) находился Панаевский сад с летними помещениями театра и шахматного клуба. На углу Грузинской высилось здание учительского института. На самом Арском поле помещались старейшее женское учебное заведение — Родионовский институт благородных девиц, а за бывшими сибирскими воротами — военный госпиталь, духовная академия, центральная крещено-татарская школа и ветеринарный институт. Невдалеке было излюбленное место для прогулок и пикников — загородный сад, известный под именем «Русской Швейцарии» [2].

Но лучше всего Владимир Ильич изучил район, раскинувшийся восточнее Рыбнорядской улицы и южнее Арского поля, где находились Ново-Комиссариатская (ныне ул. Комлева) и улицы, именовавшиеся из-за холмистого рельефа «горами»: Попова гора, 3, 2 и 1-я гора. Район этот не входил в «богатую» часть города, народ жил поскромнее, и жилье стоило дешевле. Поэтому Ульяновы снимали квартиры именно здесь.

Казань была крупнейшим административным центром Поволжья. Здесь находилось руководство учебного, военного, судебного, путей сообщения и почтово-телеграфного округов, осуществлявшее управление подчиненными им ведомствами в губерниях региона. Как ни в каком другом губернском центре, в Казани было много военных, проходивших службу в 15-м армейском корпусе, 2-й пехотной дивизии, 19-й местной бригаде, юнкерском училище, различных управлениях, комиссиях и на складах. Неудивительно, что высокопоставленное военное и гражданское чиновничество здесь численно значительно превосходило помещичью аристократию и реальная власть находилась в его руках.

Богаче и разнообразнее, чем в Симбирске, была и культурная жизнь Казани. Оперный театр считался одним из лучших в провинции. С 1885 года работала «му-

зыкальная школа свободного художника А. А. Орлова-Соколовского» с четырехлетним консерваторским курсом. С публичными концертами выступали члены отделения Русского музыкального общества и кружка любителей музыки. В типографиях издавались книги местных ученых и литераторов. В городе было несколько довольно крупных книжных магазинов. Помимо общественной библиотеки (при городской думе), имелось несколько частных, в которых за плату можно было получить почти любую книжную новинку. Работал и шахматный клуб. В отличие от Симбирска здесь было десятка полтора таких обществ, о которых там знали только по слухам: отделения Русского технического общества, Экономического общества, Общества для содействия русской промышленности и торговле при биржевом комитете, общества приказчиков и «взаимного вспоможения книгопечатников», а также общества для пособия «недостаточным студентам» университета, ветеринарного института, нуждающимся учащимся гимназии и реального училища.

Что касается уровня начального образования, то Владимир Ильич мог с удовлетворением отметить, что благодаря просветительской деятельности отца Симбирск (с учетом разницы в численности населения) даже превосходил Казань: там было 14, а здесь — 22 училища [3]. Почти аналогичная картина была и в области среднего образования: в Симбирске имелось по одной мужской и женской гимназии, а в Казани — три мужские и две женские. Однако же сами абсолютные цифры количества учебных заведений еще раз убеждали в «масштабности» города. К тому же в Казани было несколько специальных учебных заведений, чем не мог похвастаться Симбирск. Это учительский институт, учительская семинария, фельдшерская школа, Родионовский институт благородных девиц, земская школа для образования народных учительниц, земледельческое училище и такие частные заведения, как «рисовальная школа», «танцевальные классы», мужская и женская прогимназии.

Соученик Владимира Ульянова по гимназии, начинающий поэт и публицист Аполлон Коринфский, бичуя в фельетонах «апатичность, вялость и индифферентизм обывателей» родного Симбирска, сокрушался по поводу печального состояния в нем прессы: в 1886 году прекратилось издание «Симбирской земской газеты», а неофициальный раздел «Симбирских губернских ведомостей» заполнен был сообщениями «об «утонувших», «градобитиях», «умертвлениях» и тому подобных экстраординарных случаях» [4].

В Казани же, помимо «Губернских ведомостей», выходили две частные газеты: «Казанский биржевой листок» и «Волжский вестник». Обе они пользовались популярностью в Симбирске, и Владимир Ильич еще гимназистом читал эти газеты и знал кое-что об их руководителях. Одним из издателей «Казанского биржевого листка» был либеральный адвокат С. А. Гисси — муж народоволки М. А. Гисси, которая после сибирской ссылки жила в Симбирске, невдалеке от дома Ульяновых на Московской улице, и на ее квартире собирались члены местного нелегального кружка. Редакция «Казанского биржевого листка» рекламировала свою газету как «политическую, литературную и коммерческую». Но цензурные условия, с одной стороны, и нехватка одаренных писателей и публицистов — с другой, далеко не всегда позволяли заполнять страницы газеты оригинальными и достаточно глубокими по содержанию материалами. И все-таки можно полагать, что Владимир Ильич регулярно просматривал «Казанский биржевой листок»: здесь появлялись статьи о состоянии промышленности и сельского хозяйства в Поволжье и Прикамье, обозрения журнальных новинок и корреспонденции из Симбирска. Не могло не импонировать и то, что «Казанский биржевой листок» использовал бывших студентов и гимназистов, исключенных из учебных заведений, в качестве своих корреспондентов.

Если «Казанский биржевой листок» выходил с 1868 года, то «Волжский вестник» был значительно мо-

ложе по стажу. В 1879 году он издавался как еженедельник в Симбирске, невдалеке от дома Ульяновых, но после пожара, уничтожившего типографию, уже не возродился. Через несколько лет это издание приобрел прогрессивно настроенный профессор-историк Казанского университета Н. П. Загоскин и возобновил его в виде газеты, которая выходила сначала раз, затем — два раза в неделю, а с 1885 года — ежедневно. Успеху издания во многом способствовало то, что Н. П. Загоскину удалось с самого начала сделать ее честной и серьезной. Поэтому в «Волжском вестнике» охотно печатались известные писатели — В. Г. Короленко, Г. И. Успенский [5], Д. Н. Мамин-Сибиряк и публицисты В. Ю. Скалон и В. В. Чуйко, а также начинающие поэты и фельетонисты Е. Н. Чириков и А. А. Коринфский — знакомые Владимира Ильича.

Казань была единственным городом огромной восточной территории страны, включающей Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток, в котором имелись высшие учебные заведения: ветеринарный институт и университет. Первое из них — небольшое, всего со 180 студентами. Причем в него принимались юноши после 6-го класса классических гимназий. Это были выходцы из разночинных семей и «низших» сословий. Эти «недоучки», как их презрительно называли реакционные сановники, представляли собой весьма беспокойный элемент, один из главных источников пополнения революционных кружков.

Гордостью Казани, конечно, был университет. Он был открыт в 1804 году, когда в России было еще только два университета: Московский и Дерптский. Подавляющее большинство бывших и настоящих чиновников города, преподавателей гимназий, врачей, фельдшеров и провизоров, судей, прокуроров и адвокатов — это воспитанники своего университета. Его профессура возглавляла различные общества: естествоиспытателей, археологии, истории и этнографии, врачей, юридическое, классической филологии, научные и благотворительные учреждения,

редакции газет и их... цензуру. Питомцы университета прошлых выпусков и его наличный состав со своими семьями представляли едва ли не десятую часть населения города, основу его интеллигенции, задавали тон умственной и общественной жизни как в Казани, так и в прилегающих к ней городах и весях.

Однако в годы реакции заметно снизилась гражданская активность интеллигенции, многих засосала обывательская тяга к личному благополучию, и не случайно один из публицистов в популярном путеводителе выразил весьма нелестное мнение об образованном обществе: «...Влияние университета незаметно... Город живет своею обиходною жизнью, своими желудочными, эротическими и всякими другими интересами, кроме умственных... Уроки высшей мудрости почерпываются из «Московских ведомостей». Впрочем, в городе немало людей интеллигентных, для которых умственная пища составляет необходимость» [6].

В конце лета 1884 года, вскоре после того, как вышли в свет эти строки, из Нижнего Новгорода в Казань приехал 16-летний Алексей Пешков со страстной мечтой окончить здесь гимназию, а потом и университет. Материальные лишения не позволили юноше-самородку осуществить свою мечту, и в Казани ему пришлось учиться не в императорском, а в «своих университетах», работая подручным пекаря в лавке и булочной Деренкова. Позднее в автобиографических рассказах великий писатель воссоздал немало ярких страниц из жизни Казани времен своей суровой юности. Впечатляюща и обширна галерея героев. Здесь и обитатели ночлежек, волжские грузчики, и рабочие Алафузовской фабрики, полицейский будочник Никифорович и вор Башкин, студенты-квартиранты знаменитой Марусовки * на Рыбнорядской улице и слуша-

* Марусовка — трущобы из двух десятков домов на Рыбнорядской улице, принадлежавших разбогатевшему сапожнику Марусову, в которых по традиции квартировали бедняки студенты и люмпен-пролетарии.

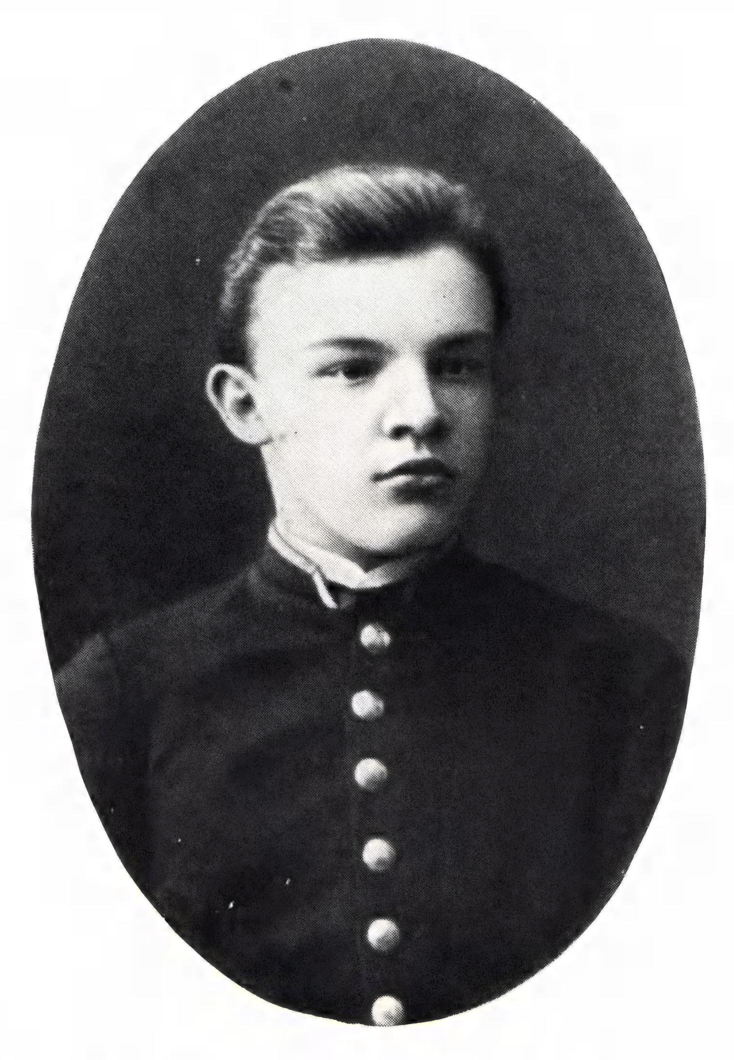
тели публичных лекций профессора-психиатра Бехтерева. Наконец, члены местного революционного подполья — студент Гурий Плетнев и руководитель первых марксистских кружков Николай Федосеев.

Многое из того, что будет рассказано Горьким в «Моих университетах», подмечал и зоркий глаз Владимира Ильича во время знакомства с Казанью.

В НАЧАЛЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ ПОРЫ

Юридический факультет, куда поступил Владимир Ильич, по числу студентов уступал только медицинскому, но в главном корпусе, где размещались все 12 кафедр и пять аудиторий факультета, юристов было больше, чем медиков, ибо те занимались и в других зданиях — анатомическом театре, клинике, химической лаборатории. Молодежь собралась в университете довольно пестрая: чуть больше половины — сыновья чиновников и военнослужащих (в основном дворян), четверть — мещан и разночинцев, остальные — почетных граждан, купцов, духовенства и крестьян. Почти 90 процентов студентов — православные, остальные — иудейского, лютеранского и магометанского вероисповеданий.

Примерно таким был по социальному составу и первый курс юридического факультета, на котором числилось около 60 человек. Владимир Ильич оказался самым младшим по возрасту: ему было 17 лет и 4 месяца, тогда как остальным — от 18 до 22 лет. Ульянова это не смущало: и в гимназии он был моложе всех соучеников. Самый юный студент оказался, однако, одним из немногих обладателей золотой медали. Начитанный, всесторонне развитый, остроумный и находчивый, он быстро освоился в студенческой среде. К тому же в отличие от большинства новичков, приехавших в Казань из других губерний, у него на курсе было сравнительно много давних знакомых. Ведь из выпуска Симбирской гимназии

В. Ульянов — гимназист восьмого класса. 1887 г.

Аттестат зрелости и золотая медаль, полученная В. Ульяновым по окончании Симбирской гимназии за отличные успехи.

3

АТТЕСТАТЪ ЗРѢЛОСТИ

№ [illegible]

Данъ сей *Владиміру Ульянову*, православнаго вѣроисповѣданія, сыну чиновника, родившемуся въ г. Симбирскѣ, 1870 года Апрѣля 10 числа, обучавшемуся восемь лѣтъ въ Симбирской гимназіи, въ томъ,

Во первыхъ, что, на основаніи наблюденій за все время обученія его въ Симбирской гимназіи, поведеніе его вообще было **отличное**, исправность въ посѣщеніи и приготовленіи уроковъ, а также въ исполненіи письменныхъ работъ **отличная**, прилежаніе **отличное** и любознательность ко всѣмъ предметамъ **большая**, особенно къ древнимъ языкамъ, и, *во вторыхъ*, что онъ обнаружилъ нижеслѣдующія познанія:

	[illegible]	[illegible]
Въ Законѣ Божіемъ	5	5
„ Русскомъ языкѣ и Словесности	5	5
„ Логикѣ	4	—
„ Латинскомъ языкѣ	5	5
„ Греческомъ	5	5
„ Математикѣ	5	5
„ Исторіи	5	5
„ Географіи	5	5
„ Физикѣ и Математической географіи	5	—
„ Нѣмецкомъ языкѣ	5	
„ Французскомъ языкѣ	5	

Въ вниманіе къ отличному поведенію и прилежанію и къ отличнымъ успѣхамъ въ наукахъ, въ особенности въ древнихъ языкахъ,

Педагогическій Совѣтъ постановилъ наградить его, *Ульянова*, ЗОЛОТОЮ МЕДАЛЬЮ и выдать ему аттестатъ, предоставляющій всѣ права, обозначенныя въ §§ 129—132 Высочайше утвержденнаго 30 Іюля 1871 г. устава гимназій и прогимназій, а при отбываніи воинской повинности онъ, *Ульяновъ*, на основаніи 2-й и 9-й стат. Высочайше утвержденнаго 10 Февраля 1886 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, пользуется льготами, предоставленными окончившимъ курсъ наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ втораго разряда. Симбирскъ. Іюня *10* дня 1887 года. *Подлинный подписали.*

Директоръ Симбирской Гимназіи
Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ *Ф. Керенскій*

Инспекторъ *[illegible]*

Законоучитель *Протоіерей [illegible]*

Преподаватели: *[illegible]*

Съ подлиннымъ вѣрно
Директоръ *[illegible]*

Секретарь Педагогическаго Совѣта *[illegible]*

Примѣчаніе: [illegible]

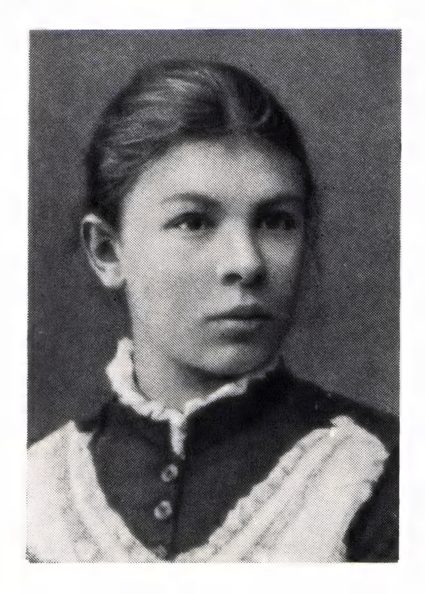
Симбирская гимназия. Здесь в 1879—1887 гг. учился В. И. Ленин.

Мария Александровна Ульянова.

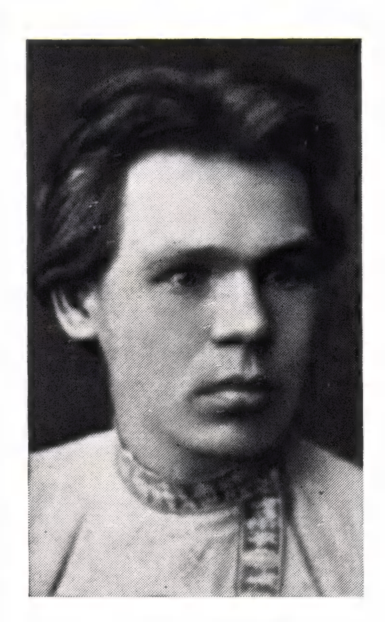

Александр Ульянов.

Дмитрий Ульянов.

Ольга Ульянова.

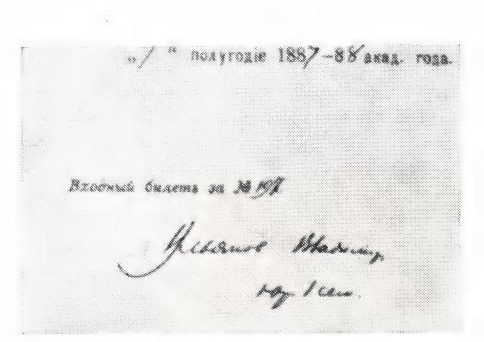
Марк Тимофеевич Елизаров.

ПРОХОДНОЕ СВИДѢТЕЛЬСТВО

Проходное свидетельство, выданное А. И. Ульяновой на проезд и жительство в Казанской губернии.

Анна Ульянова-Елизарова.

Казанский университет в 80-е годы XIX в. Таким он предстал перед студентом В. Ульяновым.

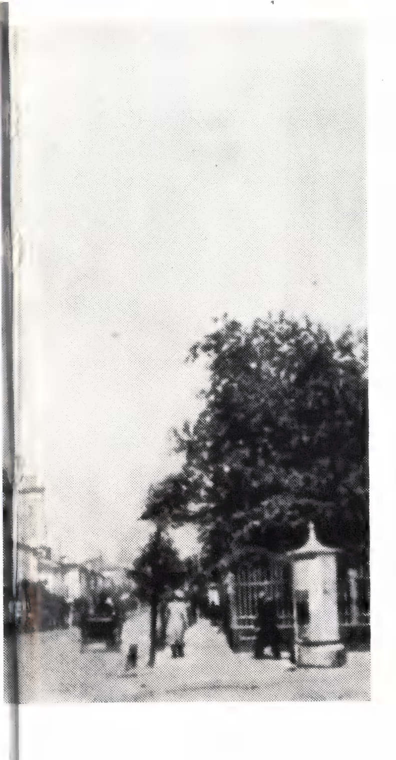
„1" полугодіе 1887–88 акад. года.

Входный билетъ за № 197

Ульяновъ Владимиръ

юр. 1 сем.

Входной билет.

Характеристика В. Ульянова, представленная в Казанский университет из гимназии.

Я, нижеподписавшійся, обязуюсь не состоять членомъ и не принимать участія въ какихъ либо сообществахъ, какъ напр. землячествахъ и т. п., а равно не вступать членомъ даже въ дозволенныя закономъ общества, безъ разрѣшенія на то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ближайшаго начальства. „2“ Сентября 1887 года.

Студентъ Императорскаго Казанскаго Университета
юридическаго *факультета* 1го семестра
Владимиръ Ильичъ Ульяновъ

Дом, в котором остановилась семья Ульяновых проездом в Кокушкино (ныне Профессорский переулок, д. 10).

◀ Обязательство не состоять в студенческих организациях.

Екатерина Ивановна Веретенникова (Песковская) и Анна Ивановна Веретенникова.

Дом, в котором жила семья Ульяновых с сентября 1887 г. (ныне ул. Комлева, д. 15).

◀ Казань в 80-е годы XIX в.

Петиція

поданная Казанскими студентами Ректору Университета на сходкѣ 4го декабря 1887 года

Собрало насъ сюда ничто иное какъ сознаніе невозможности всѣхъ условій, въ которыя поставлена русская жизнь вообще и студенческая въ частности, а также желаніе обратить вниманіе общества на эти условія и предъявить правительству наши слѣдующія требованія. Мы пришли къ заключенію, что:

I. Реформы наивозможно-ближайшаго будущаго по отношенію къ университетамъ должны быть слѣдующія:

а) для всѣхъ россійскихъ университетовъ уставъ долженъ быть одинъ и тотъ же;

б) университетами должна завѣдывать коллегія студентовъ совершенно самостоятельно;

в) никакого контроля со стороны университета надъ частной жизнью студентовъ не должно быть;

г) студентамъ должно быть предоставлено право сходокъ для обсужденія дѣлъ, касающихся студенчества, а также право коллективной подачи петицій;

с) право имѣть свои библіотеки, читальни, кассы взаимопомощи, мастерскія и управлять ими чрезъ своихъ выборныхъ;

f) долженъ быть гласный студенческій судъ, рѣшенія котораго профессорская коллегія не можетъ кассировать;

g) студенты получаютъ право распредѣлять стипендіи и пособія по усмотрѣнію созданныхъ отъ студенчества лицъ.

II. Уничтоженіе сословности. Всякаго рода препятствій, затрудняющихъ доступъ в учебныя заведенія [напримѣръ высокая плата, форма и тому подобное]

III. Справедливость требуетъ, чтобы всѣ наши товарищи всѣхъ университетовъ, исключенные за студенческія волненія, были приняты вновь.

IV. Для удовлетворенія возмущеннаго нашего и общественнаго мнѣнія необходимо, чтобы были наказаны тѣ лица, по приказанію или недосмотру которыхъ были совершены въ 20хъ числахъ прошедшаго мѣсяца звѣрскія насилія надъ нашими товарищами московскими студентами и даже убійства, оффиціально скрываемыя.

КАЗАНСКІЕ СТУДЕНТЫ.

Его Превосходительству
Господину Ректору Императорскаго
Казанскаго университета

Студента 1го семестра
юридическаго факультета
Владиміра Ульянова

Прошеніе.

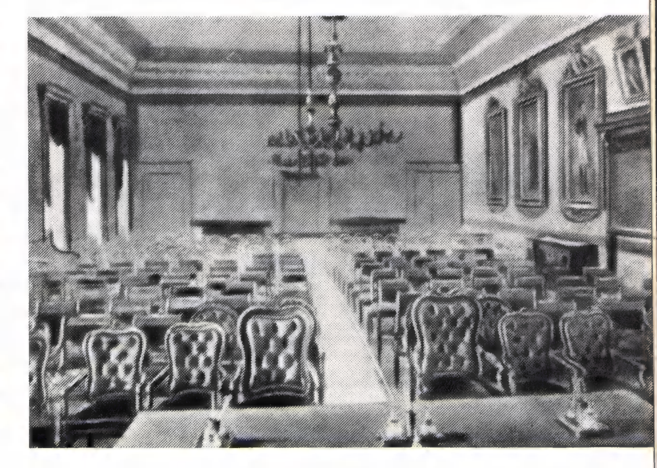
Не признавая возможнымъ продолжать мое образованіе въ Университетѣ при настоящихъ условіяхъ университетской жизни имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство сдѣлать надлежащее распоряженіе объ исключеніи меня изъ числа студентовъ Императорскаго Казанскаго университета.

Студентъ 1го семестра
юридическаго факультета
Владиміръ Ульяновъ

Казань. 5 Декабр. 1887 года.

Петиция, поданная студентами Казанского университета ректору на сходке 4 декабря 1887 г.

Прошение ректору Казанского университета об отчислении в знак протеста против преследований демократического студенчества.

Актовый зал университета, в котором проходила студенческая сходка.

Тюрьма при Казанском кремле — место первого заключения В. И. Ленина в декабре 1887 г.

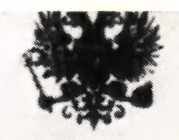

Дом на Первой горе, в котором жила семья Ульяновых в 1888—1889 гг. (ныне ул. Ульяновых, д. 58).

◀ Флигель в Кокушкине, в котором жил В. И. Ленин во время ссылки.

Петербургский университет, в котором В. И. Ленин держал экзамены экстерном.

ДИПЛОМЪ.

Предъявитель сего, **Владимiръ** [redacted] *Ильичъ* **Ульяновъ**, вѣроисповѣданія Православнаго, родившійся 10 Апрѣля 1870 г., съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, подвергался испытанію въ Юридической испытательной коммиссіи при ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-Петербургскомъ университетѣ въ Апрѣлѣ, Маѣ, Сентябрѣ, Октябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ 1891 года.

По представленіи сочиненія и послѣ письменнаго отвѣта, признанныхъ весьма удовлетворительными, оказалъ на устномъ испытаніи слѣдующіе успѣхи: по **Догмѣ римскаго права, Исторіи римскаго права, Гражданскому праву и судопроизводству, Торговому праву и судопроизводству, Уголовному праву и судопроизводству, Исторіи русскаго права, Церковному праву, Государственному праву, Международному праву, Полицейскому праву, Политической Экономіи и Статистикѣ, Финансовому праву, Энциклопедіи права и Исторіи философіи права** — весьма удовлетворительные.

Посему, на основаніи ст. 81 общаго устава ИМПЕРАТОРСКИХЪ Россійскихъ университетовъ 23 Августа 1884 года, Владимiръ Ульяновъ, въ засѣданіи Юридической испытательной коммиссіи 15 Ноября 1891 г., удостоенъ диплома **первой** степени, со всѣми правами и преимуществами, поименованными въ ст. 92 устава и въ V п. ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго въ 23 день Августа 1884 года мнѣнія Государственнаго Совѣта. Въ удостовѣреніе сего и данъ сей дипломъ Владимiру Ульянову, за надлежащею подписью и съ приложеніемъ печати Управленія С.-Петербургскаго учебнаго округа. Городъ С.-Петербургъ. *Января 14* дня 1892 года.

Диплом первой степени, выданный В. И. Ленину по окончании юридического факультета при Петербургском университете. 1892 г.

1887 года вместе с ним поступили на юридический еще пятеро: Владимир Андреев, Константин Глядков, Михаил Забусов, Александр Писарев и Владимир Разумов. 28 сентября к ним присоединился Василий Кузнецов, перешедший с медицинского[1]. Затем с подобной же просьбой к ректору обратился Алексей Дардальонов. Но переводы с факультета на факультет допускались только до 1 октября, и он остался на медицинском. На 1-м курсе Владимир Ильич также встретился и с Казимиром Свенцицким, который одно время учился в Симбирской гимназии.

Декан факультета профессор А. М. Осипов, уже пожилой человек, из обрусевших немцев, на первом курсе лекций не читал, и новички видели его очень редко. По существу, их начальниками были субинспектор (помощник инспектора студентов университета) и педель (низший надзиратель). Духовным наставником считался профессор Н. К. Миловидов (он же — протоиерей Богородицкого женского монастыря), читавший лекции по православному богословию для всех факультетов. Курс был обязательным, что вынуждало Владимира Ильича скрепя сердце хоть иногда слушать этого маститого и самодовольного проповедника.

Вряд ли доставляли Владимиру Ильичу удовольствие и лекции 35-летнего секретаря факультета, профессора Г. Ф. Дормидонтова, по истории развития римского государственного строя. Ведь многое было уже знакомо из обширного гимназического курса по истории Древнего Рима. К тому же по всему чувствовалось, что этот безликий профессор явно отдает предпочтение Риму императорскому, а не республиканскому. Так что политическое кредо Дормидонтова нетрудно было угадать.

Однако несомненно, что в первые недели учения Владимир Ильич с интересом шел на лекции Николая Петровича Загоскина, тоже молодого, 36-летнего профессора, снискавшего себе известность одного из самых блестящих лекторов Казани, автора научных трудов и редактора-из-

дателя популярной даже за пределами Поволжья прогрессивной газеты «Волжский вестник». Он преподавал «Историю русского права» и «Энциклопедию права». Хотя оба курса были тоже очень далеки от современной жизни, но Загоскин все же читал их живо, с либеральных позиций. Обращаясь, например, к первокурсникам, среди которых был и Владимир Ильич, он говорил: «Вы избрали юридическое образование, этим самым вы взяли на себя высокую цель, цель жизни, которая будет заключаться в проведении идеи правды в народ», и выразил надежду, что из его слушателей выйдут люди, «способные разумно и сознательно проводить в жизнь идею правды, а не казуисты, способные ловить рыбу в мутной воде российских законов» [2]. О чем бы ни рассказывал Загоскин, он вольно или невольно говорил не столько о праве, сколько о жестокости, с какой правящие круги оберегали устои, позволявшие им веками нещадно эксплуатировать родной народ. Не случайно Владимир Ильич перед началом очередной лекции по истории русского права сказал с горькой иронией товарищу: «Ну, пошли... слушать лекцию о русском бесправии» [3]. Разумеется, он имел при этом в виду не только эпоху феодализма, но и воцарившуюся в стране реакцию.

Что же касается лекций по английскому языку, то Владимир Ильич, наверное, получал удовлетворение уже от самого факта общения с преподавателем Сергеем Павловичем Орловым — еще молодым человеком, который сам в качестве вольнослушателя посещал занятия на физико-математическом факультете. Этимологию Орлов преподавал толково, а для переводов давал не надоевшие древности, а рассказы Чарлза Диккенса.

Родные интересовались занятиями Владимира Ильича и вообще его впечатлениями об университете. Он, конечно, не скрывал своего недовольства учебными программами и порядками. Но так как другого выхода не было, не жаловался и не искал сочувствия. Все-таки он студент Казанского университета, тогда как Аня — в ссылке, а Оля

все еще не знает, где и когда сумеет учиться в высшем учебном заведении или работать.

Шел четвертый месяц со времени окончания Ольгой Ильиничной Симбирской мариинской женской гимназии, но она еще не имела на руках аттестата о среднем образовании. Впрочем, в таком же положении находились и все ее соученицы: по сложившейся традиции аттестаты и награды выдавались ежегодно только на торжественном акте 27 ноября — в день основания гимназии.

Большинство девушек терпеливо ждали этого акта, так как в получении документа не было особой срочности: продолжать учение было негде, на службу редко кто из барышень стремился, а сидеть дома или выйти замуж можно было и без аттестата. Но Ольга Ильинична страстно хотела учиться или работать, поэтому решила поехать в Симбирск, чтобы получить свой аттестат досрочно. Родные одобрили это намерение.

В середине сентября Ольга Ильинична пароходом прибыла в свой родной город. Здесь еще жили ее подруги, но она зашла только к одной — Нине Супротивной. Это была очень умная, серьезная и начитанная девушка, мечтавшая стать учительницей. Еще в гимназические годы она лишилась родителей, и на ее руках, как старшей в семье, осталось еще четверо сирот. Нина была в курсе всех трагических событий, которые пришлось пережить Ульяновым за последнее время, вела оживленную переписку с Ольгой и, когда та приехала в Симбирск, демонстративно сопровождала сестру недавно казненного «важного государственного преступника» по городу. И каким резким контрастом выглядели эпизоды встречи с бывшими учителями на улицах города: сначала математик А. В. Году ев, а затем и словесник Н. М. Егоров, поклонившись Нине, «не узнавали» Ольгу. Нетрудно представить то чувство горечи и возмущения, которые она испытала после встречи с этими «хамелеонами» и «премудрыми пескарями». Ведь эти преподаватели в течение нескольких лет оценивали ее познания высшими баллами, ежегодно голо-

совали за награждение похвальными листами и книгами, а при выпуске все-таки присоединились к постановлению педагогической конференции гимназии о присуждении ей золотой медали. Теперь же, проходя мимо, они показали свое истинное лицо.

Поклонившись праху отца, Ольга сделала на кладбище все необходимое, чтобы привести в порядок могилу. В канцелярии мужской гимназии написала расписку: «Золотую медаль Вл. Ульянова по поручению его получила. 13 сентября 1887 г. Ольга Ульянова»[4]. И потом с гордостью, первой в семье, рассматривала заслуженную награду брата и самого близкого своего друга.

Свою же золотую медаль она и не пыталась просить — была рада получить хотя бы аттестат. Обращаться к Ф. М. Керенскому (который возглавлял как мужскую, так и женскую гимназию) Ольга Ильинична, видимо, не пожелала и сочла более удобным зайти к своему бывшему учителю географии и секретарю педагогической конференции мариинской гимназии Александру Васильевичу Констансову. Она очень хорошо знала этого доброго и честного человека, на протяжении многих лет видела его в своем доме на Московской в качестве бессменного делопроизводителя дирекции народных училищ, возглавлявшейся ее отцом.

А. В. Констансов сохранил благоговейную память об Илье Николаевиче и глубокое уважение к его семье и сделал все, что мог: вскоре по приезде в Казань Ольга Ильинична получила нечто большее, чем надеялась. Вот что она писала в Симбирск 25 сентября 1887 года Александре Щербо: «Вчера я получила из Симбирска медаль; не знаю, как благодарить Констанс[ова] за такую любезность; я ведь и не просила о медали, а только об аттестате. Думала письменно выразить ему свою благодарность, но раздумала. Если придется кстати, то скажи ему... что очень благодарна»[5]. Раздумала письменно поблагодарить... Конечно, потому, что опасалась бросить тень на хорошего человека.

Теплая и сухая осень в Казани сменилась ненастьем: улицы на четверть аршина покрылись снегом, резко похолодало. Квартира в доме Ростовой оказалась неудачной, и в конце октября Ульяновы переехали на Ново-Комиссариатскую улицу (Комлева, 15), где Мария Александровна сняла нижний этаж в только что отстроенном доме мещанки Соловьевой. Через несколько дней Ольга Ильинична сообщает об этом Александре Щербо, невольно горестно обобщая злоключения своей семьи в последнее время: «Здесь ужасно холодно, а хозяйка только сегодня дала вставлять зимние рамы, мы мерзнем... Уехав из Симбирска, мы превратились в каких-то кочевников: нигде не найдем себе места, и все время проходит в том, что мы укладываемся и раскладываемся» [6].

Бытовые неурядицы усугублялись тяжелыми переживаниями. 10 сентября департамент полиции, словно издеваясь над горем матери, наконец-то ответил Марии Александровне, что оставшиеся после казни ее сына часы и плед проданы для покрытия судебных расходов. Правда, фотография, оставшаяся после Александра (по-видимому, Ильи Николаевича), ей была возвращена [7].

Постоянную тревогу у матери, Владимира и Ольги вызывали думы об Ане. Здоровье ее оставляло желать много лучшего. Вынужденное же заточение на хуторе, где не к чему было приложить свои способности, крайне угнетало Анну Ильиничну. Как ни старалась она сдержать свои нервы, нет-нет да наступали приступы тоски и уныния. Чтобы она не чувствовала себя так одиноко, Мария Александровна, уезжая в Казань, оставила в Кокушкине и Маняшу. С ней было, конечно, веселее, и в очередном письме Анны Ильиничны к подруге Наде в Петербург появляются бодрые нотки: «...со мною теперь маленькая сестренка — она милая и ласковая девочка, и с ней многое легче и сноснее. Возня с нею составляет мое исключительное занятие, потому что, кроме механической работы, я совершенно ничего не делаю (начала, между про-

чим, мастерить обещанный Вам абажур, не знаю, удачно ли выйдет)».

Время от времени кто-нибудь из родных наведывался на несколько дней в Кокушкино, что для Анны Ильиничны было праздником. Однако с наступлением распутицы связь с Казанью затруднялась, непролазная грязь мешала прогулкам, и вновь на душе становилось невесело. Назначенную правительством пятилетнюю ссылку Анна Ильинична с самого начала рассматривала как ничем не мотивированное и жестокое наказание, как злобную месть только лишь за то, что была сестрой одного из руководителей дела 1 марта 1887 года. И надеялась, что добьется разрешения переехать хотя бы на зиму в город.

23 сентября Анна Ильинична подала прошение об этом через губернатора в министерство внутренних дел. Через месяц из Петербурга пришел ответ: ходатайство «оставлено без последствий» [8]. С большими предосторожностями она иногда наезжала в Казань, но это было опасно. Рассказывая в письме из Кокушкина от 18 ноября об этих подпольных поездках все той же Наде, старшая сестра Ильича писала: «В последний раз вышла даже небольшая неприятность и на полчаса пришлось почувствовать себя опять под арестом. Едва успела помочь маме переменить квартиру, — первая была очень сырая — и укатила скорее (3 ноября. — *Ж. Т.*) сюда. Сестра (Маняша. — *Ж. Т.*) пока со мной; уговаривала маму оставить ее в городе, но она не хочет, чтобы я была одна, да и заниматься с ней там, говорит, некому. Вообще у мамы гораздо больше характера, чем у меня» [9].

Дочь была права. Мария Александровна огромным напряжением воли заставляла себя быть стойкой и целеустремленной. Хотя каждая поездка в Кокушкино стоила здоровья — в распутицу и за шесть часов туда не добраться, — она ездила к Анне и Маняше. А когда учеба Владимира и Мити вошла в более или менее устойчивое русло, она надолго оставляла их с няней Варварой Григорьевной и Ольгой, а сама жила в Кокушкине.

С отъездом матери Владимир Ильич чаще стал бывать в студенческой и главной библиотеках университета, а также в читальном зале, городской публичной библиотеке, где можно было познакомиться со многими столичными журналами и газетами. Пользовался он и факультетской библиотекой, которая наряду с «Юридическим вестником», другими специальными изданиями и трудами губернской земской управы получала «Вестник Европы», «Русскую мысль», «Книжный вестник», другую периодику.

Участились и встречи вне стен университета со старыми симбирскими знакомыми по гимназии. Все они, за исключением М. Забусова, у которого в Казани были родные, жили на частных квартирах, и Владимира Ильича интересовало, как они устроились в незнакомом городе. Один из симбирян, вспоминая встречи с Владимиром Ильичем в ту пору, писал: «По внешности он мало чем отличался от прочих своих товарищей-однокурсников: чистенький, в новой студенческой форме, скромный. И только большая серьезность и внутреннее как бы самоуглубление резко отличали его от прочих земляков. ...Когда в скором времени, в конце августа или начале сентября, открылась нелегальная земляческая столовая в одном из подвалов Собачьего переулка, то в ней появился и студент Ульянов. Заведовали этой столовой мы, четверо, жившие в одной комнате при том же помещении столовой... Ульянов заходил в нашу комнату сражаться с кем-нибудь в шахматы. Его знали как отличного шахматиста, и действительно, часами он углублялся в игру...» [10]

Вскоре, однако, эту столовую симбирян «по не зависящим от них обстоятельствам» прикрыли. Владимиру Ильичу невольно припомнились письма брата Александра из Петербурга. В одном из них он писал и о кухмистерской, где обедал: «Устроилась эта кухмистерская через складчину между студентами; за приготовлением кушаний следит жена одного студента, она же закупает провизию. Кроме того, обедающие студенты обязаны по очереди де-

журить в кухмистерской (прислуги там нет) и ходить с хозяйкой на базар». Но в одном из последующих писем, 7 апреля 1886 года, Александр с плохо скрываемым неудовольствием сообщил: «Кухмистерская наша закрыта сегодня по распоряжению градоначальника. Придется устроиться с обедом где-нибудь в другом месте» [11].

Владимир Ильич, конечно, понимал, что закрытие властями кухмистерских является лишь одним из проявлений нового, реакционнейшего университетского устава, пресекавшего любые попытки студенчества организовывать какие-либо объединения: кассы взаимопомощи, библиотеки, кружки самообразования и другие. Но эти запретительные меры не поколебали решимости демократически настроенной молодежи иметь свои сообщества, содействующие сплочению ее рядов в борьбе за социальную справедливость. И в самом начале своей студенческой поры Владимир Ильич стремится глубоко вникнуть в дела землячеств, стать активным их членом.

ТЕСНЫЕ СТЕНЫ САМОДЕРЖАВИЯ

Еще в Симбирске Владимир Ильич убедился в том, что после дела 1 марта 1887 года царь не отказался от прежнего внутриполитического курса. И не потому, что был храбрым. На сохранении неограниченного самодержавия настаивали главные его идеологи — катковы и победоносцевы, помещики-крепостники и сановные чиновники, крупные промышленные и финансовые тузы, наиболее влиятельные отцы церкви. Более того, вся передовая общественность с тревогой заметила, что реакция в стране даже стала усиливаться.

Дворянство, ссылаясь на якобы царящие во многих местах «безначалие, неурядицы, распущенность и своеволие», настойчиво требовало восстановить ослабленную реформами 60-х годов его роль во всех государственных и местных органах управления. Выдвигались пожелания о

привилегиях дворянству: не подлежать суду присяжных, не отбывать воинскую повинность, быть гласными без выборов в силу только крупного земледельческого ценза, получать от государства ссуды и кредиты на особо льготных условиях. Дело шло и к тому, что вот-вот царь утвердит предложение симбирского помещика А. Д. Пазухина, ставшего правителем канцелярии министра внутренних дел, о создании института земских начальников из родовых дворян, к которым, по существу, должна была перейти не только административная, но и судебная власть на местах. Нашлись и такие крепостники, которые не стеснялись на страницах печати припоминать, что император Павел смотрел на помещиков как на «сто тысяч даровых полицмейстеров», обеспечивавших «тишину и спокойствие» в деревнях, и утверждать, что такую же «благодетельную» для народа функцию они и сейчас сыграют в роли земских начальников [1].

Шаг за шагом правительство урезало и без того куцые права городских и земских учреждений. Подбиралось оно и к ограничению независимости всех судов, и к сужению прав суда присяжных, присвоив себе, в частности, право разрешать дела политические административным порядком. Согласно закону от 28 апреля 1887 года значительно повышался имущественный ценз присяжных заседателей судов. В списки кандидатур теперь не включались лица, «впавшие в бедность» и «не читающие по-русски». В сельской местности присяжными могли стать только волостные старшины и волостные судьи, сельские и церковные старосты. «Фанатики сословности», отмечалось в «Вестнике Европы», требуют вообще не подвергать дворян суду присяжных и учредить для них «дворянские суды чести».

Проекты о предоставлении дворянству исключительных прав походили на возврат к крепостному праву. Именно так смотрели на них выпускники Симбирской гимназии 1887 года; об этом вспоминал С. М. Сахаров, с которым Владимир Ильич нередко вел в те времена

беседы с глазу на глаз [2]. А много лет спустя, отмечая, что самодержавие в 80-х годах делало поблажки дворянству, Владимир Ильич писал, что «это был шаг назад на ступени пореформенной России, далеко ушедшей от времени николаевской эпохи...» [3].

Против «неумеренных» притязаний дворянства выступала быстро набиравшая силу буржуазия, чаще всего в лице «независимых» либеральных публицистов. Так, обозреватель петербургской «Недели», выступая против введения земских начальников, которые в роли опекунов якобы смогут облагодетельствовать крестьян, писал: «Опеки над народом и теперь такое изобилие, что, казалось бы, дальше по этому пути и идти некуда» [4].

Крестьянский вопрос волновал буквально всю Россию. Со времени «великой реформы 1861 года» прошло больше четверти века, а положение основной массы населения не только не улучшилось, но даже ухудшилось. Прогрессивная печать открыто указывала основную причину этого печального явления — малоземелье крестьян. При крепостном праве крестьянин по закону имел не менее 4,5 десятины на душу. Но во время своего «освобождения» 72 процента крепостных не получили и по четыре десятины. Это в среднем по стране, а в Симбирской и Казанской губерниях помещики отрезали в свою пользу до 45 процентов надельной земли, которой пользовались их бывшие холопы. С ростом населения дробилась земля, и в 1878 году «временнообязанные» крестьяне имели на душу менее трех десятин. Такой размер надела при трехпольной системе хозяйства, когда каждая третья десятина «отдыхает», не дает возможности крестьянину прокормить семью хотя бы из пяти человек, тем более что плодородие земли с каждым годом истощается. При первой же засухе или градобитии, падеже скота или пожаре на подворье крестьянин превращается в бедняка. Тогда он попадает в кабалу к кулаку, помещику или вообще расстается с наделом, становится батраком либо перебирается в город.

Облегчить положение крестьянства можно было за счет возвращения ему «отрезков». Но на это помещики не собирались идти. Снизить выкупные платежи и налоги — этим не хотело поступиться государство. Не собирались уменьшить грабительские кабальные проценты кулаки и ростовщики. В результате крестьянство было обречено на голод и нищету, непосильный труд. Все это порождало болезни, эпидемии и самый высокий уровень смертности в Европе.

Обеднение крестьянства вело к уменьшению его покупательной способности, усугубляло торгово-промышленный кризис, переживавшийся Россией, подрывало ее финансовое положение и курс кредитного рубля. Этим не замедлил воспользоваться иностранный капитал. Парижская фирма Ротшильда, прибрав к рукам бакинские промыслы, в союзе с американскими воротилами повела атаку на все русское нефтяное дело. Немецкая фирма Сименс захватила добычу нефти на Кавказе. Знаменитые криворожские рудные богатства и металлургическое предприятие Юза попали в руки англичан. Несколько крупных заводов на Урале работали под контролем французских капиталистов. Чугунолитейные и сталелитейные заводы на берегах Балтики, многие железные дороги, банки, судоходные общества, лесная торговля и другие важные отрасли хозяйства захватили иностранцы. Огромные барыши им приносили также проценты от займов, которые брало у них русское правительство.

Уступая настойчивым требованиям буржуазии и помещиков, правительство приняло ряд протекционистских мер. Но главное средство «противостояния» нашествию иностранного капитала видели в усилении эксплуатации. Обогащение любым путем и любыми средствами — вот о чем мечтала и что на практике осуществляла русская буржуазия. Не отставало от нее и чиновничество.

Никогда еще казнокрадство и взяточничество, произвол и бюрократизм не процветали так пышно, как в 80-е годы. Никогда не было и таких бессовестных афер,

с помощью которых дельцы и вступившие с ними в сговор чиновники так безжалостно надували тысячи доверчивых обывателей. При этом весь этот гигантский обман, вся эта жесточайшая эксплуатация сопровождалась разгулом «квасного» патриотизма и великодержавного шовинизма. Деспотическая формула «разделяй и властвуй», возмущавшая до глубины души Владимира Ильича, находила свое выражение в повседневной жизни Казани.

Даже много лет спустя, в письме «К вопросу о национальностях или об «автономизации», Ленин привел свои «волжские воспоминания о том, как у нас третируют инородцев, как поляка не называют иначе, как «полячишкой», как татарина не высмеивают иначе, как «князь», украинца иначе, как «хохол», грузина и других кавказских инородцев, — как «капказский человек» [5]. И гордился тем, что Илья Николаевич много трудился над тем, чтобы вооружить знаниями детей чувашей, мордвы и татар.

Передовую общественность возмущали постоянные преследования правительством прогрессивной печати. вплоть до закрытия «крамольных» изданий, а также гонения, которым подвергались М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. В. Шелгунов, Н. К. Михайловский и другие публицисты за якобы «одностороннее, мрачное освещение русской жизни».

Царизм ставил себе целью искоренить любые прогрессивные движения, отнять у интеллигенции малейшую возможность борьбы за свои идеалы. Он посягал на высшее благо человека — свободное проявление разума, на его свободу критически мыслить. Словом, все, «что так дорого для каждого сколько-нибудь образованного русского, что составляет истинную славу и гордость нашей родины, всего этого не существует для русского правительства». Так писал Александр Ульянов в прокламации «17 ноября в Петербурге» [6]. И с этими словами брата был полностью солидарен Владимир Ильич.

С юных лет он был возмущен тем, что правительство считает своими врагами А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Т. Г. Шевченко, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева. Впрочем, самодержавие страшится не одних революционных демократов. Оно не разрешает изучения в средней и высшей школе даже произведений Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова. И преследует любого интеллигента за попытки нести свет знаний народу, явно предпочитая церковноприходские школы, вся программа которых — письмо, счет, чтение и знание молитв.

Царизм испытывал подозрение к образованному человеку. И если уж нельзя было избежать этого «зла», то было сделано все, чтобы ограничить круг его знаний, воспитать ограниченного, верного существующему порядку чиновника. Из программы средней школы была изгнана химия, зоология, ботаника, современная история. Зато молодое поколение заставляли зубрить латынь и греческий. Много позже, на III съезде комсомола, Владимир Ильич, имея все основания, заявит, что старая школа обременяла память молодого человека «безмерным количеством знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных...» [7]. И он сам «ненавидел эту старую школу с ее зубрежкой и муштрой, с ее отрывом от новой жизни» [8].

Недовольство содержанием гимназических и университетских программ толкало многих юношей к созданию кружков самообразования, а некоторых и к участию в кружках противоправительственного направления. Это смертельно испугало правительство. «Зла» пытались избежать отсеиванием «ненадежного» элемента — детей крестьян, рабочих, разночинцев.

С лета 1887 года началось настоящее наступление на школу. Для «очищения» классических гимназий от детей «низших» классов министр народного просвещения И. Д. Делянов издал 11 июня циркуляр о закрытии приема в приготовительные классы. 18 июня появляется

печально известный циркуляр о «кухаркиных детях», указывающий, в обход закона о бессословности общего образования, способы их недопущения в гимназии и требующий, в частности, повышения платы за обучение. В апрельском номере «Вестника Европы» с тревогой сообщалось о том, что в «верхах» обсуждается новый проект о семиклассных реальных училищах. До сего времени их выпускники имели право на поступление в институты. Теперь предполагалось преобразовать эти училища в пятиклассные, чтобы закрыть дорогу их питомцам в любое высшее учебное заведение.

Реакция губительно сказалась и на женском образовании. Сначала был прекращен прием на женские врачебные курсы. В 1886 году, по сути дела, были закрыты высшие Бестужевские курсы. Год спустя их судьбу разделили высшие женские курсы в Казани. Теперь не оставалось высшего учебного заведения, куда бы могла поступить сестра Владимира Ильича Ольга.

Тяжелые времена наступили для университетов и институтов. В марте, сразу же после ареста Александра Ульянова и его товарищей, началось «очищение» столичного университета от «неблагонадежных» студентов. Вскоре вышло распоряжение, закрывавшее доступ в него выпускникам провинциальных гимназий. Резко повысилась плата за обучение. В мае — июне 1887 года произошла «чистка» и в других учебных заведениях страны, особенно сильная — в Казанском университете. Начальство гимназий было обязано поручиться за «благонадежность» любого выпускника, пожелавшего поступить в университет. Пересматривались предметные программы всех факультетов, с тем чтобы устранить из них все, что так или иначе могло способствовать формированию идей «атеизма, нигилизма и социализма», изгонялись прогрессивные профессора.

Уставом 1884 года университетская автономия сведена была почти на нет. Фактическим начальником университета стал не ректор, а попечитель учебного округа, кото-

рый мог отменить и любое решение правления университета. Что же касается студентов, то они всецело оказались во власти инспектора и его помощников: субинспекторов — на каждом факультете и педелей (надзирателей, следивших за поведением студентов) — на каждом курсе. Педели набирались из людей, не имевших даже среднего образования, хотя от них зависело очень многое: по их доносу студентов карали, лишали стипендий и пособий, не засчитывали учебных полугодий. Глава инспекции Казанского университета Н. Г. Потапов, по отзыву современников, поставил сыск за студентами «на такую высоту, на какой едва ли где в других университетах стоял он даже в ту исключительно шпионскую эпоху» [9]. Дело дошло до того, что некоторые педели вымогали деньги у студентов, угрожая в противном случае донести о таком поступке, который те и не совершали. Всем было известно, что педели «работали» в контакте с околоточными полицейскими надзирателями, жандармами, старшими дворниками, и ни суд, ни профессора не могли защитить студента от этой гнусной клики, если она решит разбить его молодую жизнь [10].

Инспекции побаивались, ее ненавидели даже многие преподаватели. И почти все понимали, что появление этого мерзкого института лишь одно из проявлений наступившего во всей стране периода «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции» [11].

Протестуя против нее и призывая дать ей отпор, авторы революционной прокламации, распространявшейся в Казани после дела 1 марта 1887 года, писали: «...борьба с правительством в настоящую минуту является настоятельнейшей задачей не для одних нелегальных деятелей, но и для всякого русского, кто не останется безучастным к несчастью своей родины, кто не может далее переносить позора за свое достоинство. Народ подавлен и разорен, вся интеллигентная Русь страдает под игом произвола, учреждения, обеспечивавшие хоть каплю гражданской свободы и равно нравственности, топчутся ногой

реакции... Как бы сильно ни обуревал страх рабские души, но есть же предел, когда и скот возмущается своим ярмом. Неужели позорное прозябание раба, сознавшего свое иго, лучше хотя бы неудавшегося протеста. Уж если не стыд и срам за поруганную честь и человеческое достоинство, уж если не сознание нравственной обязанности бороться вообще с произволом, то хотя бы, наконец, страх за ближайшее материальное будущее России должен побуждать в нас желание остановить позорную вакханалию реакции. Ведь Россия накануне банкротства, доверие к ней подорвано не только в образованных сферах Запада, но и в политических и промышленно-банковых кружках его: русский рубль пал до неслыханных размеров!» [12]

И лишь те из студенческой молодежи, кто сам помышлял только о служебной карьере, личном благополучии и спокойной жизни, могли поддерживать строй, наживавшийся на бесправии и темноте народа. Все честные, смелые и справедливые люди не могли оставаться равнодушными к существующему режиму. Они «рвались хотя бы немного расшатать те тесные стены самодержавия, в которых они задыхались. Самым передовым это грозило тогда гибелью, но и гибель не могла устрашить мужественных людей», — так объясняла Анна Ильинична мотивы, заставившие Александра Ильича и его товарищей вступить в смертельную схватку с царизмом [13].

Не каждому дано уйти в бессмертие героем. Но и оставаться глухим к некрасовскому призыву: «Не может гражданин спокойно смотреть на горе родины своей!» — это уже удел щедринского пескаря, презираемый большинством молодежи. И первым шагом преодоления страха за свое личное благополучие для студента было его участие хоть в каком-нибудь общественном деле, укрепляющем чувство товарищеской солидарности.

ЗЕМЛЯЧЕСТВА

Существование объединений земляков в высших учебных заведениях — давняя традиция и Казанского университета. Казалось, что этому их естественному стремлению держаться друг друга, вместе водить компанию власти не должны были бы препятствовать. Но жизнь показала, что почти во всех землячествах, помимо касс взаимопомощи, возникают кружки самообразования, создаются библиотеки не только из дозволенных цензурой книг, но и нелегальных изданий. Выяснилось и то, что в период революционной ситуации 1879—1881 годов и в сменившую его эпоху реакции землячества зачастую превращались в нелегальные организации, способствовавшие единению студентов в борьбе против реакционного университетского устава 1884 года.

Стремясь если не уничтожить, то хотя бы ослабить землячества, правительство ввело 15 мая 1885 года специальные правила, пункт 16 которых гласил: «Студентам воспрещается принимать участие в каких бы то ни было тайных обществах и кружках, как-то: землячествах и т. п., хотя бы не имевших преступной цели, а равно и вступать даже в дозволенные законом общества без испрошения на то в каждом отдельном случае разрешения ближайшего университетского начальства». За нарушение этого запрета полагалось исключение из университета, а за политическую «неблагонадежность» — высылка и даже отдача в солдаты. Однако эти полицейские меры не искоренили «крамолы»: с осени 1885 года наступает новый этап в развитии землячеств, характеризующийся сплочением студенчества и активизацией его участия в политической жизни страны.

Архивные документы свидетельствуют, что Александр Ульянов как один из руководителей петербургского союза землячеств поддерживал связь и с революционно настроенным студенчеством Казани. Здесь его одноклассники по Симбирской классической гимназии В. М. Бурла-

ков, В. П. Волков, А. П. Жарков (Никитин), С. Г. Ферафонтов, С. Ф. Полянский значительно расширили влияние своего землячества (составили новый устав, создали кассу взаимопомощи, библиотеку), а затем перешли к гектографированию революционной литературы и ее распространению в Казани и в Симбирске. В последнем — среди членов нелегального гимназического кружка, руководимого тоже бывшим соучеником Александра Ульянова Валентином Аверьяновым [1].

Жандармам удалось лишь частично раскрыть антиправительственную сторону деятельности симбирского землячества в Казани, поэтому только В. П. Волков и А. П. Жарков (Никитин) подверглись репрессиям: В. М. Бурлаков вовремя перевелся в Петербург. Но симбирское землячество по-прежнему оставалось одним из самых боевых в Казани, пока весной 1887 года, вскоре после дела 1 марта, не началась новая «чистка» университетов от «неблагонадежных элементов». В те дни, когда Владимир Ильич завершал сдачу экзаменов на аттестат зрелости, из Казани были высланы Н. Ф. Войцеховский, Д. А. Гончаров — тоже товарищи Александра Ульянова по выпуску Симбирской классической гимназии 1883 года.

Трудно сказать, в какой мере Владимиру Ильичу было известно о деятельности симбирских землячеств в Петербурге и Казани, но несомненно, что еще гимназистом он не раз слышал о них. Уместно в связи с этим процитировать рассказ студента, появившийся в начале 1886 года в нелегальном рукописном симбирском журнале «Дневник гимназиста» и обращенный к старшеклассникам: «Вот вы кончите гимназию и поступите в университет. Если вы поступите в Казанский, то, наверное, вам предложат принять участие во вспомогательной кассе симбиряков... Эта касса (тайная) открыта в 1882 году. Устав ее следующий: каждый член вносит по 20 коп. месячно и имеет право занимать в кассе до 5 руб. Эту сумму может дать кассир. Выше же ее можно взять с согласия общего собрания членов. Средства же кассы кроме взно-

сов составляют сборы с концертов и студенческих балов. В феврале 1885 года несколько членов предложили устроить в кассе библиотеку. После долгих прений общество согласилось и решило отделять 20% от своих доходов на покупку книг. Был избран библиотекарь, и пошло дело. Теперь, кажется, всего книг до 400» [2].

Итак, существование своих землячеств в высших учебных заведениях — факт общеизвестный для выпускников Симбирской классической гимназии, как, впрочем, и то, что казанское студенчество в феврале 1886 года, сразу же после введения подписки о неучастии в землячествах, выразило свой протест против этой правительственной меры. Так, 19 февраля, в день 25-летия манифеста об «освобождении» крестьян и панихиды по Александру II, почти никто из студентов не явился в университет. Зато около 300 студентов собралось на Арском кладбище, чтобы отслужить панихиду по врачу И. М. Потехину — основателю «Кассы общества вспомоществования недостаточным студентам Казанского университета». Докладывая рапортом губернатору о том, что эта панихида имела политический характер, полицмейстер писал: «Сбор в таком большом количестве учащейся молодежи и столь резко проявленное ими сочувствие к покойному Потехину объясняется отчасти и тем, что со стороны университетского начальства последовало распоряжение об отобрании от студентов подписок, чтобы они не принадлежали к так называемым студенческим землячествам, имеющим по своей деятельности одинаковый характер с теми студенческими кассами, организатором которых, как сказано выше, был покойный, и, таким образом, на происходящую сходку можно смотреть как на демонстрацию против означенного распоряжения». Протест свой демонстранты выразили и тем, что на обратном пути с кладбища, проходя мимо квартиры попечителя учебного округа, замедлили движение и пропели «вечную память».

Расследованием было установлено, что в феврале 1887 года в Казанском университете существовало 20 сту-

денческих земляческих кружков, которые охватывали две трети студентов и постепенно вовлекали остальную массу [3]. Несколько десятков наиболее активных деятелей землячеств были исключены из университета весной и летом 1887 года. Но «зло» не было пресечено, и абитуриенты-симбиряне знали, что их родное землячество в Казани продолжает существовать, объединяя около 60 членов.

Владимиру Ильичу было легче, чем любому другому новичку, познакомиться с симбирским землячеством, так как в его руководящем ядре находились бывшие одноклассники брата Александра: С. Ф. Полянский, С. Г. Ферафонтов и А. А. Орловский. Немаловажным было и то, что среди приехавших в 1887 году в Казань выпускников Симбирской классической гимназии он был давно признанным лидером своего класса.

Из казанского «Волжского вестника» всем было известно, что каждый абитуриент должен подписать типографский бланк «Обязательства», которое требовало от него «не состоять членом и не принимать участия в каких-либо сообществах, как, например, землячествах и т. п., а равно не вступать членом даже в дозволенные законом общества, без разрешения на то в каждом отдельном случае ближайшего начальства» [4]. Такие обязательства по требованию министерства народного просвещения, как указывалось выше, впервые в феврале 1887 года подписали студенты всей страны. Новички, поступавшие в августе этого года, должны были дать такую подписку сразу же после зачисления их в высшее учебное заведение, то есть *примерно за неделю до начала занятий*. Так поступили и одноклассники Владимира Ульянова, принятые в Казанский университет в 1887 году.

Однако Владимир Ильич, *единственный из своего выпуска*, подписал «Обязательство» 2 сентября — *на девятый день после начала занятий!* Невероятно, чтобы делопроизводитель канцелярии инспекции, оформлявший личные дела, забыл потребовать именно у Владимира Ульянова и только у него одного столь важную подписку, без

которой абитуриент даже не считался настоящим студентом. Но если все-таки канцелярист и забыл, то какое удовлетворение испытывал Владимир Ильич, что случайно на какое-то время не был связан ненавистным для большинства студентов «Обязательством». Однако в любом случае инспектор студентов действительный статский советник Н. Г. Потапов мог расценить этот неприятный для своей службы инцидент как страстное нежелание Владимира Ульянова давать обещание не вступать в какие-либо «сообщества»: ведь каждый абитуриент знал, что обязан дать подписку, и если бы ему даже забыли вручить бланк, то он сам должен был напомнить об исполнении этой формальности.

С учетом этих обстоятельств можно предположить, что Владимир Ильич по каким-то причинам не посещал университет до 2 сентября, а как только явился на занятия, то ему и вручили «Обязательство».

Подписывая этот злополучный документ, Владимир Ильич, как и его товарищи, знал, что общестуденческий суд специальным постановлением освобождал молодежь от выполнения вынужденно данного обещания. Да, впрочем, это и не могло остановить молодого Ульянова, который чуть ли не в тот же день стал членом симбирского землячества, объединявшего в Казани студентов университета, ветеринарного института, а также слушательниц повивального института и земских акушерских курсов.

Членство в землячестве грозило неприятностями любому. Но в состав его входили студенты разных убеждений и с разными целями. Поэтому власти по-разному и карали за нарушение «Обязательства». Белоподкладочники — так называли сынков из богатых и родовитых семей (носивших на балах фраки на белой подкладке), участие которых сводилось в землячестве только к уплате членских взносов, или бедняки, вступившие в него из-за материальных соображений, могли отделаться выговором или арестом в карцере. К таким студентам инспекция и жан-

дармы зачастую относились даже лояльно, втайне надеясь, что из этой среды со временем найдется доносчик, а то и провокатор.

Передовая же разночинная молодежь, составлявшая основу землячеств, по верному замечанию одного из чиновников, рассматривала эти объединения как «первоначальную школу для образования революционных деятелей». Министр внутренних дел Д. А. Толстой писал в секретном докладе: «...землячества, ничем не отличаясь по своей организации от тайных обществ, представляют среду, в которую весьма легко проникают революционеры и пользуются ими как для пополнения своих рядов, так и для различных революционных предприятий» [5].

Владимир Ильич мог бы подтвердить всю «обоснованность» вывода министра. Землячество он воспринимал как своего рода первичную ячейку революционного подполья. И поэтому сразу же вступил в него, хотя понимал, что, будучи братом казненного революционера, он находится на особой примете «недреманного ока» жандармерии, полиции, университетской инспекции и верноподданных студентов.

Само собой разумеется, что в условиях жесточайших гонений членство и работа в землячествах не документировались. Только библиотекарь и кассир, да и то одним им известными шифрами, вели учет приема и выдачи литературы, взносов и ссуд.

В начале учебного года, судя по архивным документам, землячества ничем особенным себя не проявили. Но с приближением 5 ноября — дня основания Казанского университета, который обычно отмечался торжественными верноподданническими актами, — деятельность их значительно активизировалась. В прошлом году студенчество бойкотировало этот акт, и, чтобы как-то провести его, администрации пришлось с помощью полиции нагнать в зал молодых типографских рабочих и мелких чиновников, тогда как студенты в это время отмечали годовщину своего университета в портерных (пивных).

Учитывая этот печальный опыт, попечитель учебного округа 29 октября направил инспектору Н. Потапову предписание, облеченное в форму вопросов: «...полагаете ли Вы полезным и нужным потребовать от студентов обязательной явки в этот день (5 ноября. — *Ж. Т.*) в Университет, предупредив их, что за неявку они будут подвергнуты взысканию, и не находите ли Вы полезным, чтобы мною было обращено внимание городской полиции, дабы в нынешнем году не повторялись случаи, подобные прошлогодним уличным пьяным беспорядкам?» [6]

Потапов признал эти предупредительные меры «полезными», но они оказались тщетными: большинство студентов, в том числе и Владимир Ульянов, бойкотировали официальное празднование, и снова «торжественный акт Казанского университета блистал отсутствием студентов» [7]. Как и в прошлом году, студенты отметили годовщину сами, устроив вечера в портерных и на частных квартирах. Успеху бойкота способствовали гектографированные обращения к студентам, а также устные призывы активистов землячеств к сокурсникам. Среди зачинщиков, которые подстрекали товарищей не идти на акт в университет, дабы тем показать «несочувствие студенчества к новому университетскому уставу», блюстителям порядка удалось взять на заметку Иосифа Зегржду и Сергея Полянского — близких знакомых Владимира Ульянова [8].

В целом же 5 ноября прошло более спокойно, чем в 1886 году. Тогда во время акта студенты толпами ходили по улицам, шумели в портерных, выбили окна в квартире ненавистного профессора, а в завершение несколько студентов взобрались на дом редакции «Волжского вестника» и, размахивая красным шарфом, как знаменем, кричали «Vivat democratia!» [9]. На этот раз и бойкот был не столь дружным, и шествий на улицах не было, и окон не выбивали.

Власти расценили сравнительное благополучие в 1887 году как следствие предпринятых ими мер пред-

осторожности против «беспорядков». Но руководство демократического студенчества с учетом репрессий весной и летом 1887 года, ослабивших на время их ряды, имело все основания считать бойкот акта как более или менее удачную репетицию нового крупного выступления. Как бы то ни было, а после 5 ноября деятельность землячеств и различных кружков значительно активизировалась, что отразилось на посещаемости лекций. Заслуживают внимания в связи с этим фискальные записи университетской испекции, свидетельствующие о том, что именно в этом месяце Владимир Ульянов редко бывал на занятиях: присутствовал 3, 4, 10, 11, 18, 23, 25 и 26 ноября, то есть только восемь дней [10].

Зато как никогда в это время участились собрания землячеств, особенно симбирского. Немало внимания на них было уделено обсуждению возмутительного поведения студента-юриста 4-го курса Константина Милонова, который вопреки постановлению большинства все-таки присутствовал 5 ноября на университетском акте. Во время разбирательств выяснились и факты настоящего предательства К. Милонова: в прошлом году он донес инспектору Н. Потапову о существовании в университете представительных студенческих организаций вообще и симбирского землячества в частности. Доносчик не только опозорил безнравственными поступками имя казанского студента, а кроме того, «против желания товарищей, но с разрешения инспектора получил ссуды из присланных симбирским обществом денег для нуждающихся студентов-симбирцев».

Нашлась группа земляков, которая однажды ночью пришла к Милонову, чтобы избить его, но он не открыл двери. Большинство же было против физической расправы и порешило на том, что Милонова надо судить студенческим судом, а приговор затем размножить на гектографе. Листовка с приговором призывала не допускать Милонова «ни в какую студенческую организацию», а знакомство с ним расценивать как предосудительное.

Юристы 4-го курса одобрили приговор студенческого суда и добились от Милонова обещания, что он «оставит немедленно Казанский университет» [11].

В конце ноября в почтовых ящиках Казани вместе с приговором суда по делу Милонова стали появляться листовки, говоря словами губернатора, со стихами «возмутительного содержания под названием «Ода русскому царю». Но студенты познакомились с одой несколькими днями раньше. Это видно из донесения попечителя учебного округа в Петербург: «...До меня дошло вполне достоверное сведение, что на негласном вечере, устроенном студентами, соединенного с ученицами повивального института и земских фельдшерских курсов, 22 ноября студент физико-математического факультета, разряда естественных наук Чириков прочитал публично стихи нецензурного характера, с крайне вредным направлением, признав себя при этом автором этого стихотворения, и что это стихотворение в гектографированном виде разослано в большом количестве экземпляров по городской почте» [12].

Власти действительно имели все основания признать содержание этих стихов «возмутительным», а каждого, кто их распространяет, — политически «неблагонадежным» человеком. Ведь в «Оде» Александру III Е. Чириков, скрывавшийся в листовке под псевдонимом «верноподданный пиит», прежде всего непозволительно резко осудил деяния царя, направленные против образования и просвещения:

Воссел на трон, — и злу крамолу,
Ползущу к царскому престолу,
Ты грозно стал карать, казнить,
Стрелять, и вешать, и топить...
Ты понял, что источник бед
Таится с испокону лет
Под крышей пакостной науки,
Откуда дерзновенны руки
Трясут с главы твоей венец...
Один постиг ты, наконец,
Что книга — вот виновник зол,
Рассадник всяческих крамол!

И вот ты издал ряд указов,
Ряд циркуляров, ряд приказов,
Весь смысл которых в двух словах:
Стереть «науки храмы» в прах,
Что «яд тлетворный» к нам несут...

Затем в «Оде» высмеиваются реакционные контрреформы царя, призванные ликвидировать независимость суда, земское самоуправление и право женщин на получение высшего образования:

Ты лишь сказал: «Долой присяжных!
Долой с глаз наших. Глупа гласность,
В ней проку нет, одна опасность!..»
Ты указал на заблужденье —
Стремиться к самоуправленью...
О, наш хранитель, наш печальник,
Виват, виват, «земский начальник»!..
Ты всеобъемлющим умом
Печешься даже и о том,
Чтоб наши будущие жены
Умели сшить нам панталоны,
Чтобы не с книгой и пером
Они сидели перед нами,
А с кочергой иль со штанами!!!

В заключение «верноподданный пиит» в духе революционной сатиры призывает «Романов дом» кровью смыть «крамолы след»:

Стреляй и вешай нигилистов,
Социалистов, атеистов,
А тех, кто может дерзость сметь
Свое суждение иметь,
Гнои по тюрьмам и темницам,
По градам, весям и столицам!..
Томи в цепях, в Сибирь ссылай,
Терзай безжалостно, пытай!..
О царь! Врагам твоим кара:
Всем — петля, пуля — всем... Уррра!!! [13]

Если листовка с приговором по делу Милонова способствовала укреплению единства в рядах землячеств, то «Ода русскому царю» сыграла немаловажную роль в рос-

те антиправительственных настроений демократического студенчества. Сходки землячеств происходят все чаще и продолжительнее. Как удалось установить университетской инспекции, 29 ноября «был вечер, устроенный симбиряками, в доме Мулина, на Рыбнорядской улице; вечер продолжался с 10 часов вечера до 4-х часов утра; гостей было человек 70... В доме Мулина устроены маленькие квартиры, похожие на меблированные комнаты, и в этом доме живут некоторые из наших студентов» [14].

Получив об этом донесение, попечитель учебного округа уведомил начальника губернского жандармского управления, что, «по достоверным сведениям, доставленным... из вполне благонадежных источников, оказывается, что симбирское землячество, несмотря на принятые против таких землячеств меры, не только продолжает существовать, но в последнее время деятельность его заметно усилилась присоединением к нему студентов бывшего самарского землячества... Открытие главных деятелей по симбирско-самарскому землячеству было бы настоятельно необходимо для ослабления силы противозаконных организаций в среде студенчества» [15].

Как видим, попечитель рассматривал симбирско-самарское землячество как одно из самых боевых и влиятельных. Так оно и было на самом деле, особенно если учесть, что выходцы из некоторых губерний, не имея собственных землячеств, тоже фактически вливались в него. Например, пензяки братья Иосиф и Николай Згржды, сблизившиеся с Владимиром Ульяновым.

КРУЖОК «ВРЕДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ»

Владимира Ильича не могла удовлетворить ограниченная общественная деятельность только в рамках землячеств. И это естественно. Чутко подмечавший любую несправедливость, остро реагировавший на любое оскорбление личного достоинства, он весьма критически отно-

сился ко многим установленным порядкам, а под впечатлением казни брата, как подчеркивала Анна Ильинична, был «настроен особенно антиправительственно» [1].

Так уж случилось, что среди четырнадцати соучеников по гимназии, ставших в 1887 году студентами Казанского университета, не оказалось ни одного по-настоящему революционно настроенного. Поэтому Владимир Ильич, не прекращая общения с ними, сближается с С. Полянским и другими товарищами своего брата — руководителями землячества и вместе с тем членами строго законспирированного революционного кружка. «В свое время кружки были необходимы и сыграли положительную роль, — объяснял Владимир Ильич впоследствии подобный шаг. — В самодержавной стране вообще, — в тех условиях, которые созданы были всей историей *русского* революционного движения в особенности, социалистическая рабочая партия *не могла* развиться иначе, как из кружков. Кружки, т. е. тесные, замкнутые, почти всегда на личной дружбе основанные, сплочения очень малого числа лиц, были необходимым этапом развития социализма и рабочего движения в России» [2].

В Казани той осенью кружок составился из студентов университета и ветеринарного института, а также нескольких юношей и девушек, исключенных за политическую «неблагонадежность» из учебных заведений столиц, других городов и временно осевших здесь. Охранка пристально наблюдала за приезжими «красными» и сам факт общения с ними местного студента расценивала уже как подозрительное поведение.

Видную роль в создании казанского кружка сыграли высланные из Петербурга за активное участие в нашумевшей по всей стране Добролюбовской демонстрации 17 ноября 1886 года Софья Галкина, Феодосия Вандакурова, Людмила Малова, Людмила Баль, Анна Амбарова и Юлия Белова. Последние две девушки, кроме того, были членами созданного в столице П. В. Точисским социал-демократического «Товарищества санкт-петербургских ма-

стеровых» и имели уже определенный опыт подпольной работы и пропаганды марксистских идей.

Бывшим бестужевкам в Казани учиться было негде, а вот Л. Баль и Ю. Белова устроились на учебу в повивальном институте при университете. Здесь они, между прочим, близко сошлись с уроженками Симбирска сестрами Верой и Надеждой Черненковыми, уже привлекавшимися к ответственности по политическим делам. В числе близких знакомых Баль и Беловой были также выпускник университета Валериан Калинин — приятель казненного вместе с А. Ульяновым В. Осипанова — и Ольга Сахарова — подруга С. Перовской.

Столичные курсистки искусно конспирировали, и, как ни старались казанские жандармы, они не смогли уличить их в противоправительственной деятельности. Лишь год спустя, на основании показаний других обвиняемых, следователи пришли к выводу, что эти девушки в 1887—1888 годах чуть ли не постоянно группировали «вокруг себя учащуюся молодежь, которую и развивали в противоправительственном направлении различными способами, начиная с совместных чтений сначала тенденциозных, а затем и прямо революционных изданий. Причем Амбарова, Вандакурова, Белова и Баль для более удобного осуществления своих планов примкнули к землячествам, которые доставили им уже организованные кружки, вполне готовые к восприятию противоправительственных учений...» [3].

Весной 1887 года часть участников Добролюбовской демонстрации была выслана и из Казани, но оставшиеся здесь Амбарова, Белова и Баль с осени того же года принимали активное участие в деятельности симбирско-самарского землячества. Оно привлекло их не только потому, что было самым боевым. Немаловажное значение имело и знакомство в Петербурге с Александром и Анной Ульяновыми, другими членами симбирского землячества — Кронидом Малиновским, Владимиром Бурлаковым. Те, в свою очередь, и рекомендовали высылаемым

в Казань бестужевкам своих одноклассников по Симбирску Сергея Полянского, Сергея Ферафонтова, Алексея Орловского. На собраниях симбирско-самарского землячества Амбарова, Белова и Баль встречались с Владимиром Ильичем [4] и, очевидно, способствовали его сближению уже с революционным кружком, во главе которого находились студенты ветеринарного института Александр Скворцов, Николай Мотовилов и Константин Выгорницкий.

31 августа в Казань приехал Лазарь Богораз, исключенный из Таганрогской гимназии «за хранение книг, изъятых из обращения, и прикосновенность к делу о народовольческой типографии». Поступить в ветеринарный институт, где учился его приятель по Таганрогу А. Скворцов, Богораз не смог, но он все же остался в Казани и стал членом революционного кружка, который жандармы окрестили кружком «вредного направления». Собирались кружковцы у Богораза и Скворцова, снимавших жилье в доме Агеева по Собачьему переулку.

Жандармы сразу приметили эти собрания. Их интерес к кружку еще больше возрос, когда было обнаружено «деятельное сношение» Владимира Ульянова с Л. Богоразом, а также знакомство с другими членами кружка — студентами Иваном Воскресенским, Константином Выгорницким, Дмитрием Матвеевым, Пантелеймоном Дахно и Сергеем Полянским [5]. Из донесения начальника губернского жандармского управления в департамент полиции видно, что его тревожил уже сам состав «кружка вредного направления»: «Брат Натана Богораза *, исключенный из Таганрогской гимназии Лазарь Богораз (по крещении Сергей Губкин), брат казненного Александра Ульянова студент Казанского университета Владимир Ульянов, студент Казанского ветеринарного института Константин Выгорницкий (близкий знакомый казненного Андреюшки-

* Натан Богораз, он же В. Г. Богораз-Тан, стал впоследствии известным советским этнографом, фольклористом, лингвистом и писателем.

на), Александр Скворцов, Иван Воскресенский и другие. Кружок этот при посредстве студента С.-Петербургского университета уроженца г. Таганрога Василия Зелененко поддерживал сношения с петербургскими кружками противоправительственного направления»[6].

Опасения охранки на этот счет можно понять. В самом деле, имя народовольца Натана Богораза, брат которого теперь состоял под негласным надзором, было многим известно. С 1886 года он был заключен в Петропавловскую крепость. Друг кружковца Выгорницкого Пахомий Андреюшкин был повешен вместе с Александром Ульяновым за покушение на царя Александра III. Знал казненных Зелененко.

Одним из авторитетнейших руководителей кружка «вредного направления» был Николай Мотовилов — студент третьего курса ветеринарного института, пожалуй, наиболее политически подготовленный юноша Казани. Не случайно именно к Мотовилову с просьбой составить программу изучения рабочего и крестьянского вопросов обратился осенью 1887 года Николай Федосеев[7].

Считается, что в кружок входили Николай Подбельский (брат Папия Подбельского, влепившего в 1881 году пощечину министру народного просвещения А. А. Сабурову на торжественном акте Петербургского университета), Иосиф и Николай Зегржды, другие универсанты. Но определить весь состав кружка невозможно. Членство в нем не оформлялось какими-либо документами. В отличие от землячеств здесь не избирались руководители, не производился сбор членских взносов, не составлялась общая библиотека. Это был не столько «кружок», сколько группа молодых людей, встречавшихся для обмена мнениями по злободневным вопросам общественной жизни, новинками запрещенной и революционной литературы, обсуждения способов противодействия реакции. Важно отметить, что, несмотря на близость многих из них с народовольцами, они все-таки больше тяготели к теоретической работе по овладению марксизмом.

Но без преувеличения можно сказать, что в октябре — ноябре Н. Мотовилова, А. Скворцова, К. Выгорницкого, С. Полянского, Е. Чирикова и Владимира Ульянова, как и других лидеров студенчества, больше всего занимало нарастающее движение учащейся молодежи страны против нового устава и преследований любых проявлений свободомыслия и попыток отстаивания общедемократических прав.

Своего рода детонатором для резкого усиления брожения среди учащейся молодежи Казани стали студенческие волнения, вспыхнувшие 22 ноября в Москве. В этот день студент-юрист Александр Синявский дал пощечину ненавистному инспектору университета А. А. Брызгалову, когда тот входил в концертный зал Дома московского дворянского собрания. Синявский был схвачен и заключен под стражу. В ответ на арест товарища 23 и 24 ноября произошли бурные сходки у старого здания университета на Моховой улице. Последовали аресты «зачинщиков беспорядков», а 25 и 26 ноября в сходках приняло участие уже по 300—400 студентов. В знак солидарности с пострадавшими товарищами юноши стали сдавать инспекции свои входные билеты. 26-го числа полиция окружила толпу студентов и оттеснила из Нарышкинского сквера на Страстной бульвар, закрыв все выходы из него. Здесь-то, в ловушке, полицейские и казаки устроили зверское избиение студентов, получившее название «страстного побоища». Ответом на карательные меры властей стали массовые сходки 27 и 28 ноября в актовом зале и всех аудиториях университета, а 30 ноября повелением царя он был закрыт. Начались массовые репрессии против участников волнений [8]. Ходили слухи, что во время «страстного побоища» двое студентов были убиты.

Власти старались скрыть правду о событиях, происшедших в первопрестольной столице, но известия о них довольно быстро дошли до всех университетских городов. 28 ноября «Русские ведомости» и другие московские газеты сообщили, что «инспектор студентов московского

университета г. Брызгалов подал рапорт о болезни». Но передовая общественность знала нечто большее. Так, М. Е. Салтыков-Щедрин в письме от 30 ноября из Петербурга к своему знакомому писал: «На прошлой неделе инспектору студентов Московского университета на студенческом балу дали две плюхи. Дал студент от имени университета, и, как слышно, по жребию. Назначен военный суд, но исход его покамест неизвестен. Опасаются, чтоб и здесь не вышло какой истории» [9].

Активисты московского студенчества, стремясь привлечь внимание к своей борьбе и всколыхнуть учащуюся молодежь других городов, рассылали письма знакомым с изложением истинного хода событий. 28 ноября студент Казанского университета (член симбирско-самарского землячества) А. Шаровский получил такое послание с подробным описанием расправы на Страстном бульваре от приятеля — студента Московского университета М. Кроткова. Пространные выдержки из него тут же пошли по рукам, вызывая негодование многих студентов. Руководители землячеств с нетерпением ожидали прибытия из Москвы очевидцев событий.

Правительство боялось этих контактов, и 28 ноября министерство внутренних дел по телеграфу предложило казанскому губернатору «следить за прибытием московских студентов и немедленно при появлении высылать их из города» [10]. В этот же день попечитель учебного округа П. Н. Масленников, руководствуясь требованием министра просвещения «в случае беспорядков действовать без послабления», предложил ректору и инспектору университета, а также директору ветеринарного института усилить надзор за студентами как в зданиях учебных заведений, так и вне их. Одновременно попечитель округа обратился к казанскому губернатору с просьбой о содействии полиции в слежке за учащимися в городе.

Разумеется, что в такой напряженной обстановке, когда, по убеждению губернского жандармского управления, возникновение студенческих беспорядков «возможно ожи-

дать со дня на день», был поднят на ноги весь наличный состав полиции и жандармерии. Особо энергично разыскивались члены студенческого суда — составители приговора Милонову, автор «Оды русскому царю» и обладатели аппаратов для гектографирования.

Резко усилилась слежка за студентами, вольнослушателями и слушательницами акушерских курсов со стороны университетской инспекции. Глава ее — Н. Потапов 30 ноября приказал своим помощникам и служителям ежедневно докладывать ему обо всем, что покажется подозрительным в поведении молодежи. Особо бдительно обязал Потапов следить за шинельною и курильною, 4, 7, 10 и 12-й аудиториями, анатомическим театром, физиологическим и физическим кабинетами, химической лабораторией [11].

Но ничто уже не могло остановить надвигающихся бурных событий. 1 декабря в Казань прибыли представители московского студенчества. В связи с этим в доме Воротникова на Нижне-Федоровской улице состоялось тайное совещание депутатов землячеств, на котором в качестве представителя симбирян и самарцев присутствовал Владимир Ильич. Совещание, заслушав сообщение москвичей и письмо, адресованное казанскому студенчеству, назначило на 4 декабря сходку-демонстрацию. Были обсуждены обращение «Ко всем казанским студентам» и петиция, которую нужно было вручить ректору на сходке [12]. 2 декабря помощник инспектора нашел в одной из аудиторий юридического факультета гектографированную копию письма московских студентов с призывом продемонстрировать свою солидарность с их выступлением. Власти заподозрили, что распространение этих листовок — дело рук «самых вредных» членов симбирско-самарского землячества: Иосифа Португалова, сына ссыльного самарского врача, и симбирянина Сергея Полянского. В ночь со 2-го на 3-е жандармы произвели обыск в квартире И. Португалова и нашли «гектограф и набранные листы вышедшего гектографированного приговора (по де-

лу К. Милонова. — *Ж. Т.*), а также письмо его сестры с поздравлением по случаю выбора его в студенческие судьи...». На следующий же день он был исключен из университета. С. Полянский на этот раз уцелел: когда жандармы нагрянули на указанную в адресной книжке университета квартиру, оказалось, что он там не живет.

Руководители студенчества понимали, что медлить нельзя ни одного дня. 3 декабря состоялось заседание «общего студенческого суда», на котором и «были установлены все подробности» назначенной на завтра сходки-демонстрации студентов университета и ветеринарного института. Здесь же окончательно были отредактированы тексты обращений к студенчеству.

В одном из них подчеркивалась главная причина предстоящего выступления: «При первом известии о жестокой расправе над московскими студентами движение охватило массу учащихся по всей России без всякого предварительного соглашения, а единственно в силу общности гнетущих условий, созданных правительством. Московская история была только толчком к назревшему уже везде движению».

Вторая, тоже гектографированная листовка гласила:

«Товарищи!

Тяжким бременем лег новый университетский устав. Вас, питомцев дорогой Alma mater, вас, представителей молодой интеллигентной мысли, он отдал во власть шпионствующей инспекции, он сузил и низвел «на нет» значение профессорской коллегии, сделал из них учителей-чиновников, он ограничил доступ в университеты сыновьям бедных отцов, увеличив взнос за право слушания лекций, установил тяжелые условия при получении стипендии и т. д. Но это еще не все: циркуляр министерства народного просвещения от 18 июня 1887 года лишил юных братьев возможности получить даже гимназическое образование» [13]. Напомнив о недавней зверской расправе над студентами, авторы прокламации обратились к своим товарищам с призывом: «Неужели мы не вста-

нем на защиту попранных прав наших университетов, неужели мы не выразим нашего протеста пред разыгравшейся во всю ширь реакцией? Мы верим в казанское студенчество, и мы зовем его на открытый протест в стенах университета!» [14]

Этот страстный призыв нашел горячий отклик в сотнях молодых сердец. Владимир Ильич и его товарищи по кружку «вредного направления», составлявшие эти и другие прокламации, возглавили всю работу по подготовке уже назревшей сходки-демонстрации.

СХОДКА

Утро 4 декабря выдалось морозным, деревья стояли в мохнатом инее, лошади бегали по улицам седые, со снежными бородами, дым из труб поднимался багровыми столбами. Солнце сияло ярко, и снег сверкал бриллиантами.

Со всех сторон города к университету тянулись студенты. Некоторые уже познакомились с только что вышедшими номерами «Волжского вестника» и «Казанского биржевого листка», в которых наконец-то появилось правительственное сообщение о волнениях московских студентов. В нем говорилось, что «ввиду упорства собравшихся пришлось рассеять движением жандармов и полиции, причем, как оказалось по совершенно точным сведениям, никому не было нанесено увечий или тяжких повреждений». Правительство категорически опровергало и слух о «смерти двух студентов», участвовавших в сходке 26 ноября.

Казанская молодежь, информированная из первых уст о зверских насилиях над своими товарищами на Страстном бульваре, с понятным возмущением и недоверием отнеслась к этой официальной версии о безобидном «рассеивании» многолюдной толпы «движением жандармов и полиции». Вот почему утром 4 декабря в курильной университета типичной была сцена, описанная К. Алексее-

вым, как говорится, по горячим следам: «Я присоединился к одной из групп (студентов. — *Ж. Т.*) и из их разговоров узнал, что они толковали о напечатанном в этот день в «Волжском вестнике» официальном известии о беспорядках московских студентов, причем утверждалось, что все напечатанное — ложь и что правительство только маскирует дело. Затем появилось гектографированное воззвание к студентам, приглашающее их вступиться за свои права [1].

Многие из тех, кто пришел на занятия, еще не знали, когда именно состоится сходка: сегодня или 5 декабря. Прослушав первую лекцию, некоторые из студентов, у кого следующий час оказался свободным, сходили даже домой перекусить. Словом, все вели себя спокойно. Все, кроме лидеров землячеств. Один из них, Евгений Чириков, припоминая предшествующий сходке день, писал: «Я знаю, что дни мои сочтены, что с родным университетом будет покончено, что на днях придется или сесть в тюремное заведение, или выехать из города с почетным караулом и переселиться в какой-нибудь новый, неизвестный еще пока город, и вот, как больной перед смертью, я торопливо творю последнюю волю: продаю книги и лекции, которые больше не нужны, передаю уроки тем товарищам, которые решили уцелеть, укладываю в потертый чемоданчик несколько любимых книг, небольшой запас белья, восьмушку чаю и два фунта сахару, фотографические карточки писателей и родных...» [2]

Мы не знаем, с какими чувствами пришел Владимир Ильич в университет 4 декабря. Однако несомненно, что он не менее отчетливо, чем знакомый ему Е. Чириков, представлял ту кару, которая ожидает его после активного участия в намеченной сходке. Пожалуй, у него было даже больше оснований опасаться за свою судьбу и свою будущность. Если 23-летний Чириков занимался уже на последнем, четвертом курсе, пользовался известностью как поэт и публицист, был сравнительно материально обеспеченным и вполне самостоятельным человеком, то

Владимир Ильич в свои 17 лет, после трех с небольшим месяцев учения в университете, еще не приобрел никакой специальности, на нем, как на старшем мужчине в большой семье, лежала ответственность за будущее сестер и брата. Но главное, что его больше всего тревожило, это то, что суровые наказания, которые неминуемо посыплются на него за участие в сходке, нанесут новые травмы сердцу матери, еще не оправившейся от горя после потери Саши... Но не выступить вместе с товарищами он не мог. Так поступал и старший брат и на первом же свидании с матерью в Петропавловской крепости, прося прощения за причиненные ей страдания, пояснял, что у него есть долг не только перед семьей — каждый честный человек должен бороться против бесправного, задавленного положения родины.

Общестуденческий суд, взявший на себя, по выражению одного из его приверженцев, «диктаторскую власть» при разработке плана сходки, безусловно, учитывал особое семейное положение Владимира Ульянова и по возможности оберегал его от штатных и добровольных служителей сыска. Да и сам Владимир Ильич старался как можно искуснее конспирировать. И как ни усердствовала университетская инспекция, результаты своих наблюдений она выразила лишь в двух фразах. В первой из них указывалось, что он в «кратковременное свое пребывание в университете обратил на себя внимание своею скрытостью, невнимательностью и даже невежливостью» [3]. Такое поведение студента уже считалось очень подозрительным, ибо непочтительность со старшими или низшими исполнителями приказаний начальства и скрытность «бывают обыкновенно признаками начинающегося влияния противоправительственной агитации» [4].

О более «крамольном» поведении Владимира Ульянова говорила вторая запись: «Еще дня за два до сходки подал повод подозревать его в подготовлении чего-то нехорошего: проводил время в курильной комнате, беседуя с Згрждой, Ладыгиным и др., уходил домой и снова воз-

вращался, принося по просьбе других что-то с собой и вообще о чем-то шушукаясь» [5].

Это «что-то», неоднократно приносимое Владимиром Ильичем накануне бурных событий из дома в университет, могло быть и приговором предателю Милонову, и письмом московских студентов, и проектом петиции, которую предполагалось вручить ректору на сходке. А секретные разговоры, конечно, удобнее всего было вести в курилке. То, казалось бы, немногое, что все-таки удалось зафиксировать инспекции, говорило об активном участии Владимира Ульянова в подготовке выступления студентов. Видимо, этим можно объяснить и редкое посещение им учебных занятий накануне сходки. Вряд ли было также случайным для Владимира Ульянова, что в числе безымянных «других» студентов, с которыми он «шушукался» в курительной комнате, служителем инспекции особо выделены фамилии Зегржды и Ладыгина. Независимо от того, кто из братьев имелся в виду — Иосиф или Николай Зегржда, оба они, как выяснилось, активно участвовали в подготовке выступления. Видную роль сыграет в ней и выпускник Уфимской гимназии, второкурсник медицинского факультета Василий Ладыгин [6].

Университетское начальство и городские власти имели все основания полагать, что участившиеся тайные собрания землячеств, появление гектографированных воззваний и «таинственное шушуканье» студентов сомнительной политической «благонадежности» — все это предвестники надвигающихся «беспорядков». Более того, утром 4 декабря однокурсник К. Милонова — тоже бывший член симбирского землячества — Павел Ферлюдин подал инспектору Потапову донос, в котором панически писал: «Желая предотвратить зло, могущее возникнуть от предполагаемого восстания студентов университета и ветеринарного института, я решился известить вас, что сегодня, или завтра, или вообще на этих днях студенты договорились устроить общую сходку в университете не очень миролюбивого характера...» [7]

Донос не остался без внимания. По указанию губернатора и командующего войсками Казанского военного округа на площадях и наиболее людных перекрестках были выставлены усиленные полицейские посты. Одна из рот 7-го пехотного Ревельского полка была готова по первому же требованию разместиться в городском полицейском управлении, невдалеке от университета. Инспектор Потапов даже писарей своей канцелярии привлек для переписывания наиболее подозрительных студентов. И все-таки сходка началась для Потапова неожиданным образом.

В начале двенадцатого группа студентов пришла из курильной в вестибюль главного здания. Студент И. Португалов, который накануне был исключен из университета, с возмущением говорил собравшимся о начавшейся и в Казани волне массовых репрессий. Постепенно толпа росла, и, когда собралось человек 80, по призыву Чирикова: «На сходку» все двинулись к актовому залу. Некоторые студенты отделялись от толпы, забегали в аудитории и, не стесняясь присутствия профессоров, кричали: «На сходку, на сходку!» Услышав шум, инспектор Потапов вышел из своей канцелярии и грубо потребовал от собравшихся разойтись. Но под напором студентов, давно его ненавидевших, инспектор был вынужден отступить в свою канцелярию [8].

Между тем основная масса крайне возбужденной молодежи устремилась по широкой парадной лестнице наверх. Попечитель учебного округа впоследствии доносил министру народного просвещения, что Владимир Ульянов «бросился в актовый зал в *первой партии* и вместе с Полянским *первыми* неслись с криком по коридору 2-го этажа, махая руками, как бы желая этим воодушевить других...» [9] Один из этой «первой партии» кричал: «Ура!», «Ректора!» Другой выкрикивал: «Долой инспекцию!» Третий призывал студентов: «Братцы, постоим за правое дело, за дело товарищества!» [10] Воодушевленные примером Владимира Ульянова и Сергея Полянского, в первой

партии с ними бежали члены симбирско-самарского землячества и вожаки других землячеств: Евгений Чириков, Дмитрий Матвеев, Алексей Тургеневский-Захаров, Леонид Троицкий, Алексей Орловский, Гавриил Танаевский, Иван Альмендингер, Леонид Туманов...

Однако попасть в актовый зал, где в 12 часов должен был читать лекцию по римскому праву ректор университета профессор Н. А. Кремлев, студенты не смогли, так как двери были заперты на замок. Тогда они сбежали на первый этаж и через нижний коридор поднялись к актовому залу с противоположной стороны, но и тут оказались перед закрытыми дверями. Это не смутило. Студенты дружно навалились, и двери распахнулись под их напором.

По плану руководителей сходки вслед за «первой партией» в актовый зал должна была направиться толпа студентов из старой университетской клиники. Но она на несколько минут задержалась, и в огромном пустом зале небольшая кучка протестантов чувствовала себя не очень-то уверенно. Кое у кого мелькнула мысль, что дело проиграно. «Но смущение продолжалось один миг», — писал впоследствии профессор Н. Н. Фирсов, который в 1887 году был студентом университета.

Активный участник событий Евгений Чириков описывает их так: «Толпа полилась в высокий пустынный зал, сразу оживший и потерявший научную серьезность... В каком-то экстазе я вскарабкался на кафедру и закричал, потрясая кулаками:

— Товарищи! Поклянемся, что мы все, как один человек, будем отстаивать наши требования, не предадим друг друга и, если будет нужно, принесем себя в жертву царящему произволу!

Дружный взрыв криков: «клянемся!», поднятые к небу руки, какой-то вопль жаждущей подвига молодости. Затем выборы председателя сходки и торжественная тишина открывшегося заседания. Прочитаны и единогласно одобрены: обращения «к правительству», «к обществу», двенадцать пунктов «наших требований», в которых упо-

минались и кухаркины дети, а затем — речи с разных пунктов огромного зала: с кафедры, со стульев, с подоконников» [11].

В каком-то из этих «пунктов» со свойственным ему задором говорил и Владимир Ильич. Служители инспекции подглядывали за сходкой в щелки дверей и, к счастью, не могли подслушать речи ораторов. Из современников, находившихся рядом с Владимиром Ильичем, только Н. Алексеев оставил воспоминания о его страстной и горячей речи, в которой говорилось «о царском гнете, о несправедливости суда и о необходимости протеста студентов всех университетов против установленного режима» [12].

Вскоре явился Потапов, высокий плотный бородач, в сопровождении своего помощника Войцеховича и нескольких педелей. Взойдя на кафедру, инспектор угрожающе обратился к собравшимся с требованием разойтись, а когда ему заявили, что не разойдутся и начали читать петицию, Потапов вспылил и зычным голосом закричал: «Требую разойтись, негодяи, или я принужден буду вызвать полицию, воинскую часть и применить силу!»

После этой грубой и оскорбительной фразы студенты тут же устремились к кафедре и, взявшись за руки, оттеснили с нее ненавистного инспектора и замкнули его в кольце. В наэлектризованной обстановке одни кричали: «Вон, вон!», другие — «Бей его, бей!» Во время начавшейся сумятицы сокурсник Владимира Ульянова по юридическому факультету Константин Алексеев дал Потапову звонкую пощечину. «Затем, говорят, — писал бывший попечитель учебного округа П. Д. Шестаков, — была чистая свалка: несколько человек бросились на инспектора, ему нанесли несколько ударов, но кто бил — этого ни инспектор, ни свидетели не знают. Помощник инспектора Войцехович, у которого, как и у других, позеленело в глазах, только одно заметил — летящее тяжелое кресло, которое он успел подхватить рукою, рука была разрезана... Педелям и служителям тоже порядком досталось. Инспек-

тор благодаря своей крепкой натуре успел выбраться» [13].

В общем-то вопрос о возможном «оскорблении действием» Потапова кем-нибудь из студентов обсуждался на депутатском совещании 3 декабря, и большинство тогда сошлось на том, что если кто-то не удержится и посягнет на физиономию ненавистного инспектора, то порицания ему не выносить. Теперь, когда действие совершилось, всякое могло последовать... Некоторые из слабохарактерных студентов, испугавшись, что инспектор может вскоре возвратиться с полицией или солдатами, стали выбегать из зала. Тогда соученик Владимира Ильича по гимназии и сокурсник по юридическому факультету Константин Глядков стал кричать: «Куда вы? Назад, идем в зал», и часть из них вернулась.

Вести о бурной сходке быстро распространились по городу. По приказу командующего войсками Казанского военного округа к зданию университета прибыли рота солдат и новые наряды полиции. Напротив главного входа собралась большая, до трехсот человек, толпа из студентов и простого народа. Распахнув окно в актовом зале, студент Николай Алексеев, обращаясь к собравшимся на улице, закричал: «Ура! Наша взяла!» [14] Но радость была преждевременной: еще не подошли студенты ветеринарного института, появились сомнения в том, придут ли на сходку студенты духовной академии. Значительная часть универсантов находилась на нижнем этаже, так как их не пропускали в актовый зал. А главное — не было еще ректора и наиболее уважаемых профессоров, которых студенты о сходке оповестили заранее.

Но вот наконец появился крайне взволнованный ректор, действительный статский советник Николай Александрович Кремлев. Это был толковый преподаватель и либеральный профессор, недолюбливавший инспектора Потапова за внедрявшуюся им в университете систему сыска и преследования студентов. За свою жизнь Кремлев оказался свидетелем не одной сходки в стенах Казанского университета, и, стремясь предотвратить вторжение

войск, он взошел на кафедру с искренним желанием утихомирить разбушевавшуюся молодежь. Зал постепенно утих, а затем кто-то попросил ректора разрешить подняться сюда участникам сходки на нижнем этаже.

Ректору было даже удобнее собрать всех в одном месте и, так как никого из служителей в зале не было, он сам спустился вниз и пригласил студентов. Вскоре, узнав об этих действиях ректора, сюда стали подходить и студенты. Владимиру Ильичу, как и другим прорвавшимся в актовый зал членам «первой партии», конечно же, стало легче на душе: теперь на сходке находилось около четверти всех студентов.

Перед кафедрой, на которую опять взошел Кремлев, образовался большой полукруг. Один из юношей попросил ректора выслушать их и принять петицию. «Я заранее знаю, — сказал им ректор, — чего студенты желают. Вы желаете, конечно, права сходок, студенческого суда, студенческой кассы, библиотеки, кухмистерской и проч.». В ответ послышалось: «Нет, в нашей петиции есть и другое кое-что, взгляните» [15].

Н. А. Кремлев взял гектографированный листок, текст которого в целях конспирации был написан измененным почерком «печатными» буквами, и стал читать:

«Собрало нас сюда не что иное, как сознание невозможности всех условий, в которые поставлена русская жизнь вообще и студенческая в частности, а также желание обратить внимание общества на эти условия и представить правительству наши следующие требования. Мы пришли к заключению, что:

I. Реформы наивозможно ближайшего будущего по отношению к университетам должны быть следующие:

а) для всех российских университетов устав должен быть один и тот же;

б) университетом должна заведовать коллегия студентов * совершенно самостоятельно;

* Очевидно, переписчик допустил ошибку, заменив слово «профессоров» на «студентов».

в) никакого контроля со стороны университета над частной жизнью студентов не должно быть;

г) студентам должно быть предоставлено право сходок для обсуждения дел, касающихся студенчества, а также право коллективной подачи петиций;

д) право иметь свои библиотеки, читальни, кассы взаимопомощи, кухмистерские и управлять ими через своих выборных;

е) должен быть гласный студенческий суд, решения которого профессорская коллегия не может игнорировать;

ж) студенты получают право распределять стипендии и пособия по усмотрению выборных от студентов лиц.

II. Уничтожение сословности и всякого рода препятствий, затрудняющих доступ в учебные заведения (например, высокая плата, форма и тому подобное).

III. Справедливость требует, чтобы все наши товарищи всех университетов, исключенные за студенческие волнения, были приняты вновь.

IV. Для удовлетворения возмущенного нашего и общественного мнения необходимо, чтобы были наказаны те лица, по приказанию или недосмотру которых были совершены в 20-х числах прошедшего месяца зверские насилия над нашими товарищами московскими студентами и даже убийства, официально скрываемые.

Казанские студенты» [16].

Петиция, как видим, выражала не только академические, но и общедемократические требования. Поэтому ректор, как только прочитал слова о том, что студентов собрало на сходку сознание «невозможности русской жизни вообще», стал пространно объяснять собравшимся в актовом зале, что «каждый может по закону просить за себя лично, а за других только по уполномочию», что студентов должны занимать только научные интересы, что «насильственными способами» они «ничего хорошего не добьются». Воспользовавшись паузой в увещевательном слове Кремлева, один из студентов задал вопрос: «А вот,

ваше превосходительство, летом исключены у нас 15 человек, позвольте же спросить — за что?» Ректор смущенно ответил, что причина исключения ему неизвестна. «В порядке ли это, — продолжал студент Ш., — что начальнику университета, ректору, неизвестно, за что исключают студентов?» [17]

Постепенно студенты перешли от вопросов к выступлениям. Кремлев устал слушать стоя, присел на стул и на некоторое время сделался слушателем, лишь изредка ограничиваясь репликами. Когда же, доказывая необходимость открытой борьбы за гражданские права, кто-то привел в пример Болгарию, которая именно так добилась конституционного режима, Кремлев встал и, стараясь обернуть все в шутку, заметил: «Да вы уж в Болгарию заехали. Куда же, наконец, заберетесь вы? Пора разойтись» [18].

В эти же самые минуты согласно плану происходило и выступление студентов ветеринарного института. Около шестидесяти человек, во главе с Константином Выгорницким, Александром Скворцовым, Иваном Воскресенским и Николаем Мотовиловым, вручили директору института свою петицию. Проявляя солидарность с университетскими товарищами, ветеринары требовали отмены нового университетского устава, признания за студентами права устраивать «свои вспомогательные кассы, студенческие кухмистерские» и земляческие кружки [19].

Вручив директору петицию, ветеринары, возглавляемые Выгорницким, отправились в университет. У входа им дорогу преградила полиция, но они разметали ее и прорвались в актовый зал, где были встречены рукоплесканиями и братскими объятиями универсантов. Владимир Ильич с удовлетворением мог отметить, что и во главе ветеринаров находятся его товарищи по революционному кружку и землячеству. Студент-ветеринар Сергей Ферафонтов, известный жандармам как библиотекарь симбирского землячества, был признан ими «одним из главных подстрекателей к беспорядкам, происходившим ны-

не в высших учебных заведениях г. Казани»[20]. Деятельное участие в сходке принял Михаил Листов — соученик Владимира Ильича по 5—7-му классам гимназии, а с 1886 года — студент ветеринарного института[21]. Всего же на сходке Владимир Ильич мог насчитать 19 студентов-симбирян. В их числе были четыре товарища по выпуску 1887 года — юристы Константин Глядков и Владимир Разумов, медики Алексей Дардальонов и Федор Стратонов и еще один соученик по другим классам — Александр Старков *, в свое время вынужденный за «манкирование богослужения» перевестись из шестого класа Симбирской гимназии в Пензенскую. Теперь он был первокурсником медицинского факультета.

В разгар объединенной сходки в актовый зал вошла группа профессоров. Среди них были согласно жандармской оценке «наиболее выдающиеся по своим крайне либеральным убеждениям»: декан медицинского факультета А. Я. Щербаков, знаток чистой математики А. В. Васильев, известный геолог и палеонтолог А. А. Штукенберг. Затем, как ураган, влетел высокого роста и атлетического сложения, с большой, как говорили современники, «бакунинской головой и шевелюрой», кумир студентов В. В. Преображенский (кстати, симбирянин по рождению), профессор по кафедре механики, и прокричал студентам: «Некоторое время тому назад я представил начальству свое прошение об отставке... сегодня, наконец, отставка моя получена». Зал взорвался аплодисментами. «Заявление любимого профессора, — писал впоследствии Н. Н. Фирсов, — как нельзя лучше отвечало настроению сходки. Она вырабатывала именно такую форму протеста — добровольный выход из университета — и стремилась убедить большинство присоединиться к этому постановлению, предварительно состоявшемуся в земляческих собраниях»[22]. Профессора, как и ректор, произноси-

* Его брат В. В. Старков станет соратником В. И. Ленина по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса».

ли успокоительные речи, старались дать понять студентам, что их «не нужно смешивать с инспекциею, с которой они не имеют ничего общего», и уговаривали молодежь прекратить сходку, чтобы предотвратить применение властями силы в стенах университета.

Наступавшие сумерки напоминали о скором конце короткого декабрьского дня. Своей основной цели студенты добились: продемонстрировали солидарность с выступлениями учащейся молодежи Москвы, Харькова и Одессы, обратили внимание профессоров и казанского общества на невыносимое положение науки, просвещения и студенчества, осудили условия жизни в России. Уже около 4 часов дня, когда Кремлев, получивший письменный приказ от попечителя учебного округа немедленно очистить актовый зал с помощью полиции и солдат, снова предложил собравшимся разойтись, студенты объявили: «Так как ни ректор, ни профессора не дают нам надежды, что наши требования будут исполнены, то мы оставляем университет...» [23]

Комитет сходки предложил студентам в знак протеста возвратить свои входные билеты. Десятки рук с билетами, и в числе первых из них — Владимира Ульянова, потянулись к кафедре ректора. Профессор В. И. Разумовский, вспоминая эту тяжелую сцену, писал: «...Нам было жутко... Мы знали, что печальная судьба ожидает этих смелых протестантов» [24]. Их оказалось 99 человек. Остальные тоже обещали последовать их примеру.

Студенты опасались, что их перехватают, когда они будут уходить со сходки. Ректор, пообещав, что этого не случится, спустился вниз и распорядился, чтобы полиция пропустила молодежь через парадный вход и никого не задерживала. Городские власти не стали хватать участников сходки на глазах сотен людей, толпившихся у здания университета. Но Владимир Ильич, как и другие активные деятели землячеств, конечно, понимал, что расправа начнется в этот же день, и поэтому поспешил домой, что-

бы избавиться от возможно оставшихся писем и бумаг, которые могли кого-либо скомпрометировать. Предстояло и как-то подготовить недавно приехавшую из Кокушкина мать к предстоящим большим неприятностям...

АРЕСТ

Уход студентов из университета не стал концом волнений. Большие группы молодежи ходили по Воскресенской и прилегающим к ней улицам центра города. Особенно многолюдно было около здания университета и полицейского управления. По батальону солдат с боевыми патронами продолжало находиться в 1-й полицейской части и на Большой Лядской улице, напротив дома, где квартировал Масленников. Постоянные воинские караулы, пешие и конные наряды полиции несли дежурство и в других частях города. Характеризуя создавшееся положение, профессор С. В. Левашов писал одному из своих коллег: «Сходки продолжаются и теперь, но уже на вольном воздухе — на Арском поле и в Подлужной. Университет и квартира попечителя охраняются солдатами, так что мы на военном положении» [1].

По-разному понимали и оценивали студенческие «беспорядки» в городе. Насколько низким было еще сознание вчерашних крестьян, переодетых в солдатские шинели, иллюстрирует сценка, происшедшая у дома Масленникова. Проходивший мимо офицер спросил унтер-офицера, что они тут делают:

«— А вот, ваше благородие, караулим, чтоб, значит, не ушел.

— Кто?

— А вот генерал, что вверху живет. Он что-то набедокурил со студентами. Вот нас и приставили, чтобы ни шагу ему не позволили ступить. Вот и стоим денно и нощно, боимся, как бы не дал стрекача. Когда намеднись к самому губернатору его возили к допросу, так четверо

конных его стерегли, т. е. ни шагу от кареты не отступали» [2].

Не вполне понятен был смысл студенческих волнений и Алексею Пешкову. Но когда он узнал, что крендельщики Семенова, поверившие различным побасенкам, распускаемым черносотенцами, собираются идти к университету избивать студентов, он стал спорить и ругаться с ними [3].

Восьмиклассник Николай Федосеев горячо сочувствовал исключенным студентам, помогал им материально чем только мог. А в письме к товарищу писал: «Люди, которых я всей душой любил, взбунтовались. Потому что *в университете учиться нельзя,* что там мерзко, гадко» [4].

Среди образованного общества нашлось довольно много людей, которые полагали, что главными виновниками «беспорядков» являются не соответствующие «здравомыслящему человеку действия попечителя учебного округа и бестактность и недобросовестность студенческой инспекции» [5]. Недовольство общества вызывал и порядок исключения из университета: «Исключает попечитель по представлению инспектора, стало быть, исключает инспектор, т. е. наказывает студентов лицо, потерпевшее от них и, следовательно, естественно раздраженное» [6].

Расправа над студентами началась с их исключения.

Ректор Н. А. Кремлев, профессора А. Я. Щербаков и А. В. Васильев настаивали на том, чтобы каждый студент обвинялся на заседании правления университета самим Потаповым. Но попечитель учебного округа, опасаясь, что при личном общении обвиняемых с инспектором возникнут пререкания между ними, а это неизбежно вызовет еще большее озлобление против Потапова, настоял на том, чтобы правление карало участников сходки заочно, лишив, таким образом, студентов права элементарной защиты. Обстановка в правлении еще больше накалилась, когда выяснилось, что в потаповские списки попало несколько человек, вообще не являвшихся в тот день в университет.

Передовые профессора открыто выражали сочувствие исключенным, заявляя, что эти юноши — «самые лучшие, даровитые головы» и что они пострадали лишь «благодаря жестокости и лицемерию инспекции университета»[7]. Словом, если учесть, что среди гражданской и военной верхушки казанской администрации были сановники, порицавшие действия Масленникова и Потапова, то общество все-таки могло надеяться на более или менее снисходительное отношение к замешанным в «беспорядках», к тому же происходивших и в высших учебных заведениях других городов.

Однако судьба наиболее активных участников декабрьских волнений 1887 года решалась главным образом в Петербурге. Уже 4-го числа товарищ (заместитель) министра внутренних дел Шебеко по телеграфу приказал казанскому губернатору Н. Е. Андреевскому: «Благоволите исключенных студентов немедленно выслать из города»[8]. Министр народного просвещения И. Д. Делянов вскоре тоже прислал телеграмму попечителю учебного округа, в которой потребовал: «Для спасения благомыслящих не щадите негодяев»[9].

Масленников, имевший немалый опыт борьбы с «неблагонадежной» молодежью и всегда смотревший «на себя как на карающую десницу», действовал решительно и беспощадно:

4 декабря он распорядился закрыть университет «до окончательного водворения спокойствия среди студентов...». Вечером того же дня инспектор Потапов составил (по алфавиту) список 45 «наиболее виновных студентов» с подробным изложением причин, по которым они подлежали исключению. Владимир Ульянов записан Потаповым в списке сороковым. Однако кому-то из начальства список показался слишком большим и фамилии шестерых участников сходки, входивших в состав «первой партии», были вычеркнуты. Так появился новый список, в который вошли 39 самых активных юношей. Владимир Ильич значится в этом списке под номером 36.

Свое мнение об этой группе участников «противозаконной сходки» Потапов выразил следующим образом: «Вообще, по совести, можно сказать, что в числе этих студентов находятся подготовители и руководители сходки 4-го декабря. Все они вполне сочувствовали ей, знали не только что будет сходка, а также о том, что должно произойти на ней, немало также и приложили усердия и потрудились, чтобы тем или другим способом привлечь других студентов, как на выражение тем или иным способом сочувствия своего, так и к прямому участию».

Попечитель предложил правлению университета исключить их всех, а документы препроводить казанскому губернатору, добавив при этом, что указанных в списке зачинщиков полезно «заарестовать» и затем подвергнуть их в самом скором времени высылке [10].

Масленников получил от Потапова и список всех студентов университета, «прикосновенных к беспорядкам 4 декабря 1887 года». В нем уже значилось 153 человека, причем те из них, против фамилий которых стояли три крестика, считались наиболее активными участниками «беспорядков». Напротив № 139 было записано: «Ульянов Владимир Ильич, юридич. +++ исключен 4 декабря». Крестики означали утвердительные ответы на три вопроса: 1) значится ли в списке инспектора бывшим на сходке; 2) возвратил ли входной билет на сходке и 3) подал ли прошение об увольнении из университета или билет после сходки.

При определении меры наказания попечитель учебного округа принимал во внимание представленные Потаповым сведения и о том, когда именно тот или иной студент прибыл в актовый зал. Наиболее виновными инспектор считал тех, кто ворвался в зал «в первой партии», был там в то время, когда он потребовал разойтись, присутствовал в момент нанесения ему К. Алексеевым пощечины и вынужденного своего бегства. Во второй разряд были включены прибывшие в залу позднее этих бурных событий, но «до разрешения ректора впустить в нее тех

студентов, которые находились в университете». Наконец, наименее виновными признавались те, кто пришел «в зал после разрешения ректора», когда он и профессора увещевали собравшихся [11].

В соответствии с числом крестиков — карательных символов — определялась мера наказания. Студенты с одним крестиком отделывались выговором или строгим выговором с внесением в штрафную книгу, и только некоторым из них добавлялись арест на 7—10 дней, лишение стипендий и пособий. За два крестика следовало увольнение из университета «по прошению» с выговором или строгим выговором. Тех, кто не хотел подавать таких прошений, начальство переводило в разряд «исключенных». Обладатель трех крестов, да еще отнесенный к «первой партии» участников сходки, исключался, как тогда говорили, «с волчьим билетом», что на практике делало невозможным его возвращение не только в alma mater, но и продолжение учебы в любом другом высшем учебном заведении империи.

Несколькими днями позже Потапов представил Масленникову список, состоявший уже из 248 участников сходки 4 декабря. Согласно этому списку число исключенных из университета достигло 46, а уволенных по прошению — 118 человек [12]. Серьезной чистке подвергся и ветеринарный институт: за участие в сходке были исключены 33 студента [13]. Изгнанников было бы еще больше, но некоторые юноши, испугавшись беспросветного будущего, дрогнули и подали прошения с просьбой о желании остаться в университете и институте.

Однако вернемся к вечеру 4 декабря. Придя домой, Владимир Ильич рассказал матери и сестре Ольге о сходке и содержании петиции, поданной ректору, стараясь обрисовать картину в более или менее спокойных тонах. Со слов брата Ольга пишет подруге: «Хотя все они были страшно возбуждены и разгорячены, но сдерживались и были вежливы с профессорами; но инспектор вывел их из себя — и его поколотили» [14].

Владимир Ильич был убежден, что кого-кого, а его неминуемо ждет исключение из университета. Однако, желая еще раз продемонстрировать свой протест и вместе с тем твердость своих убеждений, он четким, почти каллиграфическим почерком и строго установленным слогом написал на имя ректора прошение, которое датировал уже 5 декабря: «Не признавая возможным продолжать мое образование в Университете при настоящих условиях университетской жизни, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать надлежащее распоряжение об изъятии меня из числа студентов Императорского Казанского Университета» [15]. Прошения об увольнении подали около 160 «прикосновенных к беспорядкам», но только у 77 хватило гражданской смелости в заявлении указать главную причину своего протеста. Даже из тех 39 человек, которые вместе с Владимиром Ульяновым подлежали «первоочередному исключению» из университета, лишь двадцать написали о своем неудовольствии «существующими» или «настоящими условиями», а также «стеснительностью университетского устава 1884 года».

Вряд ли Владимир Ильич смог в такой резкой форме написать прошение, если бы не сочувствие семьи и в первую очередь матери. Это был смелый и ответственный шаг, грозивший репрессиями. И они последовали незамедлительно. В ночь с 4 на 5 декабря полицейский пристав нагрянул в квартиру Ульяновых на Ново-Комиссариатской улице, арестовал Владимира Ильича и отвез его на санях в полицейскую часть. Тягостным было расставание Марии Александровны с сыном; переживал и он — больше всего за то, что доставляет матери новые треволнения. И все-таки в будущее Владимир Ильич смотрел «без страха и сомненья», как пелось в распространенной среди студенчества песне на слова А. Н. Плещеева. По дороге в полицейскую часть произошел красноречивый диалог между видавшим виды приставом и 17-летним арестованным:

«— Что вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами стена.

— Стена, да гнилая, ткни — и развалится, — ответил, не задумываясь, Владимир Ильич» [16].

Приставу ничего не оставалось, как только изумиться и сделать вид, что не понял смысла сказанного юным «бунтовщиком». Но страж «порядка», наверное, выглядел таким обескураженным, что Владимир Ильич навсегда запомнил этот диалог и со смехом передавал его много лет спустя близким.

В эту ночь было арестовано около ста студентов. Сначала их содержали в полицейской части, а затем в общей камере пересыльной тюрьмы, находившейся невдалеке от башни Сююмбеки. Хотя никто из арестованных не мог ясно представить себе ближайшее будущее, большинство из них все-таки старались не падать духом и не омрачать настроение товарищей. Пели хором студенческие и запрещенные песни, декламировали запрещенные стихи, обсуждали события последних дней, сочиняли прозой и стихами воззвания «на волю». Кому-то пришло в голову произвести анкетный опрос товарищей, кто что думает предпринять по освобождении и выдворении из Казани. Когда очередь дошла до Владимира Ильича, то он дал понять, что перед ним одна дорога, дорога революционной борьбы [17]. Хотя анкетирование проводилось в полушутливой форме, но многие почувствовали, что для брата Александра Ульянова этот арест не последний...

Родным и знакомым разрешалось навещать арестованных, обсуждать с ними предстоящую высылку, передавать съестные припасы, теплые вещи и деньги. Приходила на свидания с сыном и Мария Александровна. Не ведая во всей полноте о его деятельности в революционных кружках, мать считала, что власти относятся к Владимиру особенно строго из-за брата Александра. На это один из сановников ответил ей: «Нет, ваш сын был сам очень активен: инспектор Потапов видел его в передовых рядах, очень возбужденного, чуть ли не с сжатыми кулака-

ми»[18]. А в официальной характеристике Владимира Ульянова, написанной вскоре после сходки, указывалось: «Ввиду исключительных обстоятельств, в которых находится семья Ульянова, такое отношение его к сходке дало повод инспекции считать его вполне способным к различного рода противозаконным и даже преступным демонстрациям»[19].

Не приходится удивляться, что Владимир Ульянов, по указанию казанского губернатора, дольше, чем его товарищи, содержался под арестом: основная масса была выслана из города уже 6 декабря, а он вышел из тюрьмы только 7-го. В этот же день он получил «свидетельство» за подписью ректора и с приложением университетской печати. Этот документ являлся удостоверением личности и одновременно видом на жительство. Помимо основных биографических данных, в нем было указано, что он окончил Симбирскую гимназию с золотой медалью, а в осеннем полугодии 1887/88 года был студентом юридического факультета Казанского университета. Далее указывалось: «По постановлению Правления Университета от 5 декабря сего 1887 г. он, Ульянов, из числа студентов Императорского Казанского Университета исключен на основании предложения Г. Попечителя Казанского учебного округа от 4 декабря за № 5564.

А так как он, Ульянов, полного курса в Университете не окончил, то и не может пользоваться правами, Высочайше дарованными окончившим полный курс университетского образования.

По отбыванию воинской повинности он, как родившийся в 1870 году, обязан взять жребий в призыве 1891 года»[20].

В дни отъезда «декабристов 1887 года» (так назвал участников сходки инспектор Потапов) студенты господствовали на Воскресенской улице. Экс-попечитель учебного округа П. Д. Шестаков писал в связи с этим: «Толпы человек в 200—300 толпились около полиции, встре-

чая и провожая отъезжавших студентов аплодисментами и криками «ура»; сидело на санях по нескольку человек, и все... пели песни, бросали какие-то листы... Словом, это было что-то вроде триумфа исключенных»[21].

Ольга Ульянова в письме к Александре Щербо тоже подчеркнула сочувственное отношение общества и учащейся молодежи к высылаемым: «...им прислали 300 рублей в первые же дни арестов и высылки из Казани, также шубы и шарфы, потому что многим студентам не в чем ехать. Казанские дамы прислали им табаку и папирос, а гимназисты, особенно 1-й гимназии, отдавали все свои деньги, у кого были — часы, некоторые — даже свои шубы. Гимназистки Мариинской гимназии (6-й класс) тоже жертвовали, но об этом узнала начальница и прочитала им строгую нотацию»[22].

Высылаемые, в свою очередь, благодарили провожавших за сочувствие и материальную помощь, а некоторые бросали гектографированные листки, начинающиеся словами: «Прощай, Казань, прощай, университет». В этой листовке, написанной «декабристами» в тюрьме, и, очевидно, не без участия Владимира Ильича, разъяснялись причины, по которым они, мечтавшие выйти из «храма науки» в жизнь «борцами за счастье и благо нашей измученной родины», организовали сходку. Это прежде всего — нежелание «спокойно и бесстрастно смотреть на гнет и страдания дорогой родины» и заниматься «наукой для науки». В поисках выхода, говорилось далее в листовке, «мы сгруппировались в землячества, твердо веруя, что здесь, в товарищеском кругу, мы поддержим друг друга, здесь мы найдем также и выход нашим страстным стремлениям к развитию в нас убеждений и взглядов, твердых и честных, читая и беседуя друг с другом...». Но членство в землячествах благодаря «инспекции и клике ее шпионов, клевретов» жестоко каралось, вплоть до исключения из университета. Гнет нового устава становился несносным, но ни обращения к профессорам, ни мирные протесты 5 ноября во время тор-

жественного акта не привели к улучшению обстановки. В заключение говорилось: «Наступившие ноябрьские события в Москве, факты нахальной и зверской расправы с нашими товарищами, студентами Московского университета, нанесли нам, как студентам, кровное оскорбление... Мы должны были протестовать, и наш протест вылился в активную форму — сходку... За наш протест нас исключают из университета и изгоняют из Казани!!!

Мы уезжаем из Казани с глубокой верой в правоту нашего дела!» [23].

Изгонялись из города все исключенные. Еще в тюрьме каждый арестованный обязан был уведомить администрацию, куда именно он выедет на жительство. Иногородние, естественно, выбывали туда, где жили их родные. Что касается местных студентов, то они могли отправляться в любой город, но только не столичный и не университетский. В соответствии с этим требованием Евгений Чириков, например, у которого мать и сестры были в Казани, выехал в Нижний Новгород, где имелись друзья.

Владимир же Ильич не мог позволить себе поселиться в городе — ни в родном Симбирске, ни в Самаре, скажем у Марка Тимофеевича Елизарова, близкого товарища Александра и Анны. Он выбрал хутор Кокушкино, где отбывала ссылку сестра: с ним ей будет легче и матери лучше, если он будет поближе к дому и в одном месте с Аней.

Владимир Ильич был обязан покинуть Казань в тот же день, когда вышел из тюрьмы. В те немногие часы, которые оставались до отъезда, он собрал свои небогатые пожитки, состоявшие главным образом из книг и зимней одежды. Мороз на улице стоял лютый, и мать, наверное, впервые отдала сыну заветную отцовскую шубу на теплом меху, которая многие годы верой и правдой служила своему хозяину в поездках по сельским школам.

Владимир Ильич ехал в Кокушкино вместе с младшей сестренкой — она в это время была в городе в связи с приближавшимися рождественскими праздниками. Впоследствии Мария Ильинична так опишет картину того памятного морозного вечера, когда брат и она, «упакованные» в кибитке с бубенчиком, покидали Казань: «...За нами на городских санках катит какой-то полицейский чин. Я все время оглядываюсь на него с любопытством. Но вот и городская (сибирская. — *Ж. Т.*) застава, мы выезжаем в поле, а полицейский повертывает обратно: он выполнил свою миссию, проводил брата до черты города, а там предоставил ему уже ехать одному» [24].

Девочке, которой не исполнилось тогда еще и десяти лет, такой конвой показался любопытным и даже, может быть, несколько забавным. На самом же деле он еще и еще раз демонстрировал жестокость властей. Ведь без суда и следствия они заставили семнадцатилетнего юношу в трескучий мороз, в темноте (как будто нельзя было отложить высылку до утра) всю ночь ехать по совершенно безлюдной ухабистой заснеженной дороге в деревню. И всякое могло случиться за 40 верст пути.

Надо думать, что у Владимира Ильича в отличие от сестренки настроение и думы были куда более серьезными и грустными: за ним закрылись двери университета... Удастся ли возобновить учебу и если все-таки удастся, то когда и где? Ведь он выслан из Казани «без срока», и, когда власти соблаговолят снять с него свою кару, неизвестно. А если ко всему еще докопаются и до его участия в подпольном кружке, тогда уж и это наказание сочтут недостаточным... Отгоняя мрачные мысли, он думал о том, как полезнее использовать вынужденное затворничество в Кокушкине. Радовала лишь предстоящая встреча с Анной. Трудная дорога, к счастью, закончилась благополучно.

Так после первого революционного крещения и первого ареста началась первая ссылка Владимира Ильича.

ССЫЛКА

Прежде в Кокушкине Владимир Ильич бывал только летом. Расположенное на высоком берегу реки Ушни, местечко было в эту пору так красиво, что крестьянки соседних деревень нередко говорили кокушкинским нечто вроде: «Смотрю я на вашу деревеньку и думаю: что за чуда така она махонька, да така развеселая». Нравились эти места и Ульяновым. Анна Ильинична писала в своих воспоминаниях о беззаботной детской поре: «Лучше и красивее Кокушкина, деревеньки действительно очень живописной, для нас ничего не было» [1].

В 80-х годах частые недороды, вызванные засухой, и усилившийся с развитием капиталистических отношений процесс разложения общины ускорили обнищание основной массы здешних крестьян.

Анна Александровна Веретенникова, приехавшая зимой из Казани в Кокушкино, вскоре после того, как Владимир Ильич оказался в первой ссылке, свои дорожные впечатления выразила в стихотворной зарисовке «Невеселая картина»:

Еду: снежные равнины
Расстилаются кругом,
Невеселая картина
Здесь на севере родном.

На пригорке деревушка
Открывается глазам,
И убогие лачужки
Раскидались здесь и там.

Нищеты и разрушения
Вид кругом нея лежит,
И невольно размышления
Она грустные родит.

У ворот одной избенки,
Самой нищенской на вид,
Возле тощей коровенки
Человек пяток стоит.

«Ах, кормилица ты наша, —
Воет баба, — как нам быть?
Где ребятушкам на кашу
Молочка теперь добыть!»

«Полно плакать, божья воля, —
Хмуро ей сказал отец, —
Знать, такая наша доля,
Обнищали мы вконец.

Если б хлебушко родился,
Если б мог оброк собрать,
Ни за что бы не решился
Я Буренушку продать» [2].

Жить на хуторе зимой, особенно лютой, с частыми буранами, было невесело. Все вокруг на многие версты было покрыто глубоким снегом, и казалось, что ты находишься в безжизненной и безбрежной белой пустыне. Постоянные метели и заносы прерывали и так затрудненную связь с городом. По узкой дороге едва можно было проехать на одной лошади, а пара лошадей запрягалась уже «гусем».

В Кокушкине было два деревянных дома, оставшихся после смерти доктора А. Д. Бланка его пятерым дочерям. На крутом берегу Ушни стоял «большой», или «старый», дом, через дорогу — флигель, а в полусотне саженей от него начинались первые крестьянские избушки маленькой деревни с мельницей.

В «большом» доме все было ветхо: испорченные печи не топились, крыша протекала. Поэтому Ульяновы зимовали во флигеле — бревенчатом, без фундамента, на деревянных столбушках, с тесовой двускатной крышей, верандой перед входом и мансардой. Высота комнат не превышала $3^1/_2$ аршина. Стены оставались в первозданном виде — не штукатурились и не оклеивались обоями.

В южной комнате, где жила Анна Ильинична, стояла кровать Ольги. В комнате Марии Александровны спала Маняша. Здесь же находилась русская печь с плитой, на которой готовили пищу. В средней, самой большой ком-

нате, служившей залой, стояли бильярд и фортепиано. Дмитрий Ильич, живший во время приездов на хутор вместе с Владимиром Ильичем, так описывает их комнату: «Моя кровать была железная, у Владимира Ильича — простая, деревянная. Койки стояли близко к печке. На койках было по одной подушке, и покрывались они сероватыми байковыми одеялами с каймой. Пол простой, из широких толстых досок, некрашеный; на полу лежали половики деревенской работы.

В комнате у окна стояли простой рабочий стол Владимира Ильича и несколько стульев. В углу комнаты — верстак; на стене была прибита деревянная рейка, за которую были заложены стамески, долото, коловорот, буравчик и пр. На полке над верстаком лежали фуганок, рубанки.

На столе у Владимира Ильича лежали книги, журналы» [3].

Хотя и этот флигель был мало приспособлен для жизни в зимнюю пору, но после того, как были законопачены щели, утеплены окна и двери, наладилась регулярная топка печей, обстановка для обитания стала более или менее сносной.

Находясь в Кокушкине, Владимир Ильич, естественно, с напряженным вниманием ждал вестей о том, как поступают власти с остальными участниками сходки после высылки его, 38 других универсантов, а также 17 ветеринаров из Казани. И переживал, что расправа, начавшаяся в ночь с 4 на 5 декабря, продолжается.

9-го числа по требованию попечителя округа были исключены трое медиков: С. Б. Залкинд и К. И. Деюневич, принявшие «особенно вредное участие на противозаконной сходке в университетском зале 4 декабря», и Д. Е. Благовидов, который в сходке не участвовал, но способствовал ей, а позже «дозволил себе побуждение других студентов к продолжению начатых ими демонстраций и дерзко относиться к распоряжениям чинов полиции». В этот же день за участие в сходке были уволены еще

20 студентов, в том числе К. Г. Глядков и А. В. Старков — соученики Владимира Ильича по Симбирской гимназии. 10 и 21 декабря было исключено двое и уволено трое универсантов. Затем наступили рождественские каникулы, но «чиновничья машина» продолжала выискивать смутьянов и сразу же после каникул — еще более сильная вспышка репрессий: 12 января 1888 года было исключено и уволено сразу 78 студентов! Таким образом, общее число пострадавших достигло 169 человек. В том числе шестеро — не за участие в сходке, а только за принадлежность к землячествам [4].

Еще 8 декабря в «Волжском вестнике» появилось сообщение из Петербурга: «Студент юридического факультета первого семестра Казанского университета Константин Алексеев за нанесение оскорбления действием инспектору студентов Казанского университета отдан в дисциплинарный батальон военного ведомства сроком на три года». Больше же в декабре ни одна казанская газета ни одной строкой не отозвалась на выступление студенчества.

Однако это краткое сообщение стало известно в Киеве, и в тот же день, 8 декабря, здесь вспыхнули студенческие волнения. Докладывая об этом в департамент полиции, губернатор подчеркнул, что возникновению «смуты» способствовало получение в городе сообщения телеграфного агентства «об оскорблении действием инспектора студентов Казанского университета. И хотя эта телеграмма, — продолжал киевский губернатор, — в местных газетах и не была напечатана, тем не менее содержание ее быстро распространилось между публикой».

Состоялась демонстрация и в Нижнем Новгороде, на вокзале, когда туда прибыли исключенные студенты. «Толпа начала петь хоровые песни, — доносили жандармы, — слышны были возгласы: «Служите нашему делу!» ...Несмотря на неотступные требования прекратить беспорядок, таковой продолжался до отхода поезда, причем малейшая попытка отстранить провожающих от по-

езда встречалась готовностью к насилию со стороны студентов».

Прокламации о волнениях учащейся молодежи в Москве, Казани и Петербурге появились почти во всех городах Поволжья. «В Петербургском университете профессор Менделеев, — говорилось в одной из них, — выгнал из лаборатории за нахальство ректора университета Владиславлева, а профессор Фойницкий тому же ректору дал пощечину в аудитории». Заканчивалась листовка напоминанием о последних реакционных мерах министерства народного просвещения, горячим одобрением открытого протеста против них «учащих и учащихся» и сожалением, «что протесты эти редки», а «общество наше постыдно молчит и спокойно созерцает систематическое развращение и отупление своих детей. Чего мы ждем?!» [5]

Революционные выступления учащейся молодежи Москвы, Казани и других городов вызвали горячий отклик русских и польских студентов Парижского университета. Собравшись на митинг, они присоединились к протесту российских товарищей и призвали всех честных людей к солидарности с ними. Русские студенты и студентки Парижа 11 декабря обратились к студенчеству России со следующими словами:

«Полученные сообщения о событиях в России глубоко потрясли нас. Проникнутые глубоким негодованием по поводу свершившегося, русские студенты и студентки Парижского университета решили протестовать против подобных безобразий и с этой целью устроили митинг, на котором присутствовало до 150 представителей русской учащейся молодежи. По прочтении отчета о событиях в Москве и других городах был произнесен ряд речей, в которых выражалось сочувствие товарищам, принявшим участие в волнениях, согласие с вполне справедливыми требованиями, заявленными ими относительно нового Устава, и глубокое прискорбие по поводу смерти товарищей, погибших за дело студентов» [6].

В письме польского землячества в Париже, озаглавлен-

ном «Нашим товарищам московским студентам, декабрьским манифестантам», говорилось: «Последние события в Московском университете глубоко взволновали нас. Негодуя на свирепые меры, которые русское правительство приняло против вас, протестуя во имя свободы, против варварской жестокости начальства, мы посылаем Вам благие пожелания, выражение нашей симпатии и глубокое сожаление тем из вас, которым выпала роль мучеников» [7].

Письма русских и польских студентов Парижского университета получили широкое распространение среди казанской молодежи. В ответном письме, датированном 1 января 1888 года, говорилось:

«Русским студентам и студенткам Парижского университета.

Товарищи!

Мы получили мотивированное постановление вашего митинга и решили ответить вам. Нас обрадовал ваш смелый голос в защиту попранных прав университета и свободы. Из дошедших до нас сочувственных отзывов по поводу попытки освободиться от невыносимого гнета зазнавшегося деспотизма — ваш голос является одним из смелых по языку и мысли. Нечего и говорить, что вы верно поняли сущность нашего движения. Сердце сердцу издалека весть подает...

Охватившее все высшие учебные заведения движение 1887 года отличается от прежних движений своим более общим, не чисто студенческим характером, что отразилось и на наших петициях, указывающих на общественные тенденции...

Мы уверены, что следующий наш протест — ждать его недолго — поставит себе еще более широкие задачи и, таким образом, требования студентов сольются с общими русскими требованиями. Русское общество и студенчество настолько созрели, что с негодованием смотрят на разнузданные, бесчестные выходки деспотического, силой подкупа и клеветы держащегося правительства.

Искренне благодарны вам, дорогие товарищи, за ваше

сочувствие и надеемся встретить вас в освобожденной России.

Просим передать привет и благодарность польским студентам и студенткам, выразившим свое сочувствие московскому студенчеству.

Студенты Казанского университета» [8].

Знал ли Владимир Ильич об откликах на Казанскую сходку в других городах и во Франции? Несомненно, знал. Письма не были секретом, и все, кто интересовался последствиями сходки, могли познакомиться с ними. Косвенно это подтверждают строки из письма Н. Федосеева, направленного в конце декабря 1887 года из Казани высланному в Пензу Н. Мотовилову: «Получены сочувственные письма из Парижа от русских и польских студентов. Прислали также о себе весть с Кары * несчастные каторжники» [9]. Оставшиеся в Казани товарищи, конечно, не могли не сообщить об этих письмах и Владимиру Ильичу: ведь ответное послание в Париж было написано и от его, как студента, имени.

Думается, что Владимир Ильич интересовался откликами на волнения учащейся молодежи и в ультраправой прессе. Вот что писалось, например, 30 декабря в суворинском «Новом времени»: «Не может быть сомнения насчет того, что все подобные (университетские. — *Ж. Т.*) истории очень на руку людям, мечтающим о политической смуте в России, и было бы даже странно, если бы эти люди не сделали попытки так или иначе примазаться к университетским беспорядкам, чем бы ни были вызваны последние... Мы не удивились бы и тому, если бы заграничная, нигилистическая камарилья стала похваляться, что именно она подготовила и вызвала беспорядки в университетах».

Побасенкам, будто студенческие волнения являются делом рук каких-то «смутьянов», мало кто верил, но на-

---

* Карийская каторга — политическая каторга на реке Каре в Забайкалье.

сколько они были распространены, видно из переписки между руководством учебного округа и Ф. М. Керенским. Окружной инспектор А. В. Тимофеев, проверив Симбирскую гимназию вскоре после Казанской сходки, пришел к выводу, что если ее воспитанники, «едва переступившие за порог этого учебного заведения», участвуют в «беспорядках», то, значит, педагогическая корпорация не сумела дать «прочные нравственные начала своим ученикам...». Керенский категорически отверг эти обвинения и заявил, что не видит «хотя бы малейшего повода к ответственности за то безрассудство, с каким ошалевшие юноши, бессильные для отпора гибельных внушений, попали в «Панургово стадо» *. Резонно утверждая, что университетская молодежь мечется «повсюду по причинам, далеким от гимназий», он вместе с тем подчеркнул, что, насколько ему известно, из выпуска 1887 года в «беспорядках» участвовали только двое. «Из них Ульянов, смею думать, мог впасть в умоисступление вследствие роковой катастрофы, потрясшей несчастное семейство и, вероятно, губительно повлиявшей на впечатлительного юношу!» [10].

Керенский, вольно или невольно, исказил правду. Во-первых, в Казанской сходке приняли участие пять выпускников 1887 года: В. Ульянов, К. Глядков, А. Дардальонов, В. Разумов и Ф. Стратонов. Во-вторых, он кривил душой, полагая, что его воспитанники просто не устояли в Казани против внушений «злонамеренных людей»: кто-кто, а он отлично знал о существовании нелегальных кружков во вверенной ему гимназии. Наконец, как истый верноподданный, Керенский только делал вид, что не понимает объективных причин брожения учащейся молодежи: ведь студенты в петиции ясно заявили, что

---

* Керенский употребил (вслед за небезызвестным М. Н. Катковым) это выражение для характеристики молодежи, слепо следующей за «злонамеренными личностями», из романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

их собрало на сходку «не что иное, как сознание невозможности всех условий, в которые поставлена русская жизнь вообще...».

Размышляя о Казанской сходке, Владимир Ильич не раз спрашивал себя: успешно ли она прошла и стоила ли того, чтобы десятки юношей пожертвовали возможностью получить высшее образование, добровольно обрекли себя на прозябание в глуши под бдительным полицейским надзором?

Ответить однозначно было не так-то просто. Однако, подводя итоги сходки, можно было констатировать следующее. Покидая Казань, студенты заявили в прощальной листовке, что после зверской расправы в Москве с их товарищами нельзя было не выступить с протестом в активной форме — сходке. Причем ее требования носили ярко выраженный общедемократический характер. Ненависть к Потапову и инспекции была продемонстрирована «оскорблением действием». Власти не осмелились применить военно-полицейскую силу против студенчества. Большинство образованного общества города открыто показало ему сочувствие.

Не только экс-попечитель округа П. Д. Шестаков отметил «триумф исключенных», но и полицейский историк, характеризуя ход и исход Казанской сходки, подчеркивал: «Дело и здесь, как в Москве, окончилось полным торжеством взбунтовавшихся студентов и поражением университетской инспекции и вообще правительственной власти...» [11] Хотя эти высказывания Владимир Ильич прочтет через несколько лет, но и тогда уже было ясно, что именно так отреагировала общественность на выступление молодежи.

Кроме того, с удовлетворением можно было отметить, что известие о Казанской сходке ускорило выступление киевского студенчества, всколыхнуло русскую и польскую молодежь в Париже, вызвало одобрительный отклик политкаторжан на далекой Каре и появление листовок в городах Поволжья. И теперь какая-то часть студентов пос-

ле высылки из Казани пополнит революционное подполье своих родных мест.

Сейчас нам ясно, что сходка 4 декабря, как и все другие выступления студенчества той поры, происходившие еще в отрыве от рабочего движения и социал-демократии, не могла оказать «сколько-нибудь продолжительного сопротивления царским властям и отстоять свои требования», но она, несомненно, явилась «вершиной студенческого движения России 80-х годов». И уж, конечно, никто не вправе утверждать, что сходка якобы была неудачной [12].

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Расправа над участниками студенческих волнений во всех университетских городах была завершена к 15 января — установленному дню возобновления занятий. Но уже в «Волжском вестнике» за 3 января 1888 года Владимир Ильич прочел объявление, что «открытие лекций» в университетах Петербургском, Московском, Казанском, Харьковском и Новороссийском откладывается на неопределенное время, без объяснения причины этой отсрочки. И только 8 января в «Волжском вестнике» появилась следующая перепечатка сообщения из «Правительственного вестника»: «Вследствие происходивших в нескольких университетах в конце минувшего года беспорядков, которые вызвали прекращение лекций в сих университетах, министерством народного просвещения производятся сношения с местными начальствами относительно времени и порядка возобновления прерванных занятий... О времени же открытия занятий в каждом из университетов последует заблаговременное объявление...»

Это извещение министерство адресовало прежде всего иногородним — «для предупреждения напрасного возвращения студентов из отпуска». Но этой «заботе», особенно в Казани, мало кто верил. По городу открыто го-

ворили, что ректору Н. А. Кремлеву и декану медицинского факультета А. Я. Щербакову за попытки смягчить участь «декабристов» попечитель предложил уйти в отставку. Запугав этих и некоторых других профессоров, Масленников и Потапов усиленно обрабатывали тех студентов, которые на сходке вели себя относительно спокойно, но подали прошения о нежелании продолжать учение в университете. Их ставили перед дилеммой: либо «дерзкое» прошение будет взято назад, а взамен будет подано новое — о желании остаться в числе студентов, либо последует исключение по такой статье, что нельзя будет поступить ни в один из университетов.

Насколько же нелегкой была участь исключенных с «волчьими билетами», можно судить по донесению начальника Симбирского губернского жандармского управления в департамент полиции, составленному на основе наблюдения за 12 юношами, высланными в 1887 году на родину: «Положение их крайне неутешительное, на службу они не могут поступить, так как их нигде не примут, как исключенных; давать уроки, но без них имеется масса классиков-гимназистов, которые по рекомендации директора скорее могут быть допущены к подготовлению детей в гимназии и другие учебные заведения. Приняться за сельские работы — это немыслимо. Вот тут и явится озлобление и неминуемо большая часть примкнет к социальной партии» [1]. Владимир Ильич, наверное, не удивлялся, что некоторые, даже из довольно активных «декабристов», не выдержали нажима администрации и скрепя сердце пошли на замену прошений, чтобы остаться в университете.

Самому же Владимиру Ильичу, как, впрочем, и остальным 38 студентам из «первой партии» арестованных и исключенных, надеяться на скорое возвращение в университет не приходилось. Наоборот, надо было настраиваться на то, что ссылка в Кокушкине затянется, по крайней мере, до конца учебного года. Уместно в связи с этим вдуматься в строки из воспоминаний Н. К. Круп-

ской о пребывании ее с Владимиром Ильичем в Шушенском: «Л. Толстой где-то писал, что едущий первую половину дороги обычно думает о том, что он оставил, а вторую — о том, что ждет его впереди. Так и в ссылке. Первое время больше подводились итоги прошлого. Во второй половине больше думалось о том, что впереди» [2]. Так было и в кокушкинской ссылке. В первый месяц Владимир Ильич подвел итоги сходки и своего участия в ней и теперь думал больше о будущем.

После рождественских каникул и новогоднего праздника Мария Александровна отвезла Ольгу и Дмитрия в Казань к сестре Анне Александровне Веретенниковой, по-прежнему снимавшей квартиру в доме Завьялова по Профессорскому переулку. Устроив их, Мария Александровна спешит назад в Кокушкино: там по очереди хворали другие дети.

Рассказывая в письме петербургской подруге по Бестужевским курсам о своей жизни в Кокушкине, Анна Ильинична 24 января 1888 года писала: «Теперь обжились здесь немного, не зябнем, как в декабре, да и морозы не такие сильные, но зато метели здесь бедовые, особенно нынешний месяц.

Выписала «Русскую мысль», «Неделю» и еще казанскую ежедневную газету («Волжский вестник». — *Ж. Т.*); ждем всегда с нетерпением случаев из города, которые теперь, благодаря вьюгам, стали реже, — и, впрочем, не столько для газет, как для писем, т. к. читаю все очень много.

Мама порадовала меня недавно, привезла из Казани посмертное издание Надсона. Я его так люблю! Я нахожу в нем так много своих мыслей и чувств, а это так приятно! Одно из посмерт[ных] четверостиший особенно поразило меня:

Надо жить! Вот они, роковые слова!
Вот она, роковая задача!
Кто над ней не трудился, тоскуя и плача,
Чья над ней не ломалась от дум голова?» [3]

Надо не только жить, но и готовить себя к тому, чтобы приносить общественную пользу. Этот жизнеутверждающий принцип, несмотря на огромное семейное горе, все-таки остался главным для Ульяновых, оказавшихся в захолустном Кокушкине. И вот снова заработал «домашний университет».

У каждого имелась своя программа «накопления знаний», как выразилась Анна Ильинична. Сама она, кроме чтения периодики и беллетристики, не без помощи двоюродной сестры Любови Веретенниковой — опытной стенографистки — училась искусству скорописи. Много Анна Ильинична уделяла внимания английскому, чтобы самой не забыть и помочь Владимиру и Ольге, всерьез засевшим за его изучение. Еще в Симбирске зимой 1886 года благодаря Владимиру, которого старшая сестра называла «молодым лингвистом», Анна Ильинична овладела премудростями латыни, и теперь это облегчило ей изучение итальянского. Она втайне надеялась, что сможет делать переводы итальянских авторов для печати. Продолжала заниматься и литературным творчеством: написала несколько сказок и стихотворений, которые после одобрения домашних послала в детский журнал.

Ольга, помимо занятий английским, много читала, в том числе и книги на французском. В Казани она поступила в частную музыкальную школу Орлова-Соколовского, в которой предъявлялись достаточно высокие требования как к искусству игры на рояле, так и к знаниям теории музыки и гармонии. Вместе с Анной она продолжала подготовку Маняши к поступлению в гимназию, шила, помогала по хозяйству.

С первых же дней вынужденной зимовки в Кокушкине Владимир Ильич очень серьезно занялся самообразованием. Нужно было штудировать юридические науки, поскольку он не оставлял надежды завершить высшее образование. Но большую часть времени Владимир Ульянов посвящал чтению текущей столичной и казанской периодики, а также «Современника» и других жур-

налов 60-х годов (со статьями Добролюбова, Чернышевского и Писарева, стихами Некрасова), полные комплекты которых оказались в библиотеке покойного А. П. Пономарева — второго мужа тети Любови Александровны.

Нужно ли говорить, каким событием для всех были оказии из города и с каким нетерпением они открывали заветный пещер (корзинку местной работы), заполненный книгами, газетами и письмами, и с каким тщанием они готовились к загрузке пещера литературой и почтой для отправки его ранним утром в Казань! В последний перед отправкой вечер все, конечно, сидели за корреспонденцией. С одним из таких вечеров у Анны Ильиничны связано воспоминание: «Мне бросилось в глаза, что Володя, обычно почти не писавший писем, строчит что-то большое и вообще находится в возбужденном состоянии. Весь пещер был нагружен, мать с меньшими уже улеглись, а мы с Володей сидели еще по обыкновению и беседовали. Я спросила, кому он писал. Оказалось, товарищу по гимназии, поступившему в другой — помнится, в один из южных — университет. Описал в нем, конечно, с большим задором студенческие беспорядки в Казани и спрашивал о том, что было в их университете.

Я стала доказывать брату никчемность отправки такого письма, совершенно бесплодный риск новых репрессий, которым он себя этим шагом подвергал. Но переубедить его было всегда не легко. В повышенном настроении, прохаживаясь по комнате и с видимым удовольствием передавая мне те резкие эпитеты, которыми он награждал инспектора и других властей предержащих, он подсмеивался над моими опасениями и не хотел менять решения. Тогда я указала ему на риск, которому он подвергает товарища, отправляя письмо такого содержания на его личный адрес, на то, что товарищ этот, может быть, находится тоже среди исключенных или состоящих на примете, и подобное письмо принесет ухудшение его участи» [4].

Владимир Ильич призадумался, а потом довольно быстро согласился с этим последним соображением, пошел в кухню и вынул, хотя и с видимым сожалением, из печщера свое письмо, а позднее и уничтожил его.

Анна Ильинична не назвала фамилию «товарища по гимназии», но, конечно, это был Борис — сын В. И. Фармаковского, помощника И. Н. Ульянова в Симбирске, тот самый адресат, которому еще в марте 1882 года Владимир послал теперь широко известное «письмо тотемами». Описывая студенческую сходку-демонстрацию в Казани, Владимир Ильич надеялся, во-первых, изложить события тех дней правдиво и значительно полнее, чем они освещались в печати, а во-вторых, получить от Бориса из Одессы столь же достоверные сведения о волнениях в Новороссийском университете, которые, по слухам, были более бурными, чем в других городах [5].

Предостережение более опытной в конспиративных делах старшей сестры было как нельзя кстати. Уже в начале января 1888 года появились признаки того, что охранка интересуется прошлой деятельностью как Анны, так и Владимира.

В один из новогодних дней к флигелю, в котором жили Ульяновы, подъехал становой пристав и, отступив от традиционных разговоров о погоде, с озабоченным видом пригласил Анну Ильиничну следовать с ним в Казань к начальнику губернского жандармского управления. Нетрудно представить, как волновались Мария Александровна и Владимир, провожая Аню, с какой радостью они встретили ее через несколько дней и с каким напряженным вниманием слушали ее рассказ о пребывании в жандармерии.

Оказалось, что вызов на допрос был связан с делом 1 марта 1887 года. Жандармы интересовались фельдшером Нарвской части столицы Алексеем Алексеевичем Воеводиным и его взаимоотношениями с Александром Ульяновым. Анна Ильинична пояснила, что брату очень нравилось его пение, он принимал участие в Воеводине

как человеке бедном. Вот все, что было записано в протоколе ее допроса.

Владимиру она, конечно, рассказала несравненно больше. И о том, что Воеводин и студент лесного института Леонид Державин были главными запевалами на нелегальных вечерах, где они мастерски пели любимые Александром «Замучен тяжелой неволей», «Нелюдимо наше море», «Полосыньку», и о дружеском (а к Державину, по ее мнению, и «чисто братском») к ним отношении Александра [6], и о смелости Воеводина, вступавшего в открытые столкновения со своими начальниками-офицерами.

Однако Анна Ильинична все же не могла знать об истинных причинах, вызвавших повышенный интерес департамента полиции к А. Воеводину. Не знала она и о том, что в Самаре в это время жандармы допрашивали близких знакомых Саши и ее — М. Т. Елизарова и И. Н. Чеботарева, — и тоже о Воеводине. Дело же заключалось в том, что петербургская охранка, расследуя последние студенческие волнения, произвела 23 декабря 1887 года обыск в квартире Воеводина и нашла там десятки гектографированных воззваний о выступлении московской учащейся молодежи, револьвер, рецепт для изготовления взрывчатки, типографский шрифт, печать Санкт-Петербургского общества помощи политическим ссыльным и заключенным.

С помощью провокатора следствие установило, что Воеводин находился в дружеских отношениях с Александром и Анной Ульяновыми, Марком Елизаровым, Иваном Чеботаревым и другими лицами, проходившими по делу вторых «первомартовцев». Но главное, что сейчас занимало жандармов, — не был ли Воеводин тем таинственным лицом, которое 1 марта 1887 года помогало Александру Ульянову в печатании на переносном типографском станке «Программы террористической фракции «Народной воли». Заметим, что эта догадка была верной, но допросы А. И. Ульяновой и других знакомых

А. А. Воеводина не помогли жандармам доказать его причастность к делу о покушении на царя [7].

Если допрос Анны Ильиничны не имел последствий, то жандармское досье на Владимира Ильича за прошедшие после ареста пятьдесят дней пополнилось новыми агентурными данными, раскрывавшими его тесные связи с революционным подпольем Казани, более активную, чем это представлялось ранее, роль в подготовке и проведении сходки-демонстрации 4 декабря 1887 года.

Департамент полиции 16 января 1888 года сообщил эти сведения начальнику Казанского губернского жандармского управления полковнику Гангардту, а тот в отношении от 25 января казанскому губернатору передал мнение департамента полиции, что Владимир Ульянов «принимал и, *может быть, продолжает принимать деятельное участие в организации революционных кружков среди казанской учащейся молодежи,* вследствие чего за ним необходимо учредить надлежащее негласное наблюдение». Сетуя на то, что жандармское управление не располагает способами «для достижения этого без огласки, особенно при нахождении Ульянова в деревне», Гангардт попросил губернатора об установлении немедленного полицейского «строжайшего секретного наблюдения за вышеозначенным Ульяновым, причем *необходимо иметь в виду не только его самого, но и лиц его посещающих, а равно необходимо всегда иметь точные и подробные сведения, с кем он ведет и будет вести переписку...* (выделено мной. — *Ж. Т.*)» [8].

История, как говорится, умалчивает о способах тайной слежки, которые применяла полиция в Кокушкине, где каждый посторонний был на виду у хуторян. Но как бы то ни было, Ульяновы помнили о недреманном полицейском оке. Этим объясняется их стремление передавать корреспонденции с оказией, не распространяться о сокровенном, говорить намеками, употреблять имена или инициалы знакомых без фамилий, а также просьбы уничтожать письма по прочтении. В тех же случаях, когда

переписка осуществлялась по казенной почте, Анна Ильинична, состоявшая под гласным надзором, просила адресата: «На конвертах пишите с передачей маме, чтобы письмо не расклеивалось (не проверялось полицией. — *Ж. Т.*) в Казани...» [9]

Что же именно послужило причиной установления официального секретного наблюдения за Владимиром Ильичем уже во время нахождения его в Кокушкине? Обратимся еще раз к справке департамента полиции за 1888 год: «В конце минувшего года в г. Казани образовался кружок крайне вредного направления, к которому принадлежали брат Натана Богораза, исключенный из Таганрогской гимназии, Лазарь Богораз... брат казненного Александра Ульянова, студент Казанского университета Владимир Ульянов, студент Казанского ветеринарного института Константин Выгорницкий (близкий знакомый казненного Андреюшкина), Александр Скворцов, Иван Воскресенский и др. Кружок этот, при посредстве студента С.-Петербургского университета... Василия Зелененко поддерживал сношения с петербургскими кружками противоправительственного направления» [10]. С этими лицами, как мы уже знаем, Владимир Ильич действительно общался осенью 1887 года и готовил сходку-демонстрацию 4 декабря.

Но на чем основывалось предположение департамента полиции, что, находясь в Кокушкине, Ульянов «продолжает принимать деятельное участие в организации революционных кружков среди казанской учащейся молодежи», нам, к сожалению, ответить трудно. Полиции удалось зафиксировать только один приезд в Кокушкино участника сходки — бывшего студента Петра Пчелина [11]. Владимир Ильич зимой 1887/88 года несколько раз ездил в Казань, но с кем он там встречался, неизвестно. Разумеется, он поддерживал связь с единомышленниками через своих двоюродных братьев и сестер, а может быть, и с помощью врача Федора Ивановича Грацинского, которого Мария Александровна часто вызывала из Лаишева к

детям, особенно к Маняше — у нее подозревали дифтерит.

Вот как рассказывала о новом знакомом Анна Ильинична в письме от 21 февраля 1888 года петербургской подруге Наде — жене молодого профессора М. А. Дьяконова: «За это время познакомились с нашим земским доктором — до сих пор нам делали визиты только здешние полисмены — и доктор этот оказался Ф. И. Грацинский, о котором мне говорил М. Ал. (М. А. Дьяконов. — *Ж. Т.*), но фамилию которого я забыла. Он попросил передать его поклон и М. Ал. ...и его адрес (Лаишев, земскому врачу), а также просил сообщить Ал. Л. и его адрес. Он доволен своей службой и земскими сослуживцами и, по его словам, у них там, в Пановке, настоящий рассадник цивилизации» [12].

Это письмо тоже посылалось с оказией, ибо Анна Ильинична не рискнула бы называть фамилии лиц, с которыми она находилась в очень хороших отношениях. Ведь за Н. А. и М. А. Дьяконовыми наверняка следила полиция, ибо они не раз принимали в Петербурге Александра и Анну Ульяновых, а после казни Александра Ильича они зашли проститься с Анной Ильиничной, отправлявшейся в ссылку. Как видим, Дьяконовы положительно отзывались о докторе Ф. И. Грацинском, проживавшем невдалеке от Кокушкина. Федор Иванович на самом деле оказался очень порядочным человеком, если не побоялся не только попасть в число знакомых ссыльных Ульяновых, но и передавать через Анну Ильиничну поклоны М. А. Дьяконову. Сближению Ульяновых с Ф. И. Грацинским способствовало и давнее знакомство Марии Александровны с его отцом Иваном Федоровичем в Перми, где тот был директором гимназии и лечился у А. Д. Бланка. Посещения Ульяновых Ф. И. Грацинским наряду с наездами родственников скрашивали жизнь обитателей занесенного снегом флигеля.

Переписка с товарищами, общение с родственниками и знакомыми в какой-то мере позволяли кокушкинским ссыльным быть в курсе последних событий. Информацию о положении в стране и о международной жизни Владимир Ильич и Анна Ильинична черпали главным образом из периодической печати, доставлявшейся в пещере по подписке. Прежде всего, конечно, читали «Волжский вестник». Раскроем эту газету за 1 января 1888 года.

В ней с тревогой отмечалось, что минувший год из-за засухи оказался «довольно плохим» для большинства местностей. И это вызвало дальнейшее обеднение крестьян, которым для уплаты недоимок и долгов за прежние неурожайные годы приходится продавать по дешевке не только хлеб и скот, но даже избы. На этой беде наживаются ростовщики, кулаки-мироеды. Понижение покупательной способности крестьян, в свою очередь, усиливает упадок промышленности и торговли.

Между тем преуспевающие дельцы в Казани устраивают грандиозные попойки в ресторанах, где «с животной страстью набрасываются на опереточное гаерство и гогочут пошлым хохотом над балаганными выходками опереточных героев», служащие убивают время бесконечным состязанием в винт, заглядыванием в чару «зелена́-вина» или предаются собственному квиетизму, лежа брюхом вверх. К услугам скучающего обывателя приспосабливается книжный рынок, чтобы порнографическими изданиями эксплуатировать «его состояние духа, чтобы низвести последний в дебри, где оканчивается образ и подобие божия, дарованные человеку при мироздании». Кажется, что Казань захлестнула волна самоубийств из-за разочарования жизнью.

«Мертвящая апатия вторглась в наши общественные учреждения, — писалось в газете, — в думы, где гласные размениваются на мелочи, оставляя в стороне важные общественные вопросы... в земские собрания, битые

часы трактующие о каком-то «школьном клопе» необычайных размеров, якобы обнаруженном в одном из уездов губернии; в наши сословные учреждения, поглощенные заботами лишь о своих непосредственных интересах; в нашу промышленность и торговлю, денно и нощно вопиющую об ограждении ее от внешней конкуренции».

Коснувшись международной жизни, обозреватель заявил, что и она является «одним из самых темных пятен в истории. Взаимные интриги, взаимная ненависть и отчуждение, полное забвение основных принципов братства и солидарности, полное отсутствие человеческого отношения к людям». Тройственный союз в составе Германии, Австрии и Италии запугивает общество войной с Россией и Францией. Князь Бисмарк добивается увеличения германской армии за семь лет на 468 тысяч, а когда рейхстаг воспротивился, то «железный канцлер» распустил его. Вкратце обозреватель коснулся забастовочного движения в Англии, Голландии, Бельгии, Испании, Италии, Франции, закончив свою статью ободряющими словами: «Рабочее движение, растущее с каждым днем во всех европейских странах, дает себя чувствовать по временам весьма заметно и возбуждает в обществе тот интерес к себе, который необходим для дальнейшего успеха дела».

В январе Владимир Ильич получил и бесплатное для подписчиков приложение к газете — «Календарь «Волжского вестника» на 1888 год. В эту книгу объемом более 35 печатных листов, помимо справочного отдела, вошли обстоятельные статьи по истории России, Казани и ее городского хозяйства, деятельности земств, данные о развитии сельского хозяйства, промышленности, торговли, транспорта.

Особый интерес для Владимира Ильича, конечно, представляла статья «Как живут рабочие в Волжско-Камском крае», являвшаяся изложением официального отчета фабричного инспектора Казанского округа А. В. Шидловского.

Многие дети 8—9 лет от роду работают, как и все взрослые, по 14,5 часа в сутки, причем чаще всего «бесплатно, при отцах и матерях, в качестве учеников». 72 процента из работающих детей не умеют ни читать, ни писать.

Помещения, в которых трудятся рабочие, тесны, темны, грязны. Вентиляции нет, а поэтому скопление вредных газов или пыли таково, что новичок там задыхается и почти ничего не видит. После смены рабочие спешат в жилые помещения, боясь упустить каждую минуту отдыха. Большинство живет в общих для мужчин, женщин и детей казармах. «Это длинные, рубленые деревянные сараи, изредка каменные, с одним и редко двумя выходами, дощатым потолком и полами, которые нередко трудно отличать от земляных, благодаря толще покрывающей их грязи; вдоль стен, в два ряда, один над другим, тянутся нары, на коих рабочие и располагаются вповалку, один возле другого...»

Из 1113 промышленных заведений края, подлежащих действию закона о малолетних рабочих, только в четырех имелись школы. Семь фабрик из 100 имели бани. «Колыбельни, приюты, чайные, сберегательные кассы — ничего этого не существует. Медицинская помощь на фабриках и заводах почти совершенно отсутствует» [1].

«Волжский вестник» поднимал немало острых вопросов. Но газета не пыталась входить в анализ «знамений современной общественности», так как это выходило «из пределов ее компетентности». Каждый, кто умел читать между строк, понимал: цензурные рогатки не позволяют искренне обсуждать действительные причины описываемых явлений. Но даже то, что оказывалось на страницах «Вестника», оставляло гнетущее впечатление. Можно себе представить то щемящее чувство горечи за трудовой люд, которое испытывал молодой Ульянов в это время. Но это было деятельное сочувствие: Владимир Ильич не зря обронил в казанской тюрьме фразу о раз и навсегда выбранном им пути революционера.

Жизнь в такое мрачное время, да еще в захолустье, под неусыпным надзором полиции действовала угнетающе, особенно на старшую сестру. Нелегко было и Владимиру Ильичу из-за невозможности активно вмешаться в ход общественной жизни. Анна нет-нет да изливала свою душу в письмах к подругам, а он не мог позволить себе и такой роскоши. И когда становилось совсем невмоготу, он брался за физическую работу, отправлялся бродить по окрестностям или вставал на лыжи и шел с Митей на охоту. Возвращался обычно без трофеев — азартным охотником, как его старший и младший братья, он никогда не был. Как-то позже, летом, возвратившись с прогулки с двоюродным братом, Владимир Ильич сказал Анне Ильиничне: «А нам нынче заяц дорогу перебежал». На что старшая сестра шутливо заметила: «...Это, конечно, тот самый, за которым ты всю зиму охотился» [2].

Но прогулки и охота носили эпизодический характер. Давняя привычка к усиленным занятиям и огромная сила воли позволяли Владимиру Ильичу сосредоточиться на главном — работе по самообразованию. Впоследствии он рассказывал В. В. Воровскому: «Кажется, никогда потом в моей жизни, даже в тюрьме в Петербурге и в Сибири, я не читал столько, как в год после моей высылки в деревню из Казани. Это было чтение запоем с раннего утра до позднего часа. Я читал университетские курсы, предполагая, что мне скоро разрешат вернуться в университет. Читал разную беллетристику, очень увлекался Некрасовым, причем мы с сестрой состязались, кто скорее и больше выучит его стихов. Но больше всего я читал статьи, в свое время печатавшиеся в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы». В них было помещено самое интересное и лучшее, что печаталось по общественным и политическим вопросам в предыдущие десятилетия. Моим любимейшим автором был Чернышевский» [3].

Благодаря Чернышевскому четче прояснилась революционная фигура Белинского; с карандашом в руках

были вновь прочитаны добролюбовские статьи в «Современнике». Владимир Ильич навсегда запомнил, как талантливо Добролюбов из разбора гончаровского «Обломова» сделал «клич, призыв к воле, активности, революционной борьбе», а из анализа тургеневского «Накануне» — «настоящую революционную прокламацию...» [4]. Перечитывая «Что делать?», Владимир Ильич в полной мере оценил величайшую заслугу Чернышевского в том, что «он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления...» [5].

Очень важно было, что великие критики-демократы даже в подцензурных статьях, как подчеркивала Н. К. Крупская, давали юному Владимиру Ильичу «определенное направление мысли... руководство к действию, хотя в самых общих чертах, полунамеками, толкали на искание путей и сил, могущих изменить действительность» [6]. Наконец, и это уже собственное признание Владимира Ильича, благодаря чтению Чернышевского «от доски до доски» во время кокушкинской зимы произошло его «первое знакомство с философским материализмом и возник интерес к «экономическим вопросам» [7].

После такой подготовки по-настоящему критически и творчески воспринимал Владимир Ильич все, что писалось в «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Русском богатстве», «Неделе», «Русских ведомостях», «Волжском вестнике» и «Казанском биржевом листке» — литературе, которую он получал в Кокушкине в ту памятную зиму. К славословию по поводу «освобождения» крестьян, проектам поднятия благосостояния народа без ликвидации остатков крепостничества, любым суждениям о мерах, способных укрепить крестьянскую общину, к другим подобным либерально-народническим фразам он относился уже с недоверием и нередко с открытым презре-

нием. Зато Владимир Ильич с большим вниманием читал очерки тех публицистов, которые показывали реальную картину жизни русской деревни, а также статьи Н. И. Зибера, А. И. Чупрова, И. И. Иванюкова и других прогрессивных политэкономов, знакомивших читателей с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса, пытавшихся более или менее правдиво показать положение рабочего класса в России.

Из журналов по подписке Ульяновы получали только московскую «Русскую мысль». И не случайно: после закрытия правительством «Отечественных записок» этот журнал стал весьма популярным среди передовой интеллигенции и учащейся молодежи. Владимир Ильич об этом знал, когда учился в старших классах Симбирской классической гимназии, хотя бы из рукописного журнала «Дневник гимназиста», выпускавшегося его товарищами [8]. Высокую репутацию «Русской мысли» создавали Н. Н. Златовратский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. Г. Короленко и Г. И. Успенский, правдиво и ярко вскрывавшие язвы российской действительности и вместе с тем пробуждавшие у читателей любовь к трудовому люду, сочувствие к его невыносимо тяжелому положению. Но наибольшую популярность журналу придавала публицистика Н. В. Шелгунова. Современники вспоминали: «Его «Очерки русской жизни»... читались с жадностью» [9]. «Русское общество, — писал О. В. Португалов, — в особенности студенчество в 80-х годах, зачитывалось «Очерками русской жизни», которые ежемесячно помещались в журнале «Русская мысль». Все с нетерпением ждали выхода очередной книжки, ждали, что-то скажет Шелгунов, блеснет ли снова светлый луч в темном царстве застоя и мещанства» [10].

Для Владимира Ильича «Русская мысль» представляла особый интерес еще и потому, что в ней печатались некоторые его знакомые. Здесь, например, со статьями в защиту земской народной школы, женского высшего образования и против реакционных нововведений в гимна-

зиях и университетах выступал муж двоюродной сестры М. Л. Песковский [11]. Еще в Симбирске Ульяновы с пристальным вниманием и одобрением читали в этом журнале статью А. А. Красева, помощника Ильи Николаевича, «Что дает крестьянину начальная народная школа» [12], в которой он на примере одного из уездов Симбирской губернии неопровержимо доказал, что большинство крестьян предпочитают земскую школу церковноприходской.

Замечу, что первая книжка «Русской мысли», которую Владимир Ильич держал в руках в конце январе 1888 года, была тоже довольно содержательной, затрагивала много злободневных тем.

Глеб Успенский в очерке «Непривычное положение» дал понять читателю, что одной из причин обострения отношений между Россией и Болгарией являются просчеты царской дипломатии. Н. В. Шелгунов в очередном «Очерке русской жизни» убедительно показал, что только безземелье заставляет тысячи крестьян бросать родные места и искать счастья на окраинах империи, а разложение сельской общины сопровождается увеличением числа бедняков и ростом кулачества, которое бывает зачастую «страшнее разбойника на большой дороге и безжалостнее палача» [13]. Автор политического обозрения за 1887 год с тревогой писал об усилении агрессивности бисмарковской Германии, о жестоком преследовании британским правительством ирландских патриотов, добивающихся самоуправления для родного края [14].

Некий «Т» в критических заметках «Литература и жизнь» упомянул И. С. Тургенева как «одного из даровитейших и наиболее образованных наших художников». Затронув проблему женского образования, он подчеркнул, что забота о его развитии — «одна из важнейших обязанностей государства и общества». При этом «Т» указал, что лучшим певцом женщины как носительницы добра и правды был Н. А. Некрасов, «27 декабря истекшего года минуло десять лет со дня кончины знаменитого писателя, — продолжал «Т», — но память о нем свежа

в нашем обществе, влияние его продолжает захватывать многих и многих, и надолго останется Некрасов одним из любимейших русских поэтов» [15].

Владимиру Ильичу не могло не импонировать, что редакция «Русской мысли» попыталась, насколько это позволяли цензурные рогатки, все-таки коснуться последних волнений молодежи. Так, процитировав из катковского «Русского вестника» то место, где утверждается, что декабрьские студенческие «беспорядки» являются следствием «подстрекательств злонамеренных людей», обозреватель «Русской мысли» едко заметил: «Нет ничего легче, как ссылаться «на подстрекательства», и человечество весьма к тому склонно еще со времен прародителей Адама и Евы. При этом почти всегда упускается из вида анализ тех явлений общественной жизни, при которых «подстрекательства» оказываются возможными и влиятельными» [16].

Вместе с тем редакция «Русской мысли» не осмелилась раскрыть, что именно она подразумевает под «общими условиями, неблагоприятными для правильного хода воспитания нашей молодежи», и ограничилась благими пожеланиями того, чтобы «отношение учебной администрации к студентам стало искреннее и сердечнее», чтобы профессора не представляли собой «рассыпанной храмины», а вновь получили возможность, как корпорация, постоянно и благотворно влиять на учащееся юношество» [17].

В «Библиографическом отделе», при обзоре декабрьской книжки «Вестника Европы», критик особо подробно остановился на печатавшейся там «Пошехонской старине» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Причем он сделал акцент на высказываниях Щедрина о молодом поколении, о важности выработки у него гражданских убеждений. Владимир Ильич, давно питавший глубокий интерес к творчеству великого сатирика, очевидно, с удовлетворением встретил в этом обзоре страстный призыв Щедрина к молодежи: «Не погрязайте в подробностях настояще-

го... воспитывайте в себе идеалы будущего, ибо это своего рода солнечные лучи, без оживляющего действия которых земной мир обратился бы в камень. Не давайте окаменеть и сердцам вашим, вглядывайтесь часто и пристально в светящиеся точки, которые мерцают в перспективе будущего. Только недальнозорким умам эти точки кажутся беспочвенными и оторванными от действительности; в сущности же они представляют собой не отрицание прошлого и настоящего, а результат всего лучшего и человеческого...»[18]

Еще одним подписным изданием, которое Ульяновы получали в Кокушкине, была петербургская еженедельная газета «Неделя» с ежемесячным литературным приложением «Книжки Недели». Уместно напомнить, что в рукописном симбирском «Дневнике гимназиста» наряду с «Русской мыслью» рекомендовалось и это издание. В «Неделе» печатались С. Я. Надсон, А. Н. Плещеев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, Г. И. Успенский, Н. К. Михайловский и, что привлекало симбирян, Д. Д. Минаев. По заявлению самой редакции еженедельника, главнейшим принципом, которым она руководствовалась, было «убавлять зло, направляя все силы на подъем в русской жизни всего, что стремится к добру, к свету и правде». В условиях реакции второй половины 80-х годов «Неделя» превратилась в орган либерального народничества с характерной для него проповедью теории «малых дел» и толстовской философии непротивленчества. Однако в ней по-прежнему неплох был беллетристический отдел, печатались обличительные материалы, а также ценные статьи крупных педагогов, политэкономов, статистиков, других ученых.

При серьезной систематической умственной работе и время как будто пошло быстрее. Еще недавно казалось, что суровой и снежной зиме не будет конца. Но уже в марте прилетели грачи, ярко засветило солнце и наступила крутая, ранняя весна, а с нею возродились и все прелести пребывания в деревне. Бодрее стала себя чув-

ствовать и Анна Ильинична. Вспоминая эту пору пробуждения природы, она писала впоследствии: «Помню долгие прогулки и беседы с братом по окрестным полям под аккомпанемент неумолчно заливавшихся невидимых жаворонков в небе, чуть пробивавшуюся зелень и белевший по оврагам снег...» [19].

Это общение с природой обновляло физические и духовные силы. И Владимир Ильич, и Анна Ильинична испытывали потребность в дружеском общении с крестьянами. Интерес, сочувствие, добрые чувства к сельским труженикам шли от родителей, демократизм которых был неотъемлемой, органической частью существа каждого из них. Отдыхая здесь еще в безоблачную детскую пору, Владимир Ильич невольно наблюдал, как мать всегда охотно откликалась на все просьбы кокушкинских крестьян, бескорыстно оказывала им медицинскую помощь. Видел он, как внимателен к крестьянам был и отец и как любил он с ними беседовать на равных. Необходимость постоянного общения с крестьянами стала нормой жизни всей их семьи. У Александра и Анны в гимназические годы был даже постоянный любимый собеседник — охотник и рыболов из соседней деревни Карпей, которого за поэтический вид, колоритную речь, блиставшую остроумием и меткими сравнениями, Илья Николаевич называл «поэтом и философом» [20]. Этот глубокий демократизм был яркой чертой и Владимира Ильича. Его двоюродный брат Николай Веретенников потом вспоминал: «С самого раннего детства Володя был общителен с крестьянами; когда он приехал в ссылку, все крестьяне тепло и хорошо отнеслись к нему» [21]. Действительно, более дружеских отношений трудно себе представить: 10 апреля 1888 года Владимир Ильич (в день своего восемнадцатилетия!) и Ольга Ильинична Ульяновы стали восприемниками девочки Агапии, родившейся накануне в семье кокушкинского крестьянина Якима Георгиева и его жены Марии Ивановны [22]. Будучи неверующим (но зная, что иначе при данных условиях он мо-

жет быть непонятым), Владимир Ильич согласился поехать в церковь, находящуюся в другой деревне. Родители же новорожденного младенца, со своей стороны, не побоялись пригласить в крестные ссыльного и его сестру.

Общение с крестьянами, знакомство с их жизнью и наивными мечтами о прирезке земельных наделов, о которых так много и зачастую так путано писалось в либеральной печати, — все это давало Владимиру Ильичу обильную пищу для размышлений.

Но чтобы сделать правильные выводы, понять значение аграрного вопроса в судьбе страны, предстояло проделать еще громадную теоретическую работу. Снова и снова перед ним встает вопрос о получении высшего образования, возможности работать в научных библиотеках, советоваться с единомышленниками. Если не примут ни в один из российских университетов, надо добиваться заграничного паспорта. Анна Ильинична с волнением писала 20 апреля подруге в Петербург: «Очень беспокоит нас теперь судьба Володи, — отпустить его куда-нибудь маме будет, конечно, тяжело, а в деревне не удержать. Сергей Ал[ександрович] поедет за границу, — у меня была бы просьба к нему: не будет ли он так добр узнать кое-что о тамошней студенческой жизни (стоимость жизни, преимущество одного университета перед другим из тех, от которых он будет ближе и узнать о которых ему будет удобно). Я была бы ему очень благодарна.

Конечно, отпустить Володю туда беспокойно и страшно! Но как быть, если его никуда не примут или примут, выгонят через полгода, — учиться ему все-таки надо!

Разумнее бы, конечно, подождать года два, но это ему совсем не по характеру — скучает он без дела... Нынче Володя, вернувшись из города, сказал мне, что в Петербурге исключили недавно 40 человек, преимущественно юристов III и IV курса» [23].

Не успел прийти ответ на это письмо из Петербурга, как Ольга, а затем и Мария Александровна с Владими-

ром Ильичем выехали в Казань, где в конце апреля — начале мая начались экзамены в музыкальной школе Орлова-Соколовского. Здесь, в городе, решено было настойчиво добиваться разрешения Владимиру Ильичу продолжать учебу. Девятого мая 1888 года в квартире Веретенниковых Владимир Ильич пишет на имя министра народного просвещения прошение о своем желании вновь поступить в Казанский университет [24]. В тот же день Мария Александровна, понимая, что многое зависит от директора департамента полиции, посылает ему свое прошение об оказании «содействия», то есть, по существу, о том, чтобы он не препятствовал возвращению сына в университет [25].

В этот день, 9 мая, исполнился ровно год с того дня, когда Мария Александровна узнала о казни старшего сына в Шлиссельбургской крепости. И сколько новых невзгод, связанных уже с делами Анны и Владимира, пришлось ей пережить за это время.

С надеждой на лучшее будущее в мае вся семья Ульяновых собралась в Кокушкине.

ВЕРНОСТЬ УБЕЖДЕНИЯМ

С наступлением лета в Кокушкино приехали двоюродные братья Владимира Ильича, с которыми он и раньше здесь проводил каникулы, встречался в Казани, а с некоторыми и в своем доме в Симбирске. Ближе всех ему с детства был Николай Веретенников — почти сверстник, на 11 месяцев моложе его. Рос Николай без отца, который умер еще до его рождения, так что детство было нелегким. Но, как самый младший из восьми детей в семье, он был баловнем матери. Учился в гимназии средне, самообразованием и, главное, общественными вопросами глубоко не занимался, и поэтому для Владимира Ильича он теперь был не более чем просто честным и добрым кузеном, гимназистом-старшеклассником.

В Казани, а может быть, и в Кокушкине Владимир Ильич виделся и со старшим братом Николая Александром Ивановичем Веретенниковым, который несколько лет назад преподавал в Симбирской гимназии латынь и греческий. Возможно, благодаря ему Владимир в младших классах одно время увлекался латынью, и как близкого родственника он часто видел двоюродного брата — учителя у себя дома. Но Александр Иванович еще в 1884 году возвратился в Казань, ибо страдал «параличом правой стороны тела вследствие мозгового кровотечения». Шло время, но последствия тяжелого недуга еще оставались, и теперь в свои 30 лет Александр Иванович Веретенников, преподаватель одной из казанских гимназий, выглядел пожилым человеком, к тому же душевно надломленным.

Более интересной личностью для Владимира Ильича был старший его на пять лет тезка — Владимир Веретенников, успешно завершавший после окончания физико-математического факультета Казанского университета кандидатскую диссертацию «О фигурах равновесия жидкости, свободной от действия тяжести» [1]. С ним было о чем побеседовать, ибо Владимир Иванович сотрудничал в статистическом бюро губернского земства и имел у себя его издания. А весной 1888 года в сборнике «Казанская губерния в сельскохозяйственном отношении по сведениям, полученным от корреспондентов за 1887 год», была помещена обстоятельная статья и самого В. Веретенникова «Метеорология в применении к сельскому хозяйству».

В этом же сборнике в качестве корреспондента выступил и еще один двоюродный брат Владимира Ильича — 25-летний Александр Александрович Ардашев, выпускник юридического факультета Казанского университета. Он дольше всех из своей семьи ежегодно находился в Кокушкине, где управлял всем «недвижимым имением», доставшимся после кончины деда его пятерым дочерям. Но глубокий кризис, усугублявшийся частыми недорода-

ми, разорял не только крестьян, но и мелкопоместных помещиков, и у них не хватало хлеба от урожая до урожая. Зимой 1887/88 года мать Александра Ардашева была вынуждена заключить в Черемышевском волостном суде такую сделку: «Землевладелица деревни Кокушкино Л. А. Пономарева получает взаймы сроком до 20 октября 1888 года от помещика деревни Змиевой Г. В. Дыдыкина 160 пудов муки и 40 мер зерна» [2].

Все двоюродные братья, несомненно, были людьми честными, но по своим политическим взглядам не шли дальше либеральных воззрений на злободневные вопросы общественной жизни. Однако любую просьбу Владимира Ильича и Анны Ильиничны достать и привезти понадобившуюся им легальную литературу или помочь в отправке корреспонденции они, конечно же, выполняли добросовестно. В каждый свой приезд в Кокушкино они привозили и последние городские новости.

Теперь в часы досуга в лице двоюродных братьев у Владимира Ильича появились товарищи для бесед, прогулок, игры в шахматы, бильярд, городки и купания. Даже старшие по возрасту нередко уступали ему в играх и, как подметила Анна Ильинична, «сильно пасовали перед метким словцом и лукавой усмешкой Володи» [3]. Большую же часть дня, следуя своему правилу, Владимир Ильич занимался у себя в комнате, а в теплую погоду уходил на берег Ушни, где располагался под кустиками в тени.

Всех обитателей Кокушкина волновала трагическая судьба Анны Ивановны Веретенниковой, возвратившейся сюда безнадежно больной скоротечной чахоткой. Ей шел всего лишь 33-й год, но она давно завоевала репутацию одной из лучших русских женщин-врачей и тружениц науки, народной просветительницы и автора талантливых статей, публиковавшихся в центральной и поволжской печати. В свое время Илья Николаевич любил беседовать с Анной Ивановной о жизни крестьян и положении народной школы. Повзрослев, Анна, Александр, а затем

и Владимир тоже с глубоким уважением относились к своей двоюродной сестре.

Врачи не смогли спасти свою коллегу. Она скончалась 26 июля на руках матери, недавно пережившей трагическую гибель сына (только что окончившего институт путей сообщения). Через день вместе с родными Владимир Ильич хоронил Анну Ивановну и глубоко скорбел о безвременной кончине общей любимицы. Эта утрата взволновала многих. 31 июля «Волжский вестник» откликнулся на смерть Веретенниковой весьма прочувствованным некрологом: «Анна Ивановна, живя в Казани, обладала значительной практикой среди беднейшего населения города Казани. Она не только лечила всех бедняков бесплатно, но, не обладая средствами, сама помогала им и материально. Очень часто она, сама больная, отдавала себя всю, свои средства и свои знания, на пользу бедных. Не ожидая оплаты своего труда, она нередко бывала просто сиделкой при больной. Тесными узами соединялась она с больными; следя от начала до конца за ходом болезни своей пациентки, она не оставляла последнюю и по ее выздоровлении; она заботилась не только о больных, но и о здоровых. Будучи по своей специальности окулисткой, она, однако, не ограничивала сферы своей врачебной деятельности; бедняк не разбирал, что лечит добрый доктор, и шел к нему со всякими болезнями... не скоро забудет Анну Ивановну и бедное население г. Казани, которое она лечила, учила грамоте: не скоро забудут ее и те все, с которыми ей пришлось сталкиваться».

Само по себе жизненное подвижничество Анны Ивановны уже являлось впечатляющим примером служения народу. Несомненно, Владимир Ильич запомнил многое из того, что Анна Ивановна доверительно рассказывала родным и близким: о своей приятельнице, идейной учительнице, которая не ограничивалась преподаванием грамоты ребятам, а собирала по вечерам крестьян, читала, беседовала с ними, за что подверглась, к общему горю всей

деревни, допросу и аресту, о том, как однажды сама была арестована по подозрению в пропаганде среди крестьян и как ей было отказано в защите докторской диссертации только потому, что она женщина [4]. Владимир Ильич, не раз читавший статьи и очерки двоюродной сестры, в которых она защищала женские врачебные курсы, народную школу и резко критиковала чиновников-бюрократов, крепостников и сельских мироедов, теперь с гордостью отметил, что «Русское богатство», «Исторический вестник» и «Волжский вестник» тепло почтили память Веретенниковой как талантливого окулиста и хирурга, сельского врача, активного общественного деятеля и талантливого публициста.

Только на исходе лета смогла приехать из Петербурга в Кокушкино родная сестра Анны Ивановны Екатерина Ивановна Песковская, урожденная Веретенникова — поклониться дорогой могиле и навестить родных. Екатерина Ивановна была особенно близка Ульяновым. Еще в Симбирске она работала учительницей в женском приходском училище под непосредственным наблюдением Ильи Николаевича и часто бывала в доме Ульяновых на Московской улице. А в 1883 году двоюродные сестры Анна Ульянова и Екатерина Веретенникова вместе поступили на Бестужевские курсы в Петербурге. Там же Екатерина Ивановна вышла замуж за довольно известного прогрессивного публициста Матвея Леонтьевича Песковского, и в их квартире часто бывали Александр и Анна. Когда их арестовали, то М. Песковский настойчиво добивался того, чтобы родственников выдали ему на поруки. И только после того, как выяснилось, что это невозможно, Екатерина Ивановна сообщила о случившемся Марии Александровне в Симбирск. Песковские чем могли помогали ей в хлопотах за детей, а после трагической гибели Александра добились досрочного освобождения Анны из тюрьмы, и она с матерью прожила несколько дней у них до отправления в ссылку.

Приезд двоюродной сестры стал желанным событием

для Анны и Владимира. Воспоминания, приятные и горькие, письма от подруг Анны, петербургские новости — все это внесло живую струю в размеренное течение кокушкинской жизни.

Незадолго до кончины Анны Ивановны полиция вручила Владимиру Ильичу ответ на его прошение: «Г. Министр изволил изложенное ходатайство отклонить». Так, без всяких объяснений, в министерстве народного образования зачеркнули надежды на продолжение образования. Впрочем, этого следовало ожидать. И дело здесь не только в том, что чиновники припомнили Ульянову сходку. Инспектор Потапов, как мы знаем, считал его «вполне способным к различного рода противозаконным и преступным демонстрациям». Попечитель учебного округа, сообщая в министерство о своем полном согласии с мнением Потапова о невозможности обратного приема Владимира Ульянова в Казанский университет, счел нужным приписать: «Проситель — родной брат Ульянова, подвергнутого смертной казни за участие в политическом преступлении... при выдающихся способностях и весьма хороших сведениях, он ни в нравственном, ни в политическом отношении лицом благонадежным признан пока быть не может» [5].

После получения Владимиром Ильичем удручающего отказа из министерства народного просвещения 15 июля Мария Александровна направила директору департамента полиции П. Н. Дурново, который все еще молчал, новое, более краткое, но настойчивое прошение: «Желая по различным семейным обстоятельствам, чтобы сын мой Владимир имел возможность окончить свое образование, находясь при мне, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство разрешить ему поступление в Казанский университет» [6].

На этот раз довольно быстро — 12 августа — П. Н. Дурново сообщил Марии Александровне (через казанского губернатора), что «принятие сына ее Владимира Ильина Ульянова обратно в Казанский университет пред-

ставляется, по мнению департамента, преждевременным»[7]. Не разрешая Владимиру Ильичу обратное поступление в университет, правительство тут же «позаботилось» и о том, чтобы лишить его возможности поступления на службу: 19 августа кабинет министров включил В. И. Ульянова в список лиц, коим «негласно закрыт доступ» на службу в любом государственном учреждении России[8]...

Обстановка для Владимира Ильича складывалась крайне неблагоприятная. Но отказы из Петербурга не обескуражили Ульяновых, ни на йоту не поколебали их решимости довести начатое дело до конца. Узнав, что 26 августа в Казань прибыл министр народного просвещения И. Д. Делянов, Мария Александровна добилась приема и 31 августа лично вручила ему новое прошение, в котором с болью писала: «...Сын единственная опора моей старости и трех меньших детей, оставшихся сиротами после смерти их отца, прослужившего 30 лет по М-тву народного образования...

Если... найдете неудобным позволить сыну моему Владимиру поступить вновь в Казанский университет, то разрешите ему поступление в один из Российских университетов: Московский, Киевский, Харьковский или Дерптский»[9]. Какая самоотверженность матери видна между строками этого составленного строго узаконенным слогом прошения! Ведь Мария Александровна в такое трудное для себя время, когда старшая дочь томится в кокушкинской ссылке, Ольга и Дмитрий учатся в Казани, невзирая на опасения за судьбу Владимира, готова отпустить его, как и Александра, в один из далеких и незнакомых городов, согласна жить на три семьи и метаться из одного края империи в другой.

Обращаясь к министру, Мария Александровна не обольщала себя особыми надеждами: ведь Делянова ненавидела вся передовая Россия. Вот как характеризовал его профессор Б. Н. Чичерин: «Маленький, толстенький старичок, с совиною армянскою физиономиею и с мягкими,

добродушными приемами, он умственно был полнейшее ничтожество, а нравственно совершеннейший подлец, холоп всякого, у кого была сила и власть. Сам он не имел никаких целей и видов, кроме желания держаться, и готов был на всякие пакости, чтобы угодить начальству...»[10] И этот, по выражению Б. Н. Чичерина, «чистый лакей» наложил на прошение Марии Александровны резолюцию: «Ничего не может быть сделано в пользу Ульянова»[11].

Министр явно мстил Марии Александровне и ее сыну за то, что в их прошениях не было ни одной нотки раскаяния или хотя бы сожаления об участии Владимира Ильича в сходке-демонстрации. Ведь, например, по-холопски раскаявшегося участника сходки Николая Алексеева Делянов еще в январе 1888 года разрешил принять в Киевский университет.

Но от Ульяновых раскаяния так и не дождались. Владимир Ильич, отчаявшись получить право на возвращение в какой-либо российский университет, конечно с согласия матери, 6 сентября послал принципиально новое по содержанию прошение на имя министра внутренних дел: «Для добывания средств к существованию и для поддержки своей семьи я имею настоятельнейшую надобность в получении высшего образования, а потому, не имея возможности получить его в России, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство разрешить мне отъезд за границу для поступления в заграничный университет»[12].

Хотя в этом прошении и употреблено общепринятое в обращении к сановникам наречие «покорнейше», но тон, которым оно было написано, говорит как раз об обратном. В то же время это прошение имело явный оттенок обвинения правительства в жестокости к участникам мирной студенческой демонстрации. Разумеется, и оно было отклонено. Однако настойчивые усилия Ульяновых, как и других жертв бессмысленной реакции, сыграли определенную роль в том, что к осени 1888 года департамент полиции был вынужден издать циркуляр, разрешав-

ший исключенным студентам вернуться в университетские города, если там живут их родственники.

Первой приехала в Казань Мария Александровна с младшими детьми незадолго до начала учебного года. На этот раз остановились было на квартире в доме Апехтиной на Грузинской улице, но в первый же день выяснилось, что она непригодна для жилья зимой. Ольга Ильинична 2 сентября 1888 года сообщала в связи с этим Александре Щербо: «Пишу тебе это письмо «на досуге», сидя в пустой квартире, где нет никого и ничего кроме стола и стульев, принесенных дворником. Мы с мамой обошли всю Казань, остановились было на этой квартире, да оказалось, что она сырая, и мы на ней не останемся. Беда с этими квартирами!.. Сейчас вернулась мама — наняла квартиру: Первая гора, д. Орлова. Пришли мне письмо на новоселье: мы еще через два дня будем переезжать» [13]. А неделю спустя Ольга Ильинична в следующем письме к той же подруге добавила подробности: «Квартира большая, светлая, только что отделанная; при ней порядочный садик — да только втроем (мы пока только трое в Казани) в ней довольно пусто и скучно» [14]. Однако в полном смысле слова скучать, конечно, не приходилось: Ольга Ильинична занималась в музыкальной школе А. А. Орлова-Соколовского, а Дмитрий учился в 4-м классе 1-й казанской классической гимназии.

В то время как родные в Казани осваивали новое жилье, в Кокушкино приехал из Самары Марк Тимофеевич Елизаров — один из самых желанных и преданных друзей семьи Ульяновых. В годы учения в Петербургском университете Марк Тимофеевич познакомился с Александром и Анной, вместе с ними принимал активное участие в симбирско-самарском землячестве, а потом и в Добролюбовской демонстрации 17 ноября 1886 года. После ареста Александра Ильича до делу 1 марта 1887 года в его записной книжке жандармы нашли фамилию Елизарова, и Марк Тимофеевич попал за близкие отношения с Ульяновым за решетку. Вскоре, правда, он был выпущен на

свободу, но тут же выслан на родину, в деревню Бестужевку Самарской губернии. Трудной для Ульяновых весной 1887 года Марк Тимофеевич, как жених Анны Ильиничны, просил телеграммой директора департамента полиции назначить для невесты местом ссылки не Сибирь, а Симбирскую или Самарскую губернию. Этого же добивалась тогда и Мария Александровна, ссылаясь на местожительство жениха старшей дочери.

Почти год Марк Тимофеевич жил у своего брата — крестьянина и какое-то время учительствовал в Бестужевской народной школе. Много занимался самообразованием и настойчиво добивался разрешения жить в губернском городе, с тем чтобы устроиться там на службу в каком-нибудь учреждении. Но только летом 1888 года он получил право на проживание в городе и скромную, по существу писарскую, должность помощника секретаря Самарского мирового съезда, дававшую ему хоть какой-то заработок для существования [15]. Теперь-то наконец Марк Тимофеевич смог осуществить и поездку в Кокушкино, навестить любимую девушку и ее родных, с которыми непоправимое горе его сблизило навсегда.

Владимир Ильич много слышал о Марке Тимофеевиче и знал, что брат Александр очень уважал этого незаурядного человека, выходца из простой крестьянской семьи, за его кристальную честность, демократизм, уравновешенность характера, жизнерадостность и вместе с тем большую общественную активность, за глубокое знание положения современной деревни. Понятно, что Владимир Ильич, уже проявлявший живой интерес к судьбам крестьянской общины, обменивался с Марком Тимофеевичем своими наблюдениями. В ходе бесед, очевидно, затрагивалось положение политических поднадзорных в Самаре, с которыми общался Марк Тимофеевич. Это товарищ Александра Ильича И. Н. Чеботарев, исключенный вместе с Владимиром Ильичем студент-медик Викентий Савицкий и другие участники сходки 4 декабря 1887 года.

Во время пребывания Марка Тимофеевича в Кокуш-

кине, конечно, обсуждался вопрос о предстоящем его браке с Анной Ильиничной. Для вступления в брак Анна Ильинична, как поднадзорная, должна была получить разрешение губернатора. Кроме того, предстояло добиться в Петербурге права на ее переезд в Самарскую губернию. Самой же трудной задачей оставалось возобновление Владимиром Ильичем учебы в университете. Для решения всех этих проблем требовалось несколько месяцев.

Не исключено, что Владимир Ильич во время бесед с Марком Тимофеевичем поделился с ним сокровенным: о намерении послать в Астрахань письмо Н. Г. Чернышевскому. Ведь именно в эти сентябрьские дни Владимир Ильич, горячо восхищавшийся той непримиримостью, достоинством и гордостью, с какой великий революционер переносил «свою неслыханно тяжелую судьбу», послал ему письмо в астраханскую ссылку»[16]. Опускать его в почтовый ящик было опасно во многих отношениях, и можно полагать, что Владимир Ильич попросил Марка Тимофеевича взять письмо и уж из Самары переправить его в Астрахань.

Содержание и судьба письма Владимира Ильича неизвестны. Однако несомненно, что он выразил чувства своего глубочайшего уважения к Николаю Гавриловичу как к человеку, мыслителю и писателю. На свое письмо он ответа не получил и был очень огорчен этим. Может быть, оно не дошло до Чернышевского? А может быть, дошло, но Николай Гаврилович был настолько осторожен, что не захотел усугублять своей перепиской и без того тяжелое положение брата казненного революционера... *

В середине сентября Владимир Ильич с понятным волнением покинул место своей ссылки. Радость возвращения в город омрачалась тем, что Анна Ильинична пока еще оставалась в Кокушкине. Правда, не одна, а с

---

* Сын Н. Г. Чернышевского Михаил учился вместе с Александром Ульяновым на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета.

Маняшей. К счастью, уже в начале октября стало известно, что ходатайства Марии Александровны о разрешении старшей дочери (на основании врачебного свидетельства) приехать в город для лечения увенчались успехом: департамент полиции через губернатора сообщил об удовлетворении прошения матери. 12 октября Анна Ильинична с Маняшей были уже вместе со всеми родными. Анна Ильинична 15-го числа делится этой важной и приятной новостью с петербургской подругой: «...Я в Казани, куда меня пустили на 4 месяца лечиться от нервной болезни. Очень приятно, что зиму можно провести вместе... Наслаждаюсь теплом, чистотой и уютностью после нашего деревенского помещения. Я чувствую себя гораздо бодрее эту осень, чем раньше».

Примечательна нотка сожаления, высказанная в этом письме по поводу отъезда из Кукушкина: «В деревне увлеклась было одним делом, но начать его не привелось: выучилась у проходившей кружевницы плести кружева с целью обучить этому деревенских девушек, чтобы они могли зарабатывать что-нибудь в зимние месяцы, — но вот я уехала...» [17] Эти строки еще раз убеждают нас, что Ульяновы поддерживали дружеские отношения с крестьянами, а те, в свою очередь, не чурались ссыльных.

Ссылка не сломила ни Анну Ильиничну, ни Владимира Ильича. Они остались верны своим убеждениям, сохранили завидную работоспособность, целеустремленность, глубокий интерес к жизни, стремление подготовить себя к борьбе за ее коренное переустройство.

СНОВА В КАЗАНИ

Квартира, которую мать сняла у жены чиновника Е. И. Орловой, находилась на знакомой уже Первой горе *, в четырехстах метрах от дома Ростовой, в котором они

---

* Улица Ульяновых, д. 58. Теперь это Дом-музей В. И. Ленина.

квартировали на первых порах по приезде в Казань и где продолжали жить родственники Ардашевы. Новая квартира была примерно на таком же расстоянии и от дома Соловьевой, из которого Владимира Ильича увезли в полицейскую часть в памятную ночь на 5 декабря.

Хозяйка была довольно предприимчивой женщиной. Сама жила в одноэтажном доме, выходившем окнами на улицу, а остальные три своих дома сдавала *. С одних Ульяновых за квартиру с водой и дровами она получала около 40 рублей в месяц. Для Ульяновых это были большие деньги.

Флигель, где поселились Ульяновы, находился в глубине двора, метрах в двадцати от улицы, почти на краю большого оврага. Однако это жилье имело для Владимира Ильича свои достоинства: относительная тишина — сюда меньше проникал уличный шум от гужевого транспорта — и сад, откуда по крутой лестнице можно было сойти на Овражную улицу, а по ней — в торговую часть города.

Владимир Ильич выбрал себе одну из кухонь, находившихся на нижнем этаже. И не случайно: она имела черный ход, была уединеннее и удобнее для серьезных занятий, чем комнаты верхнего этажа. Обстановка и здесь у него была скромной и рабочей. Железная, покрытая простеньким одеялом кровать. Над изголовьем — подвесные книжные полки. Возле единственного окна — столик. На нем керосиновая лампа, песочница вместо промокашки, перочистка и большая стеклянная чернильница, которой пользовался в Кокушкине еще дед Александр Дмитриевич. В правой стороне комнаты — печка с лежанкой.

На второй этаж вела узкая крутая лестница. Там было четыре комнаты. В одной разместились мать с Ольгой и Маняшей, в соседней — Анна, в конце коридора — комнатка Дмитрия. Лучшая из всех служила одновременно гостиной и столовой, где трижды в день все собирались за обеденным столом. Здесь же младшие дети готовили уро-

* В одном из них в 1884 году жил 16-летний Максим Горький.

ки, взрослые читали вслух, обсуждали журнальные новинки. Вновь зазвучал рояль, привезенный из Симбирска.

Владимир Ильич еще не потерял надежды получить юридическое образование и, очевидно, встречался с земляками-сокурсниками, учившимися уже второй год. У кого, как не у А. Писарева, В. Разумова, М. Забусова и В. Андреева, удобнее всего можно было выяснить учебные программы, просмотреть их конспекты, а в случае надобности получить на время и специальную литературу? На первый курс вернулись принимавшие участие в сходке Ф. Стратонов и К. Глядков. Но обошлось им это дорого — ценой унизительного покаяния. Глядков, например, в прошении на имя министра народного просвещения просил Делянова обратить «милостивое внимание» на свое «искренннее раскаяние» в «необдуманном поступке» и не заставлять «из-за одного легкомысленного шага отказаться от заветного желания получить университетское образование» [1]. (Забегая вперед, заметим, что К. Глядков впоследствии примет участие в освободительной борьбе как левый эсер, будет отбывать ссылку в Архангельской области. Советскую власть он встретит лояльно.)

Владимиру Ильичу было чуждо отступление от своих убеждений: он нигде и ни разу не выразил своего раскаяния. И ему этого не прощали. В ответ на прошение от 6 сентября о разрешении выехать за границу для поступления там в университет департамент полиции через губернатора уведомил Владимира Ульянова, что «находит выезд его за границу преждевременным» [2].

Владимир Ильич старался не терять оптимизма, но очень уж невеселые складывались обстоятельства: доступ в российские университеты по-прежнему закрыт, за границу не пускают, а слежка продолжается. Старшая сестра с огорчением сообщала подруге: «Брат тоскует как-то вследствие своих неудач (его и за границу не пустили и вообще косятся очень на бедняжку, раздувают все страх как). Не знаю, что будет, — но я, впрочем, отучаю себя теперь смотреть в будущее: довольно настоящих забот...

Продолжаю изучение итальянского языка... но все это накопление знаний, а прилагать их хочется» [3].

Тосковала по настоящему делу и Ольга Ильинична, но, как и у старшей сестры, у нее было немало будничных забот: помогала Маняше готовиться к поступлению в гимназию, продолжала заниматься в музыкальной школе, хотя и не собиралась заканчивать в ней полный курс. Подруге она писала: «Да, конечно, музыка чудная, прекрасная вещь, источник чистых наслаждений... Только помнишь ты, Саша, что мы перед моим отъездом из Симбирска (в 1887 г. — *Ж. Т.*) говорили о музыке, и я тогда сказала, что мне кажется, как-то совестно отдаться музыке, если можешь приносить какую-нибудь более существенную пользу. Ты тогда со мной вполне согласилась и, конечно, и теперь скажешь то же самое. Разумеется, это по отношению к обыкновенным смертным, а не к Моцартам или Бетховенам» [4]. Поэтому сразу же по приезде в Казань Ольга нашла частный урок — стала готовить одиннадцатилетнюю девочку к вступительным экзаменам в гимназию.

Но чем бы Ольга ни занималась, она ни на один день не оставляла вдумчивой работы над книгой. О серьезности ее вкуса видно из письма к А. Щербо в Симбирск от 28 декабря 1888 года: «Не читала ли ты «Пошехонской старины» в «Вестнике Европы»? Если нет, то прочитай: мне очень нравится» [5]. Ольга не поясняет, почему именно ей понравилось это новое произведение Салтыкова-Щедрина, ибо рассчитывала на то, что подруга умеет читать между строк. Но, учитывая, что журнальные новинки Ульяновы читали обычно дома вслух, а потом и обсуждали их, надо полагать, что Ольга всем сердцем (как, впрочем, и вся семья Ульяновых) приняла антикрепостническую направленность произведения.

Главным поставщиком книг и журналов для домашнего чтения был Владимир Ильич, который доставал их в библиотеках и у знакомых. Он давно сменил форменную студенческую одежду (она достанется по наследству Дмитрию) на штатскую: скромное драповое пальто без ватной

подкладки, темный пиджак с жилеткой и белую рубашку «фантазию» с мягким отложным воротничком, повязанным вместо галстука шнурком с кисточкой. С наступлением холодов — а они в ту зиму выдались на редкость лютыми (даже занятия в школах и гимназиях прекратились на две недели раньше рождественских каникул) — пальто он заменил шубой с темно-зеленым верхом; на голове носил связанную и сваляннную матерью из шерсти шапочку [6]. В таком виде он не бросался в глаза. А «негласный надзор полиции без срока» за ним велся. В октябрьском за 1888 год «Списке лиц, состоящих под надзором полиции» указывалась и причина: «Вредное направление». Жандармы в донесении своему столичному шефу от 3 ноября отмечали: «проживает в квартире матери своей без определенных занятий» [7]. Но хранители «порядка» ошибались. Владимир Ильич продолжал много заниматься самообразованием по составленной им самим вполне определенной программе.

В часы досуга он с увлечением учил брата овладевать искусством шахматной игры. Владимир Ильич доставал заветные шахматы, с которыми было связано столько воспоминаний: этими фигурами отец учил играть его, на этой доске развертывались горячие баталии с Сашей. Но главная ценность их заключалась в том, что выточил их на токарном станке сам отец, еще в Нижнем Новгороде. Пользовались они с Митей теперь тем же учебником шахматной игры, по которому с Сашей в Симбирске разбирали образцовые партии.

Вспоминая ту зиму, Дмитрий Ильич писал: «Однажды... Владимир Ильич попробовал свои силы, «не глядя на доску»... Никогда не видевши такой игры и полагая, что это чрезвычайно трудная штука, я уверенно уселся за шахматы и решил сбивать его необычными ходами и разными «шпильками», авось не заметит. Он уселся на кровать и стал диктовать свои ходы. Несмотря на все свои выкрутасы, я был разбит очень скоро в пух и прах» [8].

Иногда к Владимиру Ильичу приходил двоюродный брат Александр Ардашев — партнер по шахматам еще

Ильи Николаевича и Саши, и тогда-то происходило настоящее сражение. Ардашев уже давно закончил университет и имел в городе немало знакомых. Вместе с ним Владимир Ильич стал ходить в шахматный клуб, помещавшийся на Воскресенской улице [9].

В эту зиму Марк Тимофеевич — большой любитель мудрой игры — организовал партию по переписке между Владимиром Ильичем и сильнейшим самарским шахматистом А. Н. Хардиным, который считался одним из лучших мастеров России. Ходы передавались по почте, обыкновенно открытками [10]. Владимир Ильич партию проиграл, но приобрел в лице Хардина такого знакомого, которым можно было гордиться: присяжный поверенный (адвокат) А. Н. Хардин был известен как один из самых демократически настроенных земцев страны.

Письма Хардина доставляли Владимиру Ильичу удовлетворение еще и потому, что они являлись своего рода демонстрацией гражданской смелости видного юриста, поддерживающего знакомство с братом Александра Ульянова. Замечу, что среди симбирских знакомых Ольги и петербургских Анны тоже нашлись порядочные люди, которые более или менее регулярно писали им в Кокушкино и Казань.

Ольге, кроме Александры Щербо, слали свои задушевные послания Варвара Половцева, Нина Супротивная и некоторые другие подруги, с которыми она вместе окончила гимназию. Если охранка и просматривала эту корреспонденцию, то ничего явно «политического» в ней не находила. Благодаря же письмам Ольга, да и все ее родные были в курсе симбирских событий и жизни некоторых знакомых. Любителей по долгу службы просматривать чужие письма больше, конечно, интересовала переписка Анны Ильиничны. А ей, кроме супругов Дьяконовых, из Петербурга писала Лидия Винберг, а приветы передавала Лидия Шевырева — родная сестра казненного вместе с Александром Петра Шевырева.

Владимир Ильич после того, как старшая сестра убе-

дила его не посылать письма Б. Фармаковскому с откровенным рассказом о сходке 4 декабря, вряд ли с кем вел переписку, кроме М. Т. Елизарова и, может быть, И. Н. Чеботарева — друга Александра Ильича, проживавшего тоже в Самаре. Вести активную переписку не приходилось еще и потому, что большая часть знакомых по гимназии была рядом, в Казани. Возможно, история с письмом окончательно убедила молодого Владимира Ульянова, что без соблюдения строжайшей конспирации в России немыслима серьезная революционная работа. По-прежнему в этом деле примером являлся Саша. Ведь хватило же у него выдержки, чтобы в последнее каникулярное лето в Симбирске вести себя так, будто его, кроме изучения кольчатых червей, ничего более не интересует. Владимиру тогда даже подумалось: «Нет, не выйдет из брата революционера» [11]. А в последние дни перед покушением на царя Саша даже с Аней перестал встречаться, чтобы не навлекать на нее никаких подозрений...

А полиция продолжала беспокоить Анну.

В конце ноября полицейский чиновник явился в квартиру Ульяновых. Дело в том, что привлекаемый в качестве обвиняемого Петербургским губернским жандармским управлением фельдшер А. В. Богоявленский куда-то исчез. Разыскивая беглеца, жандармы сообщили казанскому губернатору, что он известен «состоящей под надзором полиции Анне Ильиной Ульяновой...». Губернатор поручил полицмейстеру допросить ссыльную, а она, как это видно из донесения от 2 декабря, о личности Богоявленского и его месте жительства «отозвалась неизвестностью» [12]. Инцидент этот не имел каких-либо последствий для Анны Ильиничны, но сам по себе визит полицейского чиновника встревожил всю семью и особенно мать.

Этот очередной допрос вызывал и у Владимира Ильича тревожные раздумья. Ведь сравнительно недавно Анну возили из Кокушкина в Казань по поводу Воеводина. Теперь сбежал Богоявленский. А завтра — кто? Неуже-

ли каждое знакомство с любым другим политически «неблагонадежным» и впредь будет поводом для бесцеремонного вторжения полиции в их дом? Неужели жандармы всерьез думают, что изолированная более двадцати месяцев поднадзорная может у них под носом скрывать сбежавшего несколько недель назад Богоявленского? И разве она сказала бы о нем что-нибудь компрометирующее или наводящее на его след, если бы и знала? Ведь они уже не раз имели возможность убедиться в ее умении «держать язык за зубами». Все это, безусловно, понимают — и власти, и «блюстители порядка» — и все-таки не дают им покоя своими оскорбительными визитами, вызывая новый поток слухов, подвергая и так страдающих людей этой изощренной форме издевательства.

А опасаться повторений полицейских налетов теперь можно было и не только в связи с «подозрительными» знакомствами Анны. Думать так у Владимира Ильича были все основания. В Казани находились его товарищи, причастные к революционному подполью. Они в любую минуту могли «влететь» и дать повод жандармам нагрянуть в его дом. Владимир Ильич не имел права сбрасывать со счетов такую вероятность и, не желая быть виновником новых душевных травм самого дорогого для него человека, в первое время жизни в Казани, по словам старшей сестры, вел себя «довольно осторожно». Она же и поясняет почему: «...из внимания к матери» [13]. Внимание к матери — это то самое большее и самое необходимое, что он мог ей дать и в чем сам чувствовал потребность. «Исключительное мужество, с которым она переносила несчастье с потерей брата Александра, — вспоминала Анна Ильинична, — вызывало удивление и уважение даже со стороны посторонних людей. Тем более чувствовали это мы, дети, ради которых, для забот о которых она страшным усилием воли сдерживала себя» [14].

Огромным авторитетом и любовью мать пользовалась у Владимира Ильича всегда. Теперь же он особен-

но чутко прислушивался к ее словам. Анне Ильиничне навсегда запомнился характерный эпизод казанской поры. Владимир Ильич начал «покуривать». Мать, опасаясь за его здоровье, стала убеждать бросить курение. «Исчерпав доводы относительно вреда для здоровья, обычно на молодежь мало действующие, — писала Анна Ильинична, — она указала ему, что и лишних затрат — хотя бы копеечных (мы жили в то время все на пенсию матери) — он себе, не имея своего заработка, позволять бы, собственно, не должен. Этот довод оказался решающим, и Володя тут же — и навсегда — бросил курить» [15]. Довод о расходах, как сама потом призналась Мария Александровна, был приведен в качестве «последней зацепки».

Как ни трудно было Ульяновым, жившим на пенсию, сводить концы с концами, мать не только не жалела, но, наоборот, радовалась, когда Владимир шел с Ольгой или Дмитрием в театр послушать оперу. Дмитрию Ильичу врезалось в память одно из таких посещений. Ставили «Дочь кардинала» французского композитора Ж.-Ф. Галеви. Места их были высоко на галерке. Из театра возвращались пешком, поужинали молоком с хлебом. Владимир Ильич, попавший из глухой деревушки в оперу, находился в чрезвычайно приподнятом настроении. Под впечатлением музыки и блестящего исполнения арий Елиазара Ю. В. Закржевским, который, по мнению казанских критиков, «по силе игры и экспрессии едва ли имел в этой роли солидного соперника» [16], он еще долго находился в этом праздничном состоянии духа и тихо, так как все в доме уже спали, припоминал места из арий главного героя. Постановка настолько запомнилась, что, когда в Мюнхене ему вновь довелось встречаться с этой же оперой Галеви, Ленин написал матери: «...И слышал ее раз в Казани (когда пел Закржевский), лет, должно быть, 13 тому назад, но некоторые мотивы остались в памяти» [17].

Этой же зимой Владимир Ильич вместе с Ольгой слушал и оперу «Фауст» Ш. Гуно. Больше всего ему понра-

вилась ария Валентина «Бог всесильный, бог любви...», и дома он тоже ее потом напевал. Особенно хорошо выходило то место, в которое он невольно вкладывал частицу своего боевого духа:

Там, в кровавой борьбе, в час сраженья,
Клянусь, буду первым я в первых рядах...

Дмитрию Ильичу запомнилась смена настроений у брата в ту пору: «...то веселый, смеющийся заразительно, как ребенок, увлекающий собеседника быстрым бегом своей мысли, хохочущий без конца, до слез, то мрачно сдержанный, строгий, ушедший в себя, сосредоточенный, властный, бросающий короткие, резкие фразы, углубленный в разрешение какой-то трудной, важной задачи» [18].

ИЗУЧАЯ «КАПИТАЛ» К. МАРКСА

Возвращение в Казань для Владимира Ильича было не столько возвращением к городской цивилизации, сколько вновь открывшейся долгожданной возможностью жизненно необходимого ему общения с демократической молодежью и участниками революционного движения. Соблюдая осторожность, которую никогда не отождествлял с трусостью, Владимир Ильич прежде всего восстанавливает старые связи по симбирско-самарскому землячеству и кружку «вредного направления».

Одним из удобных легальных каналов поддержания отношений между «декабристами 1887 года» были редакции «Волжского вестника» и «Казанского биржевого листка», в которых активно сотрудничали такие старые знакомые Владимира Ильича, как А. Коринфский, Л. Троицкий, К. Сараханов. Кстати, последний из них вполне мог рассказать о забавном эпизоде, происшедшем в годовщину сходки. Д. Матвеев, Е. Чириков и еще несколько человек, собравшихся в Царицыне, вечером 4 де-

кабря с телеграфной станции «Нобель», воспользовавшись отсутствием телеграфиста, отстукали такую вызывающую по смелости телеграмму: «Казань, Биржевой листок. Сараханову. Поздравляем с годовщиной, пьем за товарищей и общее дело» [1].

Но Владимира Ильича не могли удовлетворить только старые связи, тем более что многие из самых революционно настроенных товарищей были вынуждены покинуть Казань. Естественно, что он ищет и налаживает новые знакомства среди местного подполья. Учитывая особое поднадзорное положение своей семьи и не желая подвергать родных опасности, Владимир Ильич почти не приводил своих знакомых домой, а уходил обычно на другие квартиры, где они собирались. Из фамилий, которые он упоминал в рассказах об этих встречах, Анне Ильиничне запомнились две: Марии Павловны Четверговой (урожденной Орловой), «пожилой народоволки», о которой брат, по ее словам, отзывался «с большой симпатией», и бывшего студента — автора знакомой нам уже «Оды русскому царю» Евгения Чирикова [2], одного из руководителей сходки 4 декабря 1887 года.

Марии Павловне, вдове штабс-капитана, в то время было около 45 лет. Она имела довольно богатый опыт нелегальной деятельности. Еще в начале 70-х годов вместе с Верой Фигнер ездила в Швейцарию с революционными целями. В 1875 году привлекалась к дознанию в Москве по обвинению в «пропаганде среди народа», а потом находилась под надзором полиции в Вятской губернии. С 1881 года Четвергова проживала в Казани, где, по сведениям жандармов, «постоянно вращалась в кругу лиц политически скомпрометированных». Широко образованная, верная идеям Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского, Мария Павловна благодаря большому самообладанию и выдержанному характеру была искусным конспиратором и годами водила «за нос» полицию. И в то же время она сплотила вокруг себя интеллигенцию и учащуюся молодежь. «Влияние ее в таких кружках, —

вспоминал современник, — было громадно. В ее присутствии было как-то неловко говорить о пустяках... Разговоры с ее приходом переходили на литературные и политические злобы дня»[3].

Как познакомился Владимир Ильич с Четверговой? Скорее всего через ее брата Сергея Павловича Орлова — своего университетского преподавателя английского языка, который был весьма незаурядной личностью, глубоко увлекался философией. Нельзя не учитывать и того факта, что другой брат Четверговой, Семен Павлович, работал в 1883—1884 годах учителем истории и географии в народном училище, подведомственном И. Н. Ульянову[4].

Активным участником разговоров на «литературные и политические злобы» был двадцатипятилетний Евгений Николаевич Чириков. Он представлял собой одну из самых колоритных фигур, которые встречались Владимиру Ильичу в студенческую пору. Чириков был сыном отставного подпоручика из обедневших дворян Симбирской губернии, совсем не имевших земельных угодий[5]. Родился он в Казани, здесь же окончил гимназию и стал сначала студентом юридического, а потом физико-математического факультета. Для освобождения от платы за учение представлял «свидетельство о бедности».

Евгений Чириков много занимался самообразованием и уже на студенческой скамье слыл за подающего надежды поэта, публициста и писателя-реалиста. В деятельности землячеств, в том числе и симбирского, принимал активное участие. Будучи одним из зачинщиков сходки 4 декабря, он даже председательствовал. Владимир Ильич вместе с ним был исключен из университета и находился в пересыльной тюрьме. После освобождения Чирикова выслали в Нижний Новгород. Оттуда он пытался поступить в Ярославский Демидовский юридический лицей, но его не приняли, и вот с конца 1888 года он появился в Казани. Принимая участие в революционном движении, Чириков сочувствовал то народовольцам, то марксизму[6].

Бывая у М. П. Четверговой, Владимир Ильич встречал там весьма популярного в Казани литературного обозревателя «Волжского вестника» Александру Петровну Подосенову. Свои обзоры столичных журналов, анализ творчества Г. И. Успенского, Н. Г. Помяловского, Н. В. Шелгунова, В. М. Гаршина, С. Я. Надсона и других прогрессивных писателей Подосенова строила так, чтобы побудить читателя глубже задуматься над окружающей действительностью [7]. Но особый интерес для Владимира Ильича имели те заметки Подосеновой, в которых она советовала читателям познакомиться со статьей Н. Г. Чернышевского «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь», появившейся под псевдонимом «Старый трансформист» в сентябрьской книжке «Русской мысли» за 1888 год. Можно было приветствовать и ее попытки при анализе «Пошехонской старины» М. Е. Салтыкова-Щедрина доказать, что «герои» великого сатирика «являются повсюду и теперь» [8].

Огромный интерес вызывали рассказы Подосеновой о материалах, которые цензура не пропустила к публикации. Например, статья «Горький упрек» Глеба Успенского, появившаяся в связи с публикацией в десятой книжке «Юридического вестника» за 1888 год письма К. Маркса. Это был ответ на статью Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Жуковского». Глеб Успенский был далек от подлинного понимания теории научного социализма, но письмо Маркса привлекло его глубиной анализа русской действительности и критикой взглядов Н. Михайловского и других идеологов народничества. Подосенова могла дословно передать слова заведующего редакцией «Волжского вестника» В. Н. Поляка (за которого она вышла замуж) из его письма к Глебу Успенскому: «Ваша статья «Горький упрек»... ходит здесь по рукам. Меня просят спросить Вас, — не позволите ли ее списать в нескольких экземплярах, так как желающих прочесть ее — масса» [9]. Безусловно, что Владимир Ильич был в числе первых в этой «массе»; кто-кто, а он-то уж прошту-

дировал нашумевшее письмо К. Маркса в «Юридическом вестнике» и с интересом следил за развернувшейся вокруг него полемикой.

Надо сказать, что в это время в подпольных кружках Казани получают довольно широкое распространение «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса и «Наши разногласия» Г. В. Плеханова. Идеи научного социализма стали настолько популярны в городе, что даже некоторые народники называли себя марксистами. С. И. Мицкевич вспоминал: «Все они неправильно понимали Маркса: одни признавали его экономическое учение, но не признавали историко-философских выводов из него; другие признавали и то и другое, но с эклектическими «поправками», совершенно извращавшими его учение; третьи готовы были целиком признавать его учение, но только для Западной Европы и Америки, а для России считали его неприложимым; четвертые признавали его приложимым и для России, но... только через некоторое время: дайте нам сначала пошатнуть самодержавие посредством террора, добиться от него хотя бы куцей конституции, а там, пожалуйста, ведите пропаганду среди рабочих, организуйте их в социал-демократическую партию» [10].

Казань не зря считалась «гнездом» народничества: народническая идеология была господствующей среди интеллигенции, радикального студенчества, курсисток и гимназистов-старшеклассников, и в кружках происходили яростные дискуссии между сторонниками отживающего «русского социализма» и приверженцами марксистских и социал-демократических идей.

На одной из таких многолюдных сходок, где вслух читались плехановские «Наши разногласия», присутствовал и пекарь Алексей Пешков. Если будущему автору «Моих университетов» нравились острые и задорные слова, которые легко и просто укладывались в убедительные мысли, то у некоторых присутствующих аргументация Георгия Плеханова вызывала возгласы возмущения:

«— Ренегат!

— Медь звенящая!

— Это плевок в кровь, пролитую героями.

— После казни Генералова, Ульянова...» [11]

Насколько позволяли цензурные условия, отзвуки этой полемики проникали на страницы легальной печати. Из местных авторов наибольшей известностью пользовался земский статистик П. Н. Скворцов, считавшийся «легальным марксистом». В своих статьях, публиковавшихся с 1886 года в «Юридическом вестнике», он указывал на факты, свидетельствующие о росте русского капитализма, проникновении его в сельское хозяйство. Кроме того, П. Скворцов выступал перед учащейся молодежью с критическим обзором книги В. В. «Судьбы капитализма в России» [12]. Но, наверное, еще в Казани Владимир Ильич заметил склонность П. Скворцова «к простому списыванию Маркса». И уж никак нельзя было согласиться с утверждением П. Скворцова, будто «чем меньше земли получили бы крестьяне при освобождении и чем дороже они ее получили бы, тем быстрее шло бы развитие капитализма в России» [13].

Надо полагать, что внимание Владимира Ильича привлекали те статьи и очерки казанских газет, в которых приводились конкретные материалы о бедственном положении рабочих и крестьян, о разложении крестьянской общины, неудачах переселенческого движения, рабочем движении в России и на Западе. Наиболее заметными среди этих статей были: «Наше крупное хозяйство» Н. Мамадышеского [14], «Община и наделы в Волжско-Камском крае» Н. Н. [15], «Фабрично-заводская промышленность Казани в прошлом 1887 году» [16], «Ижевский завод» Н. Никифорова [17].

С пристальным вниманием Владимир Ильич следил за теми публикациями «Волжского вестника» и «Казанского биржевого листка», в которых освещались случаи неповиновения крестьян начальству. Не мог он не заинтересоваться нашумевшим процессом над 46 крестьянами-чу-

вашами из деревни Старые Урмары Цивильского уезда Казанской губернии, оказавшими сопротивление властям при переделе общинной земли [18].

Сообщение о предстоящем заседании военно-окружного суда по этому делу появилось 19 августа 1888 года в «Волжском вестнике». 7 сентября газета подчеркнула: «Зал суда переполнен публикой». Интерес к процессу подогревался еще и тем, что в числе защитников выступал известный в Казани прогрессивный публицист Н. В. Рейнгардт, а переводчиком был студент 1-го курса физико-математического факультета Никифор Михайлович Охотников [19] — тот самый учитель-чуваш Симбирской центральной чувашской школы И. Я. Яковлева, которого Владимир Ильич, будучи гимназистом, готовил полтора года к экзаменам на аттестат зрелости...

Словом, казанская пресса помещала немало таких материалов, которые давали вдумчивому читателю представление об основных противоречиях российской действительности, обильную пищу для раздумий, «против чего именно надо бороться и как бороться» [20]. Успех в предстоящей длительной и упорной борьбе зависел от уровня теоретической подготовки, твердости социал-демократических убеждений, и Владимир Ильич со свойственными ему энергией и целеустремленностью взялся за изучение первого тома «Капитала» Карла Маркса.

Об этой книге и ее гениальном авторе он читал еще в 1883 году, когда в связи со смертью К. Маркса в газетах и журналах, которые выписывали Ульяновы, появились заметки и статьи о жизни, деятельности и творчестве основателя научного социализма. Даже во втором томе «Жизни европейских народов» Е. Н. Водовозовой, который Владимир Ильич получил в гимназии в награду при окончании четвертого класса в 1883 году, давалась рекомендация читать «Капитал» К. Маркса русского издания 1872 года. Этот труд, но уже издания 1884 года, усердно штудировал летом 1886 года живший с ним в одной комнате старший брат. А после отъезда Александ-

ра Владимир Ильич сам достал «Капитал» на немецком языке и даже пытался переводить на русский. Работа, естественно, оказалась тогда не по силам, но интерес к главному труду К. Маркса сохранился навсегда.

Несомненно, что во время длительных бесед в Кокушкине с Анной Ильиничной Владимир Ильич узнал от нее и то, что Александр Ильич подготовил к нелегальному изданию статью К. Маркса о религии, а в переводе этой статьи с немецкого на русский язык принимала участие и она сама[21]. Словом, интерес к марксизму, родившийся у Владимира Ильича еще в Симбирске, укреплялся как во время учения в университете, так и в ссылке.

Достать «Капитал» для изучения после того, как он был изъят в 1885 году из публичных библиотек, было не так-то просто. Правда, в главной (профессорской) библиотеке университета имелись I и II тома «Капитала», и в принципе Владимир Ильич мог получить их через одного из двоюродных братьев Веретенниковых, служившего в университете. Но скорее всего Владимир Ильич взял «Капитал» у М. П. Четверговой, которая увлекалась серьезной социально-экономической литературой и имела ее. Уместно в связи с этим вчитаться в то место воспоминаний Н. К. Крупской, где она рассказывает о посещении Владимиром Ильичем в Уфе (сразу же по возвращении из шушенской ссылки) старой казанской знакомой Четверговой, у которой был книжный магазин: «Владимир Ильич в первый же день пошел к ней, и какая-то особенная мягкость была у него в голосе и лице, когда он разговаривал с ней»[22]. И эти теплые чувства сохранились у него к Марии Павловне, очевидно, не только из-за симпатии к благородной натуре этой носительницы героических традиций народовольцев, но и за ее помощь в получении марксистской литературы.

Приступив к изучению первого тома «Капитала», Владимир Ильич, по собственному признанию, сразу же страстно увлекся этим замечательным образцом «неумолимой объективности в исследовании общественных яв-

лений» и вместе с тем — «научным трактатом, в котором столько горячих и страстных полемических выходок против представителей отсталых взглядов, против представителей тех общественных классов, которые... тормозят общественное развитие» [23].

Карл Маркс дал ответы на проблемы, которые мучительно волновали Владимира Ильича. Но, как подчеркивала Н. К. Крупская, Владимир Ильич изучил не только теорию марксизма, но и «все особенности русских конкретных условий, продумал, как приложить марксистскую революционную теорию к жизни» [24]. И это творческое овладение марксизмом сочеталось с осмыслением собственного опыта — зимой 1888 года — с опытом участия в Казанской сходке, реакции на нее различных слоев русского общества.

«Капитал» с его великими идеями революционной борьбы, строго научной логикой рассуждений и глубиной выводов всецело захватил молодого Ленина. Он даже не замечал, как стремительно летит время. Когда старшая сестра, живо интересовавшаяся изучением «Капитала», спускалась к нему поговорить, Владимир Ильич с большим жаром и воодушевлением рассказывал ей об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывала. «Помню его, как сейчас, — писала Анна Ильинична, — сидящим на устланной газетами плитке его комнаты и усиленно жестикулирующим. От него так и веяло бодрой верой, которая передавалась и собеседникам. Он и тогда уже умел убеждать и увлекать своим словом. И тогда не умел он, изучая что-нибудь, находя новые пути, не делиться этим с другими, не завербовать себе сторонников. Таких сторонников, молодых людей, изучавших также марксизм и революционно настроенных, он скоро нашел себе в Казани» [25]. Прежде всего Владимир Ильич ищет таких сторонников в кружках, возникших под руководством Николая Евграфовича Федосеева, который приобрел репутацию ревностного пропагандиста марксистской теории среди учащейся молодежи.

В ФЕДОСЕЕВСКОМ КРУЖКЕ

Впервые об этом замечательном юноше, организовавшем еще в выпускном классе 1-й казанской классической гимназии кружок самообразования, Владимир Ильич, по-видимому, услыхал от студента-ветеринара Николая Мотовилова еще накануне сходки 4 декабря 1887 года. Знал он — об этом широко говорилось в городе, — что Николай Федосеев за открытое сочувствие сходке уже 5 декабря был исключен из гимназии. Заочному знакомству Владимира Ильича с Федосеевым способствовало и то обстоятельство, что в той же 1-й гимназии в одном с ним классе учились два двоюродных брата — Николай Веретенников и Владимир Ардашев. Да и Дмитрий Ильич, хотя и шел тремя классами ниже, мог тоже что-то рассказывать о столкновениях Н. Федосеева с учителями-рутинерами [1].

С выходом из гимназии Николай Федосеев целиком и беззаветно отдался организации кружков из учащейся молодежи по изучению марксизма. Учитывая печальный опыт последних лет, когда жандармам удалось разгромить несколько революционных кружков, состоявших в основном из студентов, Федосеев разработал строго законспирированную систему кружковой работы.

И. Х. Лалаянц вспоминал: «Организовывал он (Федосеев. — *Ж. Т.*) кружки обычно двух типов: начального и высшего. В первых он свою роль ограничивал устройством их, назначением руководителя, намечением программы занятий и общим наблюдением за ходом дела; вторыми он руководил лично сам... Основными темами были политическая экономия и история; из практических вопросов больше всего обращалось внимание на положение рабочего класса и крестьянства в России» [2].

В качестве практических задач федосеевцы ставили такие:

«1. Пропаганда среди рабочих, крестьян, интеллигенции и войск.

2. Организация сил:
   а) для пропаганды;
   б) борьбы.
3. Распространение путем печати своих воззрений.
4. Помощь политическим ссыльным.
5. Помощь своим членам» [3].

Объединяться, даже встречаться кружковцы не могли. «Некоторые члены даже не знали о существовании других кружков, а некоторые если знали или догадывались, то были не осведомлены о том, кто в них входил. Фамилии без надобности не назывались» [4], — так характеризовала Анна Ильинична установленные Федосеевым строгие меры конспирации.

При центральном кружке имелась библиотека, но опять-таки в целях безопасности выдачу литературы производили только двое — Николай Евграфович и Е. А. Петров. Отметки о выдаче они делали по номерам, то есть без указания фамилии получившего. Библиотека хранилась в разных местах, часто менялись места ее нахождения. Особо бережно скрывались гектографированные и литографированные издания, среди которых были «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Развитие научного социализма» (так называли тогда брошюру «Развитие социализма от утопии к науке») Ф. Энгельса, «Экономическое учение Карла Маркса» К. Каутского, «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, «Письмо Белинского к Гоголю» и другие [5].

Николай Федосеев непоколебимо верил, что главной силой грядущего социалистического переворота станут народные массы. Исходя из этого, программа создаваемых им кружков ставила на первое место изучение положения рабочих и крестьян, а затем уж нужд интеллигенции. И на практике он стремился следовать этому принципу: искал связей с рабочими казенных заводов; в частности, по свидетельству М. Горького, Федосеев «был знаком с ткачами фабрики Алафузова».

Но для широкой пропаганды среди трудового народа необходимо было подготовить кадры пропагандистов, и поэтому главное внимание Николай Евграфович уделяет все же работе среди учащейся молодежи. Это видно из письма, посланного в начале 1888 года Н. А. Мотовилову в Пензу. Рассказывая о переменах, происшедших в Казани после сходки 4 декабря, за участие в которой Мотовилов и был выслан, Федосеев с удовлетворением отметил, что «наиболее важный переворот произошел среди студенческих землячеств, и поворот к лучшему. Землячества пополняются. Цели их значительно расширились, уже теперь не будут ограничиваться чисто студенческими делами. Одной из видных перемен в организациях студенчества — это введение кружковых чтений с целью саморазвития» [6].

Это очень важное свидетельство того, что репрессии, которым подверглись «декабристы» 1887 года, не запугали студентов, и деятельность землячеств стала даже целеустремленней. Сам Федосеев не был студентом, но, как видно из его письма к Н. Мотовилову от 27 февраля 1888 года, он все-таки вступил в верхневолжское землячество, ядро которого составляли нижегородцы. Разбив землячество на кружки для чтения, Николай Евграфович обратился к Мотовилову с просьбой прислать «программу для первоначального чтения с барышнями...» [7].

Под «барышнями» подразумевались слушательницы повивального института при университете и земских фельдшерских курсов. Федосеев не случайно, как до него и Мотовилов, стремился создать кружки из этих девушек: в большинстве они происходили из разночинных и крестьянских семей; закончив учение, со свидетельствами акушерок и фельдшериц поедут в сельскую глубинку и станут там самыми естественными по служебному положению пропагандистами среди трудового люда.

Итак, в первой половине 1888 года Н. Федосеев еще был занят комплектованием кружков из учащейся молодежи и организацией занятий в них. Затем наступил

перерыв, вызванный летними каникулами, и лишь осенью снова возобновилась кружковая работа.

Казань того времени недаром называли «гнездом» народников — очень уж сильно еще было их влияние на интеллигенцию и молодежь. Распространение плехановской брошюры «Наши разногласия» помогло превращению некоторых народников в социал-демократов, но борьба между ними еще далеко не закончилась. И нужно было подготовить себя к ней как теоретически, так и знаниями реального социально-экономического положения страны. Поэтому Федосеев и его ближайшие помощники собирают «Факты по рабочему вопросу», «Факты по рабочему и крестьянскому вопросам», изучают обзор «Наша фабрично-заводская промышленность за пятилетие с 80 по 84 гг.».

Поистине героические усилия прилагали Н. Федосеев и его помощники для пополнения библиотек марксистской литературой. Так, например, книга К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса» была целиком переписана от руки, и эта тетрадь в черном клеенчатом переплете не один год переходила из рук в руки [8].

У кружковцев были установлены ежемесячные членские взносы от 10 до 70 копеек в пользу библиотеки для пополнения книжного фонда. Но их не хватало, и федосеевцы организовывали вечеринки с платой за вход.

Кстати, эта форма общения и сбора средств широко использовалась К. К. Сарахановым, А. В. Кибардиным, М. Е. Березиным и другими студентами, исключенными вместе с Владимиром Ильичем из университета. Достаточно сказать, что зимой 1888/89 года, по данным губернского жандармского управления, «сборища местной учащейся молодежи на вечеринках» происходили в 11 квартирах. Но бороться властям со «сборищами» было трудно, ибо вечеринки устраивались под какими-нибудь благовидными для полиции предлогами: именины кого-то из хозяев квартиры, праздник, помолвка, устройство домашнего спектакля или танцев и т. п.

Небезынтересно, что такие вечеринки с входной платой по 50 копеек устраивались и на Первой горе в доме Ростовой, у живших здесь К. К. Сараханова, бывшего политического ссыльного А. А. Дробыш-Дробышевского, и в квартире Л. А. Пономаревой, то есть у родственников Владимира Ильича, недалеко от дома, где жили теперь Ульяновы [9].

Представляют интерес в связи с вечерами у Л. А. Пономаревой строки из письма Ольги Ильиничны от 28 декабря 1888 года к А. Щербо: «Мне предлагали участвовать в домашнем спектакле, который устраивают, главным образом, мои двоюродный брат и сестра (Ардашевы. — *Ж. Т.*), но я отказалась, потому что водевили не только глупы, но и скучны...» [10]

Возможно, что не по возрасту требовательной к репертуару семнадцатилетней Ольге Ильиничне водевиль действительно показался неудачным или не привлекла предложенная ей роль, но не исключено, что она с умыслом (переписка по почте могла просматриваться жандармами) придала спектаклям более легковесный характер, чем они имели на деле. Во всяком случае, жандармы, хотя и с опозданием, узнали, что на них взималась 50-копеечная плата за вход, а эти сборы Н. Федосеев отправлял ссыльным. Одна из вечеринок с такой политической целью была проведена на Первой горе в доме Ростовой, в квартире Л. А. Пономаревой [11]. А спустя десятилетия ее дочь Евдокия Александровна, двоюродная сестра Владимира Ильича, которая зимой 1888/89 года была ученицей земской фельдшерской школы, рассказывала: «...Мы устраивали нелегальные спектакли в пользу студентов и политических кружков... казначеем был у нас Володя Ульянов» [12].

Среди тех, которые посещали подобные вечера, довольно многие были родом из Симбирска или бывали там у своих родственников и знакомых. Александра Лаврова, ученица повивального института, обвинявшаяся в принадлежности к федосеевскому кружку, училась в одно

время с Ольгой Ульяновой в Симбирской женской гимназии. Подруга А. Лавровой по Симбирску и повивальному институту Пелагея Захарова была заключена в тюрьму одновременно с Федосеевым [13]. Екатерина Санина, сестра друга и помощника Николая Евграфовича Алексея Санина, в то время, когда Владимир Ильич оканчивал в Симбирске классическую гимназию, училась в тамошнем епархиальном училище. По приезде в Казань она поступила тоже в повивальный институт и стала членом кружка Федосеева; привлекалась по его делу, а когда он сидел в тюрьме, помогала чем могла, переписывалась с ним и сохранила большую часть писем к ней Федосеева [14].

Бывший студент физико-математического факультета университета Петр Стронин, заведовавший библиотекой одного из федосеевских кружков, — выходец из Симбирской губернии [15]. Его старший товарищ по факультету и симбирскому землячеству Михаил Березин, по мнению жандармов, «был одним из главных руководителей образовавшегося в Казани среди учащейся молодежи противоправительственного кружка и... имел тайную библиотеку, которой пользовались члены этого кружка, фамилии которых скрывались под номерами... Березин играл главную роль при устройстве 21 ноября 1888 года казанскою учащейся молодежью вечеринки с платою за вход, из числа каковых денег некоторое количество было назначено в пользу политических ссыльных» [16].

Из учащихся Казанской фельдшерской школы, бывавших на таких вечерах, фигурируют близкие друзья Н. Федосеева: Евгений Петров, подвергнувшийся с ним тюремному заключению, Владимир Швер и Михаил Григорьев. Все эти трое юношей имели тесные связи с Симбирским краем [17].

Кстати, в 1888 — 1889 годах Михаил Мандельштам служил частным поверенным (адвокатом) в Симбирске и, появляясь время от времени в родной Казани среди федосеевцев, был теперь тоже в какой-то мере симбирянином. Небезынтересно и то, что Евгений Чириков и Ни-

колай Никифоров, близкие знакомые Н. Федосеева, в это время наведывались в Симбирск. Со всеми с ними, как мы знаем, Владимир Ильич познакомился еще до ссылки.

Ко времени вступления в федосеевский кружок Владимир Ильич теоретически был подготовлен не хуже самого Н. Федосеева. Анна Ильинична в связи с этим указывала: «Люди одного возраста, они в те, юные, годы были, так сказать, приблизительно равными величинами, и влияния одного на другого устанавливать не приходится». Но тем большей была потребность для обмена мнениями между единомышленниками, и Владимир Ильич ищет их в Казани.

Рассказывая о деятельности брата той поры, Анна Ильинична отмечала: «Вступил он и в один из кружков молодежи, который посещал с большим интересом, молодежи, вырабатывающей свои убеждения, менявшейся впечатлениями прочитанного. Никакого более авторитетного руководителя в кружке этом не было: молодежь совершенно самостоятельно искала свою дорогу» [18].

О составе и занятиях того кружка почти ничего не известно. Видимо, он не был разгромлен полностью — в жандармских архивах о нем нет никаких документов. Кружковцы тоже не написали воспоминаний об участии Владимира Ильича: одни из них не дожили до победы Октября, другие не могли припомнить конкретные подробности о юном Ульянове, фамилию которого они в 1888—1889 годах не знали.

И все же современные исследователи, сопоставляя результаты жандармских наблюдений, следственные материалы, а также воспоминания федосеевцев, пытаются определить возможный состав кружка, в который входил Владимир Ильич. М. Мандельштам назвал М. Четвергову, Е. Чирикова, К. Сараханова, А. Подосенову, В. Поляка, Л. Малову-Поваренных, А. Кибардина и некоторых других [19]. Владимир Ильич действительно знал этих видных участников освободительного движения Казани конца 80-х годов, интересовавшихся социалистической тео-

рией. Но, как нам известно, он общался и с В. Швером, и другими симбирянами, являвшимися тоже членами кружков Федосеева и арестованными вместе с ним. А арест — главная примета члена кружка, в котором состоял молодой Ульянов. Ведь он сам, вспоминая начало своей революционной юности, писал: «Весной 1889 года я уехал в Самарскую губернию, где услыхал в конце лета 1889 года об аресте Федосеева и других членов казанских кружков, — между прочим, и того, где я принимал участие. Думаю, что легко мог бы также быть арестован, если бы остался тем летом в Казани» [20]. Потому и Анна Ильинична, лучше всех знавшая о нелегальных делах брата, имела все основания заявить, что отъезд из Казани позволил Владимиру Ильичу счастливо уйти от жандармов [21].

Уезжая из Казани, Ульянов был уже убежденным марксистом. Правда, следует помнить, что идеалистические утверждения народников Владимира Ильича никогда не увлекали. Недаром Анна Ильинична подчеркивала, что по этому пути он «никогда не плыл» [22]... Среди революционно настроенной интеллигенции еще были весьма популярны суждения об индивидуальном терроре как средстве политической борьбы против самодержавия. Владимир Ильич позже писал: «Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными «Народной воле» и которых молодые социал-демократы высоко уважали. Борьба заставляла учиться, читать нелегальные произведения всяких направлений...» [23] И как ни трудно было ему, горячо любившему старшего брата, погибшего в борьбе с деспотизмом, отказаться от этой геройской традиции, Владимир Ильич смог найти единственно верный путь к освобождению своего народа.

Покидая Казань, 19-летний Владимир Ильич был глу-

боко убежден, что перед революционной силой рабочего класса не устоят царское самодержавие и власть капиталистов, если русские марксисты внесут в набирающее силу рабочее движение социалистическое сознание.

ПЕРЕЕЗД В АЛАКАЕВКУ

Как ни конспирировал Владимир Ильич, но мать догадывалась, что его участившиеся отлучки из дома по вечерам связаны с деятельностью революционной молодежи, и была уверена, что за сыном ведется постоянное полицейское наблюдение. Опасаясь нового ареста, она чувствовала, что теперь самым лучшим было бы хоть на какое-то время увезти его из Казани, тем более что надеяться на возвращение в местный университет не приходилось. Было решено на деньги, вырученные от продажи симбирского дома, приобрести небольшой хутор в Самарской губернии по совету и при содействии Марка Тимофеевича Елизарова, взявшего на себя по доверенности Ульяновых оформление покупки у небезызвестного К. М. Сибирякова.

Это был богатый сибирский золотопромышленник, скупивший в середине 70-х годов у самарских помещиков имения для создания в них крупного рационального хозяйства. Как человек левых убеждений, он имел при этом в виду не столько материальную выгоду, сколько создание здесь народнических земледельческих колоний, члены которых обучали бы крестьянских детей и вели пропаганду среди народа. Наконец, Ульяновым К. М. Сибиряков был известен как издатель «Русской мысли» — одного из лучших журналов страны.

Но широко задуманное с гуманными целями сельскохозяйственное предприятие, как и следовало ожидать, в самодержавной России не пошло в гору, стало приносить убытки. Сибиряков понял утопичность своих планов и начал распродажу земельных участков и закупленных за

границей сельскохозяйственных машин. В конце января 1889 года Марк Тимофеевич и приобрел у Сибирякова для Ульяновых в 50 верстах от Самары, близ деревни Алакаевки Богдановской волости Самарского уезда, участок земли, деревянный одноэтажный дом и мельницу, пообещав лично управлять этим хозяйством [1].

Переезд в Алакаевку открывал Владимиру Ильичу возможность более углубленно, чем в Кокушкине, куда на лето съезжались многочисленные родственники, заняться самообразованием. Он решил вплотную готовиться к сдаче экстерном экзаменов за юридический факультет, продолжать штудировать марксистскую литературу. Обсуждая планы, Ульяновы не исключали и того, что зимой они будут жить в самой Самаре. Это было заманчиво: Самара открывала новые перспективы революционной работы. Из рассказов Марка Тимофеевича выходило, что там было несколько революционных кружков, составившихся из высланных из Петербурга, Казани и Москвы студентов, а также ветеранов народнического движения. В Самаре жил адвокат А. Н. Хардин, с которым Владимир Ильич мечтал встретиться лично за шахматной доской, а позже, возможно, и заняться юридической практикой. Наконец, Самара в отличие от Казани имела железнодорожное сообщение с Москвой и Петербургом.

28 февраля Мария Александровна возбудила перед департаментом полиции ходатайство о разрешении дочери Анне ввиду ее расстроенного здоровья провести наступающее лето в Алакаевке, где она будет лечиться кумысом [2]. Сравнительно быстро, 11 марта, Петербург предписал казанскому и самарскому губернаторам удовлетворить просьбу М. А. Ульяновой. Но только через месяц Ульяновы смогли назначить дату отъезда — 5 мая. Приходилось ждать открытия навигации на Волге. Оттягивали срок отъезда занятия младших Ульяновых. Дмитрий заканчивал четвертый класс лишь в конце мая, а взрослым хотелось подольше позаниматься с ним перед предстоящими экзаменами. Маняше же лучше было сдать вступительные

экзамены в гимназию весной, сразу же после домашней подготовки, чтобы летом спокойно отдыхать.

Младшая из Ульяновых оправдала надежды родных: в конце апреля, показав прочные знания на испытаниях по русскому языку, арифметике, географии и закону божию, она была зачислена сразу во второй класс Мариинской женской гимназии. Так еще раз подтвердилась целесообразность избранного Ульяновыми еще в Симбирске пути получения среднего образования для девочек. Ведь Анна и Ольга тоже овладевали программой низшего класса дома: это избавляло их от лишнего года пребывания в бездушной атмосфере казенной гимназии.

Несколько сложнее были дела у Дмитрия, которому предстояло впервые в жизни сдавать довольно сложные устные и письменные экзамены за все четыре года обучения. Поэтому в последние недели пребывания в Казани Владимир Ильич постоянно консультировал брата. И только после того, как стало ясно, что Дмитрий справится с этими труднейшими предметами, Владимир Ильич заверил мать, что можно не волноваться за исход экзаменов.

Перед отъездом из Казани Владимир Ильич попытался еще раз получить разрешение на выезд за границу: ведь на новом месте власти тем более откажутся заверить его политическую благонадежность. Для этого даже заручились врачебной справкой о необходимости лечения за рубежом. Профессор университета, специалист по внутренним болезням Н. И. Котовщиков и городской врач доктор медицины А. И. Смирнов, к которым обратился Владимир Ильич, выдали ему такое «Медицинское свидетельство». Оно удостоверяло катар желудка и рекомендовало пациенту лечиться «щелочными водами и всего лучше водами Vichy (Франция)» [3].

Эти минеральные воды, как наиболее целебные, широко рекламировались в казанских газетах, так что рекомендация врачей выглядела вполне естественной. Владимир Ильич, имея на руках желанное свидетельство, обратился к недавно назначенному казанскому губернатору Полто-

рацкому с просьбой о выдаче паспорта на выезд за границу для лечения. Однако губернатор все-таки разгадал цель предпринятого Владимиром Ильичем маневра и наложил на прошении отрицательную резолюцию: «Я полагал бы отклонить, так как может ехать на Кавказ (Ессентуки, № 17)» [4]. В донесении же министру внутренних дел он пояснил действительную причину, по которой считает нежелательным выезд из России молодого, но уже опасного поднадзорного: «Ульянов есть родной брат состоящей под гласным надзором полиции Анны Ульяновой, за время проживания в Казани хотя к делам политического характера не привлекался, но аттестуется личностью вредного направления в политическом отношении» [5].

В общем же, как губернатор, так и попечитель учебного округа, зная о намерении Ульяновых покинуть Казань, были довольны этим. Масленников не скрывал этого от министра народного просвещения, откровенно заявив: «...Связи, которые имела дочь Ульянова (Анна. — *Ж. Т.*), и знакомства ее исключенного из университета брата (Владимира. — *Ж. Т.*) заставляли желать выезд из университетского города семьи Ульяновых» [6]. Владимир Ильич не знал содержания этой переписки, но, конечно, подозревал, что и на этот раз его прошение будет оставлено «без последствий».

В конце апреля все приготовления к отъезду были закончены. Квартиру Ульяновы решили сдать хозяйке, а рояль и часть вещей оставили в Кокушкине и у родных в Казани. 28-го числа Анна Ильинична получила у пристава четвертой части города «проходное свидетельство» и «маршрут», в которых согласно ее заявлению было указано, что она «намерена 1 мая выехать из Казани». Однако, как это видно из рапорта надзирателя второго околотка, она выехала на хутор при деревне Алакаевке 2 мая [7].

Владимир Ильич находился под негласным надзором, и ему, естественно, не надо было ставить в известность полицию. А уж дело шпиков было за ним уследить. Но так уж получилось, что при передаче донесений кто-

то из полицейских чинов дату рапорта своего подчиненного от 3 мая принял за день отъезда Владимира Ильича из Казани, и она потом утвердилась в литературе. В действительности же он вместе со всей семьей (кроме Дмитрия, оставшегося у Веретенниковых для сдачи экзаменов) отплыл из Казани во вторник 2 мая 1889 года. И это естественно, что все выехали вместе с Анной, которую родные после казни Саши старались не оставлять в одиночестве.

2 мая для отъезда было выбрано не случайно: только по вторникам, четвергам и субботам[8] вниз по Волге отплывали товаро-пассажирские пароходы общества «Кавказ и Меркурий», взимавшие с пассажиров «уменьшенную таксу». Отправляясь таким пароходом, Ульяновы, конечно, проигрывали во времени: если почтово-пассажирские преодолевали путь от Казани до Самары за 19 часов, то товаро-пассажирские — за 21 с половиною часа. Но ведь они никуда и не спешили, а плавание в хорошую майскую погоду по Волге являлось отличным отдыхом. Зато они почти в два раза меньше платили за билеты и багаж. Если пять мест в каюте 2-го класса на скоростном пароходе стоили 25 рублей, да обязательный «табль д'от из 5 блюд и чашкой кофе по 90 коп. с персоны», то «по уменьшенной таксе» проезд обходился в 12 рублей 75 копеек[9]. При сторублевой пенсии в месяц, на которую в это время жила вся семья, экономия значительная — в два раза. И это — без учета разницы в стоимости провоза багажа.

Была еще одна очень важная причина плыть именно на товаро-пассажирском пароходе: желание заехать в Симбирск, поклониться праху Ильи Николаевича и сделать на его могиле необходимые поправки и улучшения. Скорые пароходы прибывали в Симбирск в половине седьмого вечера и стояли там всего лишь полтора часа. Этого времени явно не хватало, чтобы подняться по четырехверстному крутому Петропавловскому спуску, проехать по городу, что-то сделать на кладбище и вернуться на пристань. Товаро-пассажирские же пароходы стояли под разгрузкой и погрузкой, от трех до пяти часов. Вот за это

время можно было вполне успеть съездить на извозчике на кладбище. Ульяновы не могли не воспользоваться такой возможностью. Это подтверждается письмом Ольги Ильиничны от 30 июня 1889 года подруге А. Щербо, из которого видно, что проездом из Казани в Самару навестила Щербо и их общую одноклассницу по гимназии Н. Супротивную. А обе эти девушки квартировали на Лисиной улице (ныне К. Либкнехта), причем Супротивная жила в нескольких десятках метров от Покровского кладбища, где покоился прах Ильи Николаевича [10].

Утром 3 мая, около 10 часов, Ульяновы прибыли в Самару, где на пристани их с радостью встретил Марк Тимофеевич. После того как Анна Ильинична сделала у самарского уездного исправника отметку в своем проходном свидетельстве и багаж был отправлен с железнодорожного вокзала до станции Смышляевка, всей семьей устроились на ночлег в гостинице. Утром же следующего дня выехали поездом в Смышляевку, а оттуда добирались на лошадях до нового своего жилья. Через несколько дней самарский уездный исправник доносил губернатору: «...Анна Ульянова прибыла на хутор при д. Алакаевке, Богдановской волости, Самарского уезда 4 мая; вместе с нею прибыли мать ее, сестры Ольга и Марья и брат Владимир, а также студент Марк Тимофеевич Елизаров...»* [11].

В конце месяца, с приездом Дмитрия, вся семья была в сборе. А вскоре состоялось важное и радостное событие — помолвка Анны Ильиничны с Марком Тимофеевичем. В связи с этими переменами Ульяновы решают окончательно покинуть Казань. Но прежде этого нужно было оформить перевод Дмитрия в Самарскую гимназию.

Трудно было и предположить, что такая простая формальность доставит им столько треволнений. Директор Самарской гимназии А. И. Соколов, которому Мария Алек-

* В действительности М. Г. Елизаров три года назад окончил университет и имел низшее ученое звание «действительный студент».

сандровна подала прошение, дал понять, что без разрешения попечителя учебного округа вряд ли такой перевод возможен.

28 июля состоялось бракосочетание Анны Ильиничны и Марка Тимофеевича в селе Тростянка, расположенном в нескольких верстах от Алакаевки, а уже в первой декаде августа Владимир Ильич вместе с матерью едет в Казань: предстояли хлопоты о переводе брата, перевозка рояля и другого имущества. Конечно, он использовал свое пребывание в Казани и для того, чтобы узнать подробности о разгроме властями кружков Н. Е. Федосеева.

12 августа Мария Александровна добивается приема у попечителя П. Н. Масленникова. Тот мог бы решить дело сразу, но вздумал покуражиться над вдовой известного ему И. Н. Ульянова и предложил Марии Александровне прийти за окончательным ответом во вторник 15-го числа. Мария Александровна сначала не поняла подвоха, но, вернувшись в квартиру сестры, с ужасом вспомнила, что вторник является «табельным праздником» и никакого приема посетителей у попечителя быть не может. Конечно, эта выходка сановника не могла не возмутить Марию Александровну и Владимира Ильича. Пришлось писать новое прошение. Обосновывая настоятельную необходимость перевода Дмитрия в Самарскую гимназию, Мария Александровна подчеркнула очевидную для каждого человека невозможность оставить мальчика одного для продолжения учебы в Казани, а затем умоляюще попросила Масленникова ускорить возможность «иметь сына при себе, следить за его уроками и поведением», так как «учебное время близко» [12].

Действительно, до начала занятий в гимназиях оставалось всего лишь четыре дня. Но и они прошли, а твердолобый Соколов все еще не принимал Дмитрия. По возвращении в Самару Мария Александровна послала попечителю учебного округа телеграмму с оплаченным ответом: «Покорнейше прошу телеграфировать результаты просьбы» [13]. А тот, все еще продолжая куражиться, тянул два

дня, прежде чем соизволил наконец сообщить о своем согласии. Насколько грязной игрой было со стороны попечителя и директора это гнусное глумление над Марией Александровной, мы теперь можем видеть по письму Масленникова Соколову: «...В данном мною в настоящее время разрешении ученику Ульянову перейти из Казанской в вверенную вам гимназию, сверх секретных причин, имело большое значение то обстоятельство, что в Самаре надзор за поведением Ульянова и за отношением его к товарищам гораздо легче устроить, чем в Казани... Поэтому, не имея никаких законных достаточных оснований преградить молодому Ульянову вовсе путь к получению образования в учебных заведениях, я покорнейше прошу вас, приняв его в Самарскую гимназию, устроить над поведением его и над отношением его к товарищам возможно бдительное негласное наблюдение» [14].

Теперь даже за 15-летним Дмитрием будет «негласное наблюдение» полиции, потому что он — УЛЬЯНОВ, брат казненного Александра, ссыльной Анны и негласного поднадзорного Владимира, исключенного из университета и высланного из Казани за активное участие в «студенческих беспорядках»... Как бы то ни было, но дело с переводом Дмитрия, которое еще связывало Ульяновых с Казанью, закончилось.

Закончился и казанский период жизни и деятельности Владимира Ильича. Однако иногда он еще навещал город своей студенческой юности. Охранка зафиксировала его свидание с Казанью в 1890 году, затем он бывал в ней проездом в 1893 и 1900 годах. Больше Владимиру Ильичу не довелось видеть этого города, но в его памяти навсегда остались Казанская сходка, арест, кокушкинская ссылка и участие в марксистском кружке Н. Е. Федосеева.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В своих воспоминаниях Анна Ильинична относит «год в Казани» и последующее пребывание Владимира Ильича в Самаре к важнейшим годам его жизни — именно «в это время складывалась и формировалась окончательно его революционная физиономия» [1].

«Год в Казани», впрочем, нельзя понимать в буквальном смысле. По крайней мере, он охватывает двухгодичный отрезок времени: от последней симбирской весны 1887 года до весны 1889-го. Причем с точки зрения формирования характера революционера сюда необходимо включить последние, наиболее тяжелые месяцы жизни в Симбирске. Е. Драбкина очень точно отметила это обстоятельство, подчеркнув, что именно тогда у Владимира Ильича «сложились навсегда те черты ума, характера и воли, благодаря которым он стал Лениным!» [2].

Гуманная и свободолюбивая атмосфера отчего дома, чтение демократической литературы, горячее сердце помогли Владимиру Ильичу уже на пороге большой жизни понять всю противоестественность, антигуманность эксплуататорского строя и стать в ряды борцов с угнетателями народа.

Трагическая гибель старшего брата Александра и его товарищей на эшафоте 8 мая 1887 года потрясла Владимира Ильича. «Александр Ильич погиб как герой, — писала в связи с этим Анна Ильинична, — и кровь его заревом революционного пожара озарила путь следующего за ним брата, Владимира» [3]. Преклоняясь перед светлой памятью брата, его величайшим самопожертвованием, Владимир Ильич все же отверг путь народовольческой борьбы и решил пойти другим путем. Правильную дорогу ему показал марксизм.

С первых же дней поступления на юридический факультет Казанского университета Владимир Ильич становится активным деятелем запрещенного властями симбирско-самарского землячества, а потом его представителем в союзном совете землячеств и членом революционного кружка — организациях, сыгравших решающую роль в подготовке и проведении революционной сходки-демонстрации казанских студентов 4 декабря 1887 года. Во время этого «революционного крещения» у Владимира Ильича ярко проявились новые качества: искусно конспирироваться, сохранять самообладание и достоинство в критических ситуациях, творчески использовать опыт. Арест и последовавшая за ним ссылка ни на йоту не поколебали непреклонное стремление Владимира Ульянова продолжать борьбу за счастье трудящихся. «Без жертв не может быть борьбы, и на зверскую травлю царских башибузуков мы отвечаем спокойно: революционеры погибли — да здравствует революция!» [4]. Эти строчки появятся

много позже, в 1897 году, но можно смело сказать, что уже тогда, в самом начале своего революционного пути, Ленин готов был к любым превратностям судьбы, самым горестным и трудным испытаниям ради заветной цели — освобождения трудящихся.

Кокушкинская ссылка явилась трудным испытанием стойкости, воли, характера, всего нравственного потенциала молодого революционера, но он с честью выдержал его, использовав каждый день вынужденного пребывания в глуши для учебы в своем, ульяновском, университете, особенно для всестороннего изучения социально-экономического развития России и овладения марксизмом. Творческое изучение «Капитала» К. Маркса, других трудов основоположников научного социализма, а также плехановской группы «Освобождение труда» расширило политический горизонт Владимира Ильича, и по возвращении из ссылки в Казань он вскоре становится убежденным марксистом.

Деятельность в одном из федосеевских кружков дала ему первые навыки пропагандиста правильной революционной теории. Твердо веря в возможность и неизбежность свержения помещичье-буржуазного строя и убеждая в этом товарищей, Владимир Ильич вместе с тем отдавал себе отчет в том, что предстоит длительная, очень трудная и чрезвычайно искусная подпольная работа, которая потребует огромной выдержки и самоотверженности от каждого настоящего революционера.

В годы реакции народные массы, задавленные каторжной работой, внешне, казалось, были спокойными. Однако быстрое развитие капитализма в стране, рост рядов пролетариата и его сознательности, резкое обострение противоречий, и прежде всего аграрных, — все это говорило о том, что относительно «мирный» период вскоре закончится. И теперь надо было готовить «людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь»[5], создавать из них марксистские кружки, закалять в борьбе. «Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянется все, что есть в России живого и честного. И только тогда исполнится великое пророчество русского рабочего революционера Петра Алексеева: «подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах»[6].

Эти вдохновенные слова Владимир Ильич напишет тоже позднее, но они в полной мере отражают оптимизм, который уже в Казани стал неразрывной частью его личности и воодушевлял в самые критические повороты истории его единомышленников.

Примечания

ПОКИДАЯ СИМБИРСК

1. Крупская Н. К. Пед. соч., т. 3. М., 1959, с. 547.
2. Там же.
3. Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. М., 1965, с. 293.
4. Новь, 1886, т. VIII, № 8, с. 393.
5. Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. М.—Л., 1930, с. 126.
6. Иванский А. И. Молодой Ленин. М., 1964, с. 239.
7. Ульянова-Елизарова А. И. Указ. соч., с. 168.
8. Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.—Л., 1927, с. 274—275.
9. Крупская Н. К. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1979, с. 33.
10. Ульянова М. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. М., 1978, с. 266.

В КОКУШКИНО

1. Фонды Ульяновского дома-музея В. И. Ленина, папка № 5, лл. 7—8.
2. Там же, папка № 4.
3. Комсомольская правда, 1961, 23 апреля.
4. Ульянова-Елизарова А. И. Указ. соч., с. 77.
5. Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 131—132.
6. Там же, с. 132.
7. Ульянова-Елизарова А. И. Указ. соч., с. 122.
8. Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 355.
9. Ульянова М. И. Указ. соч., с. 316.
10. Фонды Ульяновского дома-музея В. И. Ленина, папка № 9, л. 16.

КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

1. Веретенников Н. И. Володя Ульянов. Воспоминания о детских и юношеских годах В. И. Ленина в Кокушкине. М., 1975, с. 45.
2. Там же.
3. Ульянов Д. И. Очерки разных лет. Воспоминания, переписка, статьи. М., 1984, с. 80.
4. Казанский университет. 1804—1979. Очерки истории. Казань, 1979, с. 24.
5. Императорский Казанский университет. Обозрение преподавания в осеннем полугодии 1887 года. Казань, 1887, с. 4, 14, 22, 34.
6. Годичный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1887 г. Казань, 1887, с. 76—77.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 550.
8. Факультет, на котором учился Ленин. Казань, 1970, с. 17.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 599.
10. Трофимов Ж. А. Великое начало. М., 1979, с. 184.
11. Молодая гвардия, 1924, № 1, с. 89.
12. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1. М., 1969, с. 26.
13. Трофимов Ж. А. Указ. соч., с. 185—188.
14. Ленин и Татария. Сборник документов, материалов и воспоминаний. Казань, 1970, с. 31.
15. ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 17318, л. 137.

11. Ленин — Крупская — Ульяновы. Переписка (1883—1900). М., 1981, с. 21, 33.

ТЕСНЫЕ СТЕНЫ САМОДЕРЖАВИЯ

1. Вестник Европы, 1887, № 10, с. 807.
2. Фонды музея Ульяновской ордена Ленина средней школы № 1 имени В. И. Ленина.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 81.
4. Неделя, 1887, 18 января.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 359.
6. Первое марта 1887 г., с. 381.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 305.
8. Крупская Н. К. О Ленине. М., 1960, с. 367.
9. Фирсов Н. Н. Исторические характеристики и эскизы. Казань, 1926, т. 3, вып. 1, с. 79—81.
10. Тимирязев К. А. Наука и демократия. — Соч. М., 1939, т. IX, с. 28.
11. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 295.
12. ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 3, д. 7276, лл. 18—19.
13. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 25.

ЗЕМЛЯЧЕСТВА

1. См.: Трофимов Ж. А. Указ. соч., с. 115—122.
2. Трофимов Ж. А. Демократический Симбирск молодого Ленина. Саратов, 1984, с. 117.
3. Смирнова В. Студенческое движение в Казанском университете в 1887 году. — Вопросы истории, 1949, № 10, с. 86.
4. Москва, 1958, № 4, с. 7.
5. ЦГАОР, ф. ДП, 3 д-во, 1884, д. 776, лл. 1—2.
6. Ленин и Татария, 1970, с. 367.
7. Русская старина, 1892, июнь, с. 509.
8. Нафигов Р. Первый шаг в революцию. Казань, 1970, с. 99.
9. Корбут М. К. Казанский государственный университет им. В. И. Ленина за 125 лет. Казань, 1930, т. II, с. 173.
10. В. И. Ленин. Биографическая хроника. М., 1970, т. 1, с. 31.
11. Нафигов Р. Указ. соч., с. 105.
12. ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 17329, л. 13 об.
13. Ленин и Татария, 1970, с. 372—373.
14. ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 17329, л. 12.
15. Там же, л. 4.

КРУЖОК «ВРЕДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ»

1. Ульянова-Елизарова А. И. В. И. Ульянов (Н. Ленин). М., 1934, с. 23.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 105.
3. Каторга и ссылка, 1931, № 8—9, с. 13—14.
4. Иванский А. И. Указ. соч., с. 358.
5. Красный архив, 1934, т. 1, с. 70.
6. Ленин и Татария, с. 161.
7. Федосеев Н. Е. Статьи и письма. М., 1958, с. 32.
8. Ткаченко П. С. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века. М., 1958, с. 163—164.
9. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т. М., 1977, т. 20, с. 394.
10. Ленин и Татария, с. 368.
11. Там же, с. 374.
12. Иванский А. И. Указ. соч., с. 370.
13. Красный архив, 1934, № 1(62), с. 58—59.
14. Москва, 1958, № 4, с. 17.

КАЗАНЬ

1. Казань в художественной литературе. Казань, 1977, с. 76.
2. Остроумов В. П. Казань. Очерки по истории города и его архитектуры. Казань, 1978, с. 151.
3. Календарь «Волжского вестника» на 1888 год. Казань, 1888, с. 85.
4. Самарская газета, 1887, 10 марта.
5. См: Бушканец Е. Г. Глеб Успенский и «Волжский вестник». Казань, 1957, с. 4.
6. Иллюстрированный спутник по Волге / Сост. С. Монастырский. Казань, 1884, с. 161. В 1886 году этой книгой награждались ученицы Симбирской мариинской гимназии, где училась Ольга Ульянова.

В НАЧАЛЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ ПОРЫ

1. ЦГА ТАССР, ф. 977, 1887 г., л. д., д. 31355, л. 22.
2. Факультет, на котором учился Ленин, с. 92.
3. Иванский А. И. Молодой Ленин, с. 350.
4. Молодая гвардия, 1924, № 1, с. 89.
5. Там же.
6. Иванский А. И. Указ. соч., с. 328.
7. Комсомольская правда, 1961, 23 апреля.
8. Красный архив, 1935, т. 6, с. 16.
9. Фонды Казанского дома-музея В. И. Ленина.
10. Ульяновский общественник, 1927, № 1, с. 27—28.

СХОДКА

1. Иванский А. И. Указ. соч., с. 374.
2. Чириков Е. Собр. соч. М., 1915, т. 12, с. 44—45.
3. Красная летопись, 1924, № 1, с. 55.
4. Корбут М. К. Указ. соч., с. 172.
5. Ленинский сборник, т. II. М., 1924, с. 442.
6. Корбут М. К. Указ. соч., с. 200.
7. Красный архив, 1934, т. 1(62), с. 55.
8. Там же, с. 56.
9. Красная летопись, 1924, № 1, с. 55.
10. Вопросы истории, 1949, № 10, с. 90.
11. Чириков Е. Указ. соч., с. 48—49.
12. Кондратьев И. Ленин в Казани, с. 56.
13. Русская старина, 1892, № 6, с. 516—517.
14. Нафигов Р. Указ. соч., с. 120.
15. Русская старина, 1892, № 6, с. 520.
16. Красный архив, 1934, № 1, с. 60.
17. Русская старина, 1892, № 6, с. 521.
18. Ильенко Е. Ильичу было семнадцать... — Ульяновская правда, 1965, 11 мая.
19. Красный архив, 1934, т. 1, с. 56.
20. ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 619, л. 9.
21. Там же, ф. 855, оп. 1, д. 71, л. 2.
22. Фирсов Н. Н. Студенческое движение в Казанском университете в 1887 году. (Личные воспоминания). Исторические характеристики и эскизы. Казань, 1926, т. 3, вып. 1, с. 83—84.
23. Русская старина, 1892, № 6, с. 522.
24. Иванский А. И. Указ. соч., с. 389.

АРЕСТ

1. Кондратьев И. Указ. соч., с. 62.
2. Русская старина, 1892, № 6, с. 533.
3. Горький М. Собр. соч., т. 9, с. 374.
4. Федосеев Николай Евграфович. Сборник воспоминаний. М.—П., 1923, с. 167.
5. Красный архив, 1934, т. 1, с. 61.
6. Русская старина, 1892, № 6, с. 529.
7. Там же, с. 523.
8. Красный архив, 1934, № 1, с. 60.
9. Пути революции, 1922, № 1, с. 89.
10. Ленин и Татария, с. 380—381.
11. ЦГА ТАССР, ф. 977, правление, д. 7175, л. 72.
12. Там же, ф. 977, оп. 1 (юрид. ф-т), д. 680, лл. 5—13.
13. Нафигов Р. Указ. соч., с. 118.
14. Ленин и Татария, с. 154.
15. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 551.
16. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 28.
17. Иванский А. И. Указ. соч., с. 405—406.
18. Там же, с. 403.
19. Ленинский сборник, т. II, с. 441—442.
20. Ленин и Татария, с. 151.
21. Русская старина, 1892, № 6, с. 530.
22. Иванский А. И. Указ. соч., с. 408—409.
23. Красный архив, 1934, т. 1, с. 63—64.
24. Вопросы истории КПСС, 1960, № 6, с. 170.

ССЫЛКА

1. Ульянова-Елизарова А. И. Указ. соч., с. 48.
2. Кондратьев И. Указ. соч., с. 74—75.
3. Ульянов Д. И. Указ. соч., с. 62.
4. ЦГА ТАССР, ф. 977, правление, д. 7175а, лл. 36—37, 328.
5. Волин Б. Студент Владимир Ульянов, с. 94.
6. Кондратьев И. Указ. соч., с. 66.
7. Там же.
8. Там же, с. 67.
9. Федосеев Н. Е. Статьи и письма, с. 32.
10. ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 9804, л. 194.
11. Георгиевский А. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. Спб., 1890, с. 214.
12. Костин А. Ф. Восхождение. М., 1981, с. 75.

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

1. ЦГАОР, ф. ДП, 3-е дел-во, 1887, д. 89, ч. 46, л. 5.
2. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 244.
3. Ленин и Татария, с. 154—155.
4. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 28—29.
5. См.: Трофимов Ж. А. Товарищу по гимназии. — Ульяновская правда, 1984, 8 декабря.
6. Ульянова-Елизарова А. И. Указ. соч., с. 111—112.
7. См.: Трофимов Ж. А. Ульяновы. Поиски, находки, исследования. Саратов, 1978, с. 205—211.
8. Ленин и Татария, с. 156.
9. Там же, с. 161.
10. Там же.
11. Нафигов Р. Указ. соч., с. 150.
12. Ленин и Татария, 1970, с. 160.

СВОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

1. Календарь «Волжского вестника» на 1888 год. Казань, 1888, приложения, с. 57—62.
2. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 29.
3. Вопросы литературы, 1957, № 8, с. 133—134.
4. Там же.
5. Там же.
6. Крупская Н. К. Пед. соч., т. 3, с. 547.
7. Вопросы литературы, 1957, № 4, с. 133.
8. См.: Трофимов Ж. А. Демократический Симбирск молодого Ленина, с. 109.
9. Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. В 2-х т. М., 1967, т. 1, с. 388.
10. Есин В. И., Н. В. Шелгунов. М., 1977, с. 60.
11. См. статью М. Л. Песковского «Недоразумения в учебно-воспитательном деле» в XI книге «Русской мысли» за 1887 г., с. 73—89, и «Основы организации высшего образования женщин» в 1-й кн. «Русской мысли» за 1887 г., с. 123—169.
12. Русская мысль, 1887, кн. 1, с. 49—72; кн. 2, с. 106—129 и др.
13. Русская мысль, кн. 1, с. 177.
14. Там же, с. 228, 233.
15. Там же, с. 162.
16. Там же, с. 58.
17. Там же, с. 221.
18. Там же, с. 52.
19. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 29.
20. Ульянова-Елизарова А. И. Указ. соч., с. 49—50.
21. Веретенников Н. И. Указ. соч., с. 46.
22. Общественно-политическая мысль в Поволжье в XIX — начале XX века. Казань, 1977, с. 249.
23. Ленин и Татария, с. 162.
24. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 552.
25. Москва, 1958, № 4, с. 45.

ВЕРНОСТЬ УБЕЖДЕНИЯМ

1. ЦГА ТАССР, ф. 977, 1886, л. д., д. 30326, л. 28.
2. Новый мир, 1959, № 4, с. 193.
3. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 29.
4. Веретенникова А. И. Записки земского врача. Уфа, 1981, с. 15.
5. Москва, 1958, № 4, с. 47.
6. Там же.
7. Там же, с. 48.
8. Волин Б. Указ. соч., с. 96.
9. Москва, 1958, № 4, с. 49.
10. Чичерин Б. Н. Воспоминания. М., 1929, с. 249.
11. Москва, 1958, № 4, с. 49.
12. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 553.
13. Иванский А. И. Указ. соч., с. 444.
14. Там же, с. 444—445.
15. Елизаров П. П. Марк Елизаров и семья Ульяновых. М., 1967, с. 17.
16. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 1. М., 1970, с. 39.
17. Вопросы истории КПСС, 1960, № 6, с. 171.

СНОВА В КАЗАНИ

1. ЦГА ТАССР, ф. 977, 1887 г., л. д., д. 31350, л. 39.
2. Ленин и Татария, с. 169.
3. Там же, с. 169—170.
4. Фонды Ульяновского дома-музея В. И. Ленина.
5. Там же.
6. Фонды Казанского дома-музея В. И. Ленина.
7. Красный архив, 1934, № 1(62), с. 68.
8. Ульянов Д. И. Указ. соч., с. 76.
9. Фонды Казанского дома-музея В. И. Ленина.
10. Ульянов Д. И. Указ. соч., с. 77.
11. Крупская Н. К. О Ленине. Сборник статей и выступлений, с. 34.
12. Нафигов Р. Указ. соч., с. 174.
13. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 30.
14. Там же.
15. Там же, с. 30—31.
16. Казанский биржевой листок, 1888, 15 октября.
17. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 202.
18. Ульянов Д. И. Указ. соч., с. 82.

ИЗУЧАЯ «КАПИТАЛ» К. МАРКСА

1. ЦГАОР, ф. 102, ДП, 1888, 3-е д-во, оп. 84, д. 275, л. 13.
2. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 30.
3. Нафигов Р. Тайны революционного подполья. Казань, 1981, с. 59—62.
4. Там же, с. 62.
5. ГАУО, ф. 45, д. 372, л. 6.
6. Краткая литературная энциклопедия, т. 8. М., 1975, с. 531.
7. Волжский вестник, 1888, 28 мая.
8. Там же, 28 октября.
9. Цит. по кн.: Бушканец Е. Г. Глеб Успенский и «Волжский вестник», с. 14.
10. Мицкевич С. И. Революционная Москва. М., 1940, с. 128.
11. Горький М. Собр. соч., М., 1951, т. 13, с. 565.
12. Санин А. «Самарский вестник» в руках марксистов. М., 1934, с. 59.
13. Мицкевич С. И. Указ. соч., с. 99.
14. Волжский вестник, 1888, 27 января.
15. Там же, 31 января.
16. Там же, 29 февраля.
17. Казанский биржевой листок, 1888, 5 июля.
18. Хаит Г. От первой ссылки к марксистскому кружку. — Новый мир, 1959, № 4, с. 196.
19. Нафигов Р. Первый шаг в революцию, с. 162.
20. Крупская Н. К. О Ленине, с. 322.
21. Ульянова-Елизарова А. И. Указ. соч., с. 145.
22. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 246.
23. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 246.
24. Крупская Н. К. О Ленине, с. 324.
25. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 30.

В ФЕДОСЕЕВСКОМ КРУЖКЕ

1. Нафигов Р. Тайны революционного подполья, с. 57.
2. Федосеев Николай Евграфович, с. 28.
3. Валеев А. М. Н. Е. Федосеев — один из первых марксистов России. Казань, 1952, с. 41.
4. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 31.

5. Валеев А. М. Указ. соч., с. 48—49.
6. Федосеев Н. Е. Статьи и письма, с. 32.
7. Там же, с. 36.
8. Валеев А. М. Указ. соч., с. 46—47.
9. Каторга и ссылка, 1931, № 8—9, с. 21—22.
10. Фонды Ульяновского дома-музея В. И. Ленина, папка 5, л. 12.
11. Каторга и ссылка, 1931, № 8—9, с. 24.
12. Слово к молодым. Казань, 1972, с. 17.
13. ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 3, д. 7822, л. 5.
14. Федосеев Н. Е. Статьи и письма, с. 36—94.
15. ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 85, л. 1.
16. Там же, д. 84, л. 2.
17. Там же, д. 86, л. 7.
18. Ульянова-Елизарова А. И. Ленин (Ульянов) Владимир Ильич. — Энциклопедический словарь русского биографического общества «Гранат», 7-е изд., т. 41, вып. 4—5, с. 309.
19. Москва, 1958, № 4, с. 55—57.
20. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 324.
21. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 32.
22. В. И. Ленин. Биография. М., 1972, с. 15.
23. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 180—181.

ПЕРЕЕЗД В АЛАКАЕВКУ

1. Ульянова М. И. Указ. соч., с. 33.
2. ЦПА ИМЛ, ф. 13, оп. 1, д. 13, л. 7.
3. Москва, 1958, № 4, с. 59.
4. Там же, с. 60.
5. Красный архив, 1934, № 1, с. 69.
6. Красная летопись, 1925, № 2, с. 151.
7. Арнольд В. «...Обязана следовать из Казани до Самары по Волге на пароходе». — Волжская коммуна, 1980, 29 июня.
8. Самарская газета, 1889, 25 апреля.
9. Иллюстрированный спутник по Волге. Казань, 1884, ч. III, с. 38.
10. ЦПА ИМЛ, ф. 11, оп. 4, д. 16, л. 42.
11. Ленин и Самара, с. 229.
12. ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 1835, л. 42.
13. Там же, л. 49.
14. Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 36.
2. Новый мир, 1970, № 2, с. 29.
3. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 25.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 467.
5. Там же, т. 4, с. 376.
6. Там же, с. 376—377.

СОДЕРЖАНИЕ

ИБ № 4711

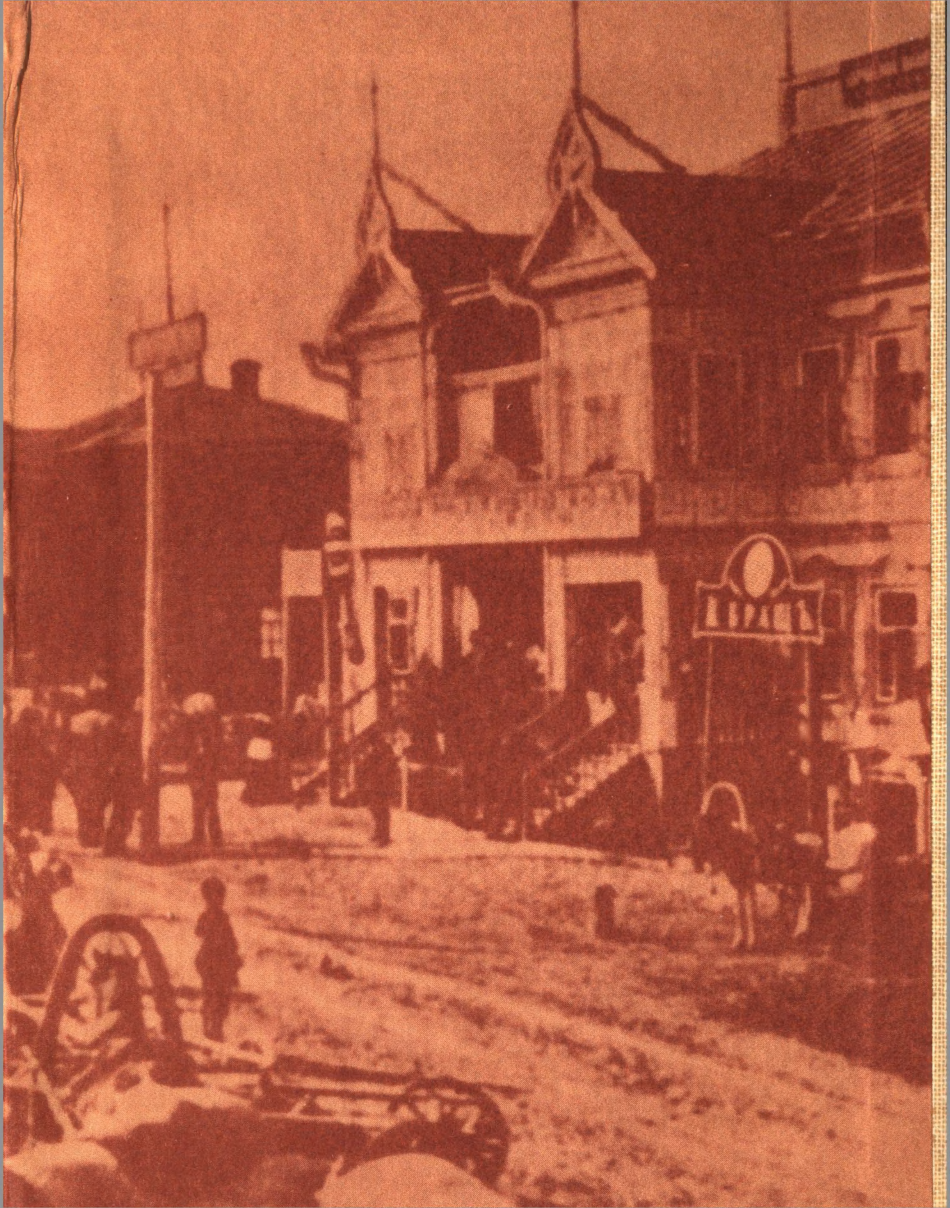
Жорес Александрович Трофимов
КАЗАНСКАЯ СХОДКА

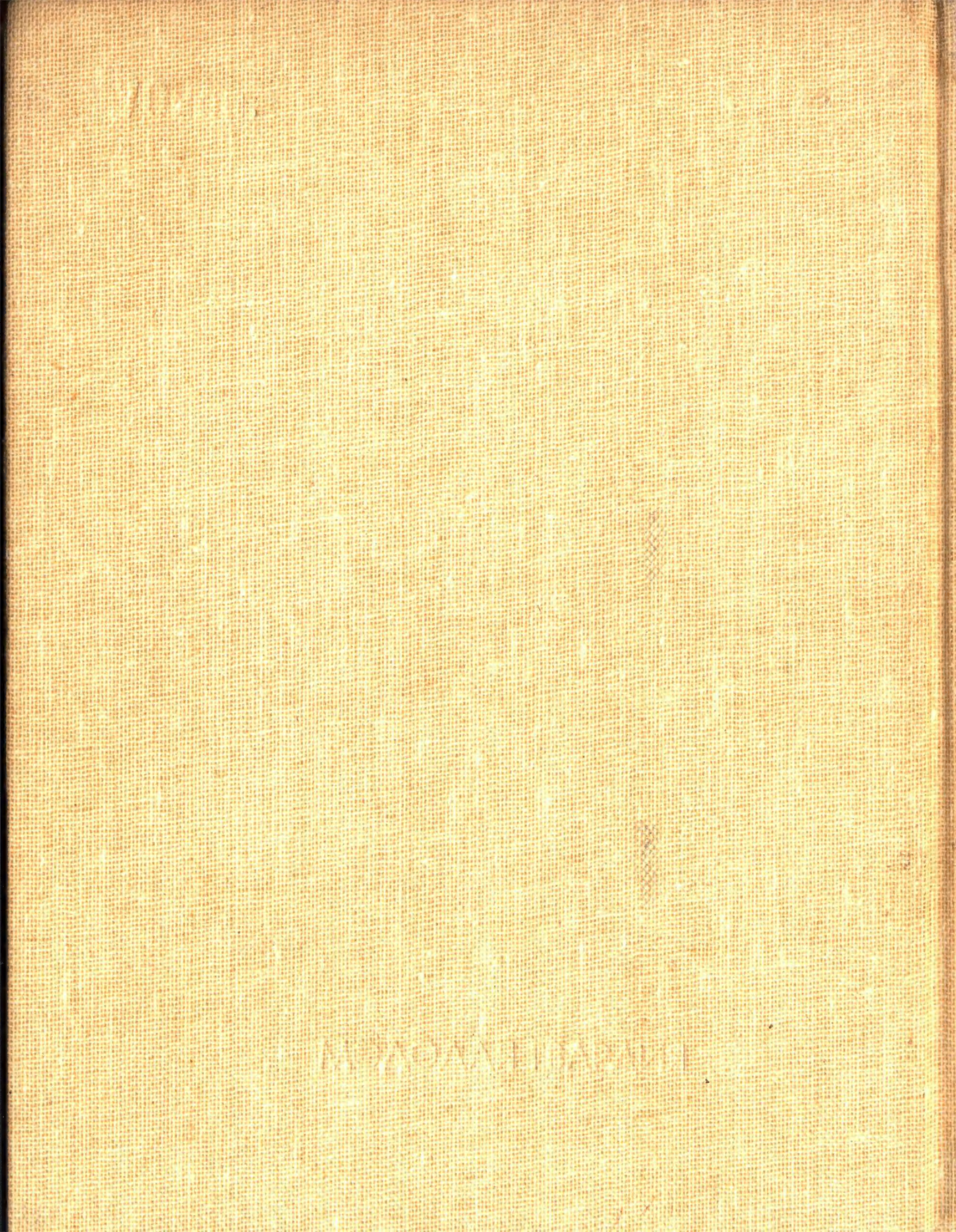
Рецензент **К. Валидова**
Редактор **И. Андреев**
Художник **Л. Белов**
Художественный редактор **Р. Тагирова**
Технический редактор **Г. Варыханова**
Корректор **Т. Крысанова**

Сдано в набор 14.10.85. Подписано в печать 01.04.86. А01485. Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 9,1+ +0,7 **вкл.** Усл. кр.-отт. 12,12. Учетно-изд. л. 11,0. Тираж **65 000** экз. Цена 70 коп. Заказ 1570.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Ж
КАЗАНСКАЯ СХОДКА